

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова

**Рабочие – предприниматели – власть
в конце XIX – начале XX в.:
социальные аспекты проблемы**

**Материалы V Международной научной конференции
Кострома, 23–24 сентября 2010 года**

ЧАСТЬ II

Кострома
2010

ББК 63.3(2)53-282.1я43
Р121

Печатается по решению редакционно-издательского совета
КГУ им. Н. А. Некрасова

Редакционная коллегия:
А. М. Белов (ответственный редактор),
Л. И. Бородин, Н. М. Рассадин, Е. А. Чугунов,
А. В. Новиков (заместитель ответственного редактора)

Р121 **Рабочие** – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы: материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 ч. / отв. ред., сост. А. М. Белов. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010 – Ч. II. – 133 с.

ISBN 978-5-7591-1139-9

В сборник вошли материалы V Международной научной конференции «Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы», состоявшейся в Костромском государственном университете им. Н. А. Некрасова при поддержке Российского гуманитарного научного фонда 23–24 сентября 2010 года.

Авторами освещены новейшие подходы и методы исследования рабочего вопроса и социальные аспекты модернизационного развития России на протяжении второй половины XIX–XX столетий. Особое внимание уделено вопросам историографии, источниковедения и методологии изучения рабочих и предпринимателей России.

Издание адресовано научным работникам, аспирантам, учителям, студентам, всем, интересующимся историей Отечества.

ББК 63.3(2)53-282.1я43

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-01-14037г)*

ISBN 978-5-7591-1139-9

© А. М. Белов, составление, 2010

© КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ III. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ XIX – НАЧАЛА XX вв.	стр 5
<i>Скубневский В.А.</i> Частное предпринимательство в промышленности на кабинетских землях Западной Сибири в пореформенный период	5
<i>Иерусалимский Ю.Ю., Леднева Н.К.</i> Дворянская опека Ярославской губернии в пореформенное время	13
<i>Юрчук К.И.</i> В тисках кризиса (Кто ловчее?)	25
<i>Иванцов Д.С., Чугунов Е.А.</i> Культурно-просветительская и благотворительная деятельность российских предпринимателей рубежа XIX-XX веков как инструмент влияния на рабочую массу (на материалах Верхнего Поволжья)	28
<i>Панкратова О.Б.</i> «Побольше бы Коноваловых у нас было – хорошо бы народу жилось!»	32
<i>Мальцев Р.Ю.</i> Владимир Алексеевич Шевалдышев – член семьи Третьяковых.	36
<i>Кузин С.Н.</i> Предприниматели в процессе формирования системы народного образования в России (XIX – начало XX вв.)	43
<i>Иерусалимская С.Ю.</i> Деятельность органов местного самоуправления и предпринимателей по развитию среднего образования на рубеже XIX – XX веков (по материалам Ярославской и Костромской губерний).	48
<i>Кохнович В.А.</i> Княгиня Ирина Ивановна Паскевич – меценат, просветительница, христианка	60
РАЗДЕЛ IV. СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ОПЫТ И УРОКИ	66
<i>Веселов В.Р.</i> Октябрь 1917 года: возвращение к теме.	66
<i>Ульянова С.Б.</i> К характеристике советского заводского сообщест-	74

ва 1920-х гг.

<i>Кидяров А.Е.</i> Подавление ярославского мятежа 1918 г	83
<i>Камардин И.Н.</i> Роль оппозиционных партий в рабочем протесте в 1921 году (на материалах Поволжья)	90
<i>Ермушин М.В.</i> «Спецеешческие» настроения рабочих в годы НЭ-Па: к вопросу изучения (на материалах Центрального промышленного района)	97
<i>Коровин Н.Р.</i> Изучение проблем социальной структуры советских рабочих в 30-е годы: история и современность	101
<i>Околотин В.С.</i> Роль рабочих в реализации налоговой политики на территории Ивановской промышленной и Московской областей (1929-1931 гг.).	108
<i>Нестеренко Н.Н.</i> Жилищные условия рабочих г. Костромы (по материалам обследования быта рабочих Этнологической Станции Костромского Научного Общества)	116
<i>Околотин В.С.</i> «Берлинер Тагеблатт» о реализации «идеала нового пролетарского бытия» в «текстильном районе Иваново-Вознесенска» (июль 1929 года).	121
Сведения об авторах	132

РАЗДЕЛ III. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ XIX – НАЧАЛА XX вв.

В.А. Скубневский¹

Частное предпринимательство в промышленности на кабинетских землях Западной Сибири в пореформенный период

Формирование кабинетского горного округа на юге Западной Сибири началось в 1747 г., когда императрица Елизавета Петровна конфисковала у наследников известного заводчика Акинфия Демидова Колывано-Воскресейские заводы. До 1834 г. округ назывался Колывано-Воскресенским, с 1834 по 1896 г. – Алтайским горным округом, с 1896 по 1917 г. – Алтайским округом. Современная историография чаще всего трактует принадлежность этих земель «российской короне»¹. Управлялись они Кабинетом Её (Ее) императорского величества, отсюда название – «Кабинетские земли». В конце XIX в. (1897 г.) площадь Алтайского округа составляла 39 млн. десятин, а к 1915 г. – 41 млн. десятин². В настоящее время на данной территории размещаются помимо Алтайского края и Республики Алтай большая часть Новосибирской и Кемеровской областей и отдельные районы Томской области, Республики Хакасия, Восточного Казахстана. Это были наиболее богатые полезными ископаемыми (полиметаллические руды, золото, уголь, соль) и прочими природными ресурсами (прежде всего плодородные почвы) земли Западной Сибири.

После перехода данной территории от Демидовых Кабинету здесь монопольное и можно сказать исключительное (вне конкуренции) положение заняла кабинетская горная промышленность, представленная крупным комплексом горнодобывающих и металлургических предприятий, при этом центральное положение занимало производство серебра. С 1789 по 1861 г. его среднегодовая выплавка составляла 1 тыс. пудов, а это 90 и более процентов выплавки в Российской империи. С 1830 г. на кабинетских приисках также добывали золото.³ Работа кабинетской горной промышленности Алтая до 1861 г. обеспечивалась мастерами и приписными крестьянами, которые фактически были крепостными.

Говорить об условиях для развития частного предпринимательства и в горной, и в обрабатывающей промышленности горного округа до 1861 г. не приходится, ибо частная промышленность здесь фактически была запрещена рядом указов Кабинета ЕИВ. Правда, накануне отмены

¹ Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект 2009 – 1.1 - 301 - 072 - 016)

² © В.А.Скубневский, 2010

крепостного права горное начальство сделало исключение для владельцев нескольких крупчатных водяных мельниц. В 1850 г. их было три с 45 наемными рабочими, они произвели муки на 60 тыс. руб.⁴

Частное предпринимательство в промышленности на кабинетских землях Западной Сибири стало развиваться лишь после отмены в 1861 г. крепостного права на фоне кризиса кабинетской горной промышленности. Исследователи этого вопроса встречаются с очень интересным явлением. С одной стороны, сам Кабинет и местная барнаульская окружная администрация проводили сдерживающую и даже запретительную политику в отношении частной промышленности, а, с другой, представители того же чиновничества и горные инженеры стремились оказаться в числе первых предпринимателей. К тому же конкуренция местного немногочисленного купечества, по крайней мере в 50-70-е гг. XIX в. была слаба. Дело в том, что до середины XIX в. в Алтайском горном округе купечество не было вполне самостоятельно в предпринимательской деятельности, ибо должно было, прежде всего, выполнять поручения и подряды от горного правления. Да и его численность даже в Барнауле (центре горного округа) была меньше, чем в прочих сибирских городах. По сведениям за 1851 г., в Барнауле при населении в 10 тыс. чел. было объявлено только 22 купеческих капитала, в то время как в Тюмени (такое же население) – 72, в Томске (13,5 тыс. чел.) – 76 капиталов⁵.

К середине XIX в. Алтайский горный округ был довольно изолированной территорией. Хотя он и входил в состав Томской губ., барнаульское горное начальство напрямую подчинялось Петербургу. Многие стороны жизни горного округа регламентировались указами Кабинета. О запрете частной промышленности уже упоминалось. Сюда была запрещена массовая ссылка, округ был закрыт для переселенцев и, в то же время, воспрещалось переселение мастеровых и приписных крестьян на государственные земли.

Буржуазные реформы 60-70-х гг. XIX в. не могли обойти стороной царское имение. В 1861 г. было отменено зависимое положение мастеровых и приписных крестьян, в 1865 г. горный округ был открыт для переселенцев и вскоре стал одним из главных районов водворения переселенцев из Европейской России. Наконец, в условиях роста убытков от кабинетской горной промышленности, менялась экономическая политика Кабинета и местной администрации в отношении частной промышленности. В 1862 г. была разрешена добыча золота частным компаниям, в том же году было разрешено открывать частные винокуренные, стекольные, крупчатные, салотопенные и некоторые другие предприятия. Но о полной свободе предпринимательству в обрабатывающей промышленности говорить не приходится. На всю территорию горного округа распространялся запрет на применение паровых

двигателей и котлов. Такая мера объяснялась необходимостью сохранения лесных богатств. Леса были кабинетскими и традиционно рассматривались как сырье для получения древесного угля, который в свою очередь, был необходим при выплавке металлов на металлургических кабинетских предприятиях. Всевозможные ограничения касались и разрешенных групп производства. Так, например, винокуренные заводы нельзя было устраивать в горнозаводских поселках и вблизи них. Обратим внимание и на специфические денежные сборы с владельцев, введенные кабинетскими властями. Так, частные золотопромышленные компании обязаны были платить Кабинету подати с добытого золота от 5 до 15% и арендную плату в 2%. Аренда земель под фабрики и заводы обходилась владельцам 1 руб. с десятины. Владельцы винокуренных и пивоваренных заводов выплачивали в пользу Кабинета особую поведерную плату (параллельно с акцизными сборами) и т.д.⁶

Центральное место среди отставных горных служащих по размаху предпринимательской деятельности занимал Константин Павлович Платонов. Он был потомственным дворянином, учился в Пермской гимназии, но не окончил ее, так как был зачислен в штат Уральского горного правления по чертежной с званием унтершихтмейстера 3-го класса. В 1846 г. он был определен в Алтайское горное правление (ему было уже 34 года), в 1849 г. был произведен в коллежские асессоры. Позже получил чин надворного советника⁷.

Предпринимательская деятельность К.П. Платонова реализовывалась в мукомольном деле, винокурении, золотопромышленности, торговле, стекольном производстве. Он весьма активно привлекал капиталы компаньонов, большинство из которых были также отставными чиновниками или горными инженерами, но известно его сотрудничество и с купцом Г.Т. Бадьиным, а позже с его вдовой.

В 1866 г. К.П. Платонов в компании с отставными полковниками А.И. Ляпиным и Ярославцевым в деревне Зудиловой Барнаульского округа построили водяную мукомольную мельницу. В 1866 г. ее годовая производительность составляла более 50 тыс. пуд. муки, занято 20 рабочих, в 1890 г. – 70 тыс. пуд. при 30 рабочих. Формулярный список позволяет уточнить сведения об одном из компаньонов – Ляпине. Александр Иванович Ляпин был потомственным дворянином Московской губ., 1802 г. рождения, выпускник Горного института, службу на Колывано-Воскресенских заводах начал в 1823 г. шихтмейстером, звание подполковника получил в 1847 г., дошел до должности управляющего казенными золотыми промыслами (1842 г.) и советника Алтайского горного правления (1849 г.)⁸.

Но основу всего коммерческого дела семьи Платоновых (К.П. Платонова и его сына Ивана) составляло винокурение и виноторговля. Именно в этом качестве Платоновы были известны по всей

Сибири. Они являлись владельцами довольно крупного Иткульского винокуренного завода и Барнаульского водочного завода. Судя по архивным источникам, идея строительства винокуренного завода в Бийском округе принадлежала барнаульскому купцу 2-й гильдии Григорию Терентьевичу Бадьину.

В числе желающих открыть на Алтае винокуренные заводы были помимо уже упомянутого Г.Т. Бадьина также кузнецкий купец 2-й гильдии М. Головачев, художник М.Б. Пранг (будущий владелец содового завода), колыванский купец 2-й гильдии П.А. Алексеев, томский купец 2-й гильдии Николай Колчин⁹. Но в конечном итоге был открыт единственный Иткульский завод Г.Т. Бадьина. Первоначально Г.Т. Бадьин, а он уже был известным виноторговцем, в компании с отставным чиновником полковником Ястржембским получил разрешение на открытие в том же Бийском округе свеклосахарного завода. Но, по сообщению Г.Т. Бадьина, этот завод оказался убыточным.

Несколько слов об Ястржембском. Павел Николаевич Ястржембский, сын дворянина, «хорунжего бывших польских войск», родом из Каменец-Подольской губ., выпускник Горного кадетского корпуса, в 20 лет был определен на службу в Петербургский монетный двор, в 1836 г. переведен в Алтайский горный округ¹⁰. Здесь занимал разные должности, в том числе управляющего горными заводскими конторами: Сузунской, Томской, Локтевской, казенными золотыми промыслами (1856-1859). В 1862 г. ему было 50 лет, но к 1867 г. он уже умер. Так что прежняя компания Бадьина и Ястржембского распалась, а разрешение на строительство винокуренного завода Г.Т. Бадьин получал на свое имя. С 1869 г. К.П. Платонов уже упоминается как компаньон Г.Т. Бадьина, а в 1870 г. Алтайское горное правление заключило дополнительное соглашение с компанией «К.П. Платонов и Г.Т. Бадьин» о постройке винокуренного завода¹¹, хотя завод уже действовал, более того, в 1869 г. выкурка вина уже превысила установленную Кабинетом норму для завода в 50 тыс. ведер. В указанном году было произведено 55 тыс., а в 1870 г. – 60,8 тыс. ведер. Видимо, Бадьин совсем не случайно искал компаньонов среди крупных чиновников.

Уже позже несколько бийских купцов, в их числе М.А. Яновский, Я. Сахаров, Н. Гусев, В. Бирюков жаловались начальнику горного округа, что якобы между К.П. Платоновым и Г.Т. Бадьиным был у маклера в 1867 г. заключен «скрытый договор» (скрытый, прежде всего, от Алтайского горного правления и Кабинета) о создании компании по строительству завода, и обвиняли К. Платонова в том, что он, будучи тогда еще на службе в должности советника горного правления, «отдал самому себе без торгов место под винокуренный завод»¹². Разумеется, К. Платонов все эти обвинения отметал.

Г.Т. Бадьин умер в 1872 г. и совладелицей Иткульского завода становится его вдова Евдокия Ивановна Бадьина, которая вскоре вышла замуж за чиновника Судовского. На первый взгляд, брак между купчихой и дворянином чиновником выглядит несколько странно, но вновь обнаруженные документы проясняют картину. Именно в год смерти Г.Т. Бадьина (1872 г.) отставной асессор Дмитрий Иванович Судовский получил свидетельство на разработку золота в Сибири¹³. А в следующем, 1873 г., Д.И. Судовский и К.П. Платонов стали компаньонами и приобрели Семеновский прииск в Мариинском округе Томской губ., ранее он принадлежал Коновалову, и один прииск в Алтайском горном округе. Так что компаньонка К. Платонова вышла замуж за другого компаньона¹⁴. Это круг близко знакомых людей.

В 1873 г. К.П. Платонов вместе с женой чиновника Айдаровой строит недалеко от Иткульского винокуренного стекольный завод, на котором изготавливали бутылки и прочую посуду для винокуренного завода, а также и оконное стекло, на этом предприятии было занято до 100 рабочих.

Производительность Иткульского завода к 1890-м гг. достигла 200 тыс. ведер, а обороты компании «К.П. Платонов и Е.И. Судовская» были не менее 1 млн. руб. В 1893 г. Константин Павлович умер и его доля в компании перешла к сыну Ивану, хотя Иван был уполномоченным по делам завода с 1881 г.¹⁵

Другой интересный сюжет связан со строительством в Барнауле в 1864 г. первого в России содового завода. В литературе, начиная с дореволюционного времени, отмечалось, что владельцем и основателем этого предприятия был художник Матвей Богданович Пранг¹⁶. Но в действительности дело начинали его родные братья, чиновники Пранг-1-й (Иван Богданович) и Пранг-2-й (Егор Богданович). Художник Матвей Пранг писал: «Мыловаренно-содовый завод был устроен братьями моими Иваном и Егором Пранг(ами) на месте занимаемом еще в 1864 году»¹⁷. Таким образом, не петербургский художник М. Пранг получил разрешение от начальника Алтайского горного округа Фрезе строить содовый завод, а его братья - горные инженеры.

Братья Пранг являлись «сыновьями иностранного мастера Прусской державы», как сказано в формулярном списке Егора Пранга¹⁸. Старшие братья получили образование в Петербургском горном институте. Иван с 1835 по 1837 г. работал на знаменитом Александровском чугуно-литейном заводе в столице, в 1837 г. переведен на службу в Алтайские горные заводы, с 1850 г. был управляющим Павловского сереброплавильного завода, был женат на дочери полковника Злобина Софье Максимовне. Егор Пранг был переведен на Алтайские заводы с Нерчинских в 1847 г. Кстати, женат он был на дочери генерал-майора

Татаринова Юлии Степановне. Так что старшие братья Матвея были в горном округе людьми известными и «с положением».

Строительство содового завода не вписывалось в разрешительные меры Кабинета, так как в перечне разрешенных производств содовое не упоминалось. Но первоначально завод был мыловаренно-содовым, а мыловаренное производство не запрещалось. Разрешение на строительство завода братьям Пранг дал лично А.Е. Фрезе, при этом, как писал М. Пранг, он лично посещал завод, а в 1866 г. даже совместно с генерал-губернатором Западной Сибири Дюгамелем¹⁹.

В 1870 г. Иван и Егор Богдановичи Пранги передали, практически продали содовый завод младшему брату Матвею за 14 тыс. руб., которые он обязался выплатить за 8 лет. Завод М. Пранга был известным на всю Сибирь предприятием, его сода раскупалась владельцами стекольных, кожевенных, овчинно-шубных предприятий, экспонировалась на многих российских выставках, в том числе на Нижегородской 1896 г. Предприятие известно и тем, что среди частных заводов здесь был в 80-е гг. XIX в. установлен первый в городе паровой двигатель.

Предпринимательство Николая Андреевича Давидовича-Нащинского реализовывалось в золотопромышленности, соледобыче, он также имел конный завод. Происходил Н.А. Давидович-Нащинский из потомственных дворян Вятской губ., учился в горном институте, на службу поступил в 20-летнем возрасте (1850 г.) и был направлен на Алтайские горные заводы²⁰. В его послужном списке были должности управляющего горными конторами Барнаульской, Павловской, Салаирской, младшего советника горного правления (1867 г.), дослужил до чина статского советника. В 1877 г. был избран первым городским головой Барнаула по Городовому положению 1870 г.

Добычей золота он начал заниматься еще в 1853 г., т.е., находясь на службе. Кроме того, вел добычу соли на Печаточном озере в Барнаульском округе, в 1888 г. ее добыто, например, 28,8 тыс. пуд., занято на промысле 28 рабочих, имел конный завод²¹.

Очень интересны зарисовки приказчика П.Ф. Кочнева о братьях Функах. Хотя они не были служащими горного ведомства, стоит кратко сказать об их предпринимательстве, ибо они входили в круг барнаульского высшего общества, оба свободно говорили по-французски и по-немецки, имели хорошие библиотеки. Михаил и Дмитрий Егоровичи Функи были родом из прибалтийских немцев, дворяне. Михаил служил начальником Барнаульской почтово-телеграфной конторы, и оба брата занимались хлебной торговлей²². Михаил разбогател именно на хлебной торговле, что позволило ему стать судовладельцем (компания совместно с тарским купцом А.И. Щербаковым). Но известность ему принес небольшой завод охотничьей дробы, открытый в Барнауле в 1869 г., первое предприятие подобного профиля в Сибири и попытка (совместно с А.И. Щербаковым)

установить прямое пароходное сообщение через Обскую губу и Ледовитый океан с Англией на рубеже 70-80-х гг. Окончилась она, правда, неудачно²³.

В частной золотопромышленности Алтайского горного округа ведущие позиции заняли крупные компании, в которых преобладали дворяне и не только местные, но и столичные, вплоть до представителей придворных кругов. Это, впрочем, вполне объяснимо, ведь отвод земель в конечном итоге утверждался чиновниками Кабинета в Петербурге.

В 1880 г. была основана компания «Алтайское золотопромышленное дело» дворянином, сыном томского золотопромышленника И.Д. Асташева Вениамином Ивановичем Асташевым, правление находилось в Петербурге. Из 1000 паев самому В. Асташеву принадлежало 300 паев, банкиру Г.Е. Гинцбургу – 280, генералу П. Дурново – 100, И.Д. Красносельскому – 70, В.А. Ратькову-Рожнову – 60, великому князю Николаю Николаевичу – 30 и столько же принцу А. Гессенскому. За первые 25 лет деятельности компанией было добыто 350 пудов золота, число рабочих в 80-е гг. превышало 500 чел.²⁴.

"Южно-Алтайское золотопромышленное дело было основано в 1881 г. генерал-майором, заводчиком П.Д. Мальцевым. Участие в компании делилось на 100 паев, из которых 30 принадлежало барону Г.Е. Гинцбургу, в числе пайщиков были В.А. Ратьков-Рожнов, князь А.К. Иммеретенский и др. С 1882 по 1900 г. компанией было добыто 532 пуда золота, число рабочих достигало 1,5 тыс. чел.²⁵. В числе крупных золотопромышленников Алтайского горного округа также были красноярские купцы Кузнецовы, Даниловы. Но именно две указанные выше компании, т.е. «Алтайское золотопромышленное дело» и «Южно-Алтайское золотопромышленное дело» добывали более половины золота в частной золотопромышленности горного округа.

С 1895 г. Кабинет все чаще отдает в аренду частным и, как правило, крупным компаниям не только месторождения полезных ископаемых, но и собственные рудники и заводы. Если в середине XIX в. горный округ, как уже отмечалось, был закрыт для частного предпринимательства, то на рубеже XIX – XX в. картина была диаметрально противоположной. Именно на кабинетских землях развернули свою деятельность крупные частные компании и не только российские, но и иностранные. Австрийская компания «Турн-и-Таксис и доктор Жанне» по договорам 1903 и 1905 гг. арендовала Змеиногорские и Зыряновские месторождения и до 1914 г. удерживала первое место на Алтае по добыче золота. В 1914 г. указанная компания передала права на аренду «Русской горнопромышленной корпорации» – монополии с участием российского и английского капитала, которая, в свою очередь, в годы Первой мировой войны стала здесь лидером по добыче золота²⁶.

Угольные месторождения Кузнецкого бассейна были сданы в аренду в 1913 г. компании Копикуз. Эта компания с капиталом в 6 млн руб. была основана в 1912 г. в Петербурге представителями крупного российского и французского капитала. К маю 1914 г. Петербургский Международный банк являлся держателем 33 тыс. акций (56%), Русско-Азиатский банк - 8,8 тыс. акций (15%), французские банки – 16 тыс. акций (26%). Добыча угля к 1917 г. выросла до 18 млн. пуд., трудилось до 4 тыс. шахтеров²⁷.

Итак, во второй половине XIX в. в Алтайском горном округе значительное развитие получило предпринимательство горных инженеров и чиновников, в их числе было немало потомственных дворян (Платоновы, Н.А. Давидович-Нащинский, братья Функ, Пранг и др.).

Они в основном представляли «цвет» барнаульского общества, которое в Сибири было известно не только жизнью «на широкую ногу», почти столичным образом жизни, но и особой корпоративностью. Многие из инженеров и чиновников женились на дочках своих коллег и друзей, и этот круг был достаточно замкнут. Например, П.Ф. Кочнев отмечал, что при разработке соленых боровых озер в Барнаульском округе действовала «негласная компания: М.Е. Функ, И.К. Платонов и С.М. Цветиков, это им было выгоднее, чтобы не конкурировать друг с другом»²⁸.

Высокий уровень грамотности и профессиональной подготовки отличали эту группу предпринимателей от основной массы купечества. Это позволяло им браться за новаторские проекты (содовый, дроболитейный заводы и др.). Связи с чиновниками управления округа, а, возможно, и Кабинета, позволяли новоявленным предпринимателям получать разрешения на добычу золота и соли, открытие промышленных заведений, на возможность заготовки леса.

В редких случаях наследники продолжали коммерческие начинания своих отцов (например, И. Платонов), но в большинстве случаев они отходили от коммерции.

Вместе с тем, на рубеже XIX – XX вв. в сфере предпринимательства усилились позиции гильдейского купечества, новых дельцов из Центральной России, крупного российского и иностранного капитала. Так что предпринимательская деятельность чиновников и служащих горного ведомства в пореформенное время на Алтае была своеобразным, но временным явлением, определенным самой спецификой кабинетского округа.

¹ Пережогин А.А., Соболева Т.Н. Колывано-Воскресенский горный округ // Экономическая история России с древнейших времён до 1917 г.: Энциклопедия. М., 2008. Т.1. С. 1017.

² Обзор деятельности округа за пятилетие (1911-1915 гг.) с краткой исторической справкой за предшествующее время. Барнаул, 1916. С. 87.

³ Пережогин А.А., Соболева Т.Н. Указ. соч. С. 1018.

⁴ Разгон В.Н. Частное предпринимательство на Алтае в XVIII - первой половине XIX в. // Предпринимательство на Алтае, XVIII в. - 1920-е годы. Барнаул, 1993. С. 20.

⁵ Статистическое обозрение Сибири, составленное Гагемейстером. СПб., 1854. Ч.2. С. 566.

-
- ⁶ Подробнее см.: Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX века. Барнаул, 2001.
- ⁷ ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф. 2. Оп. 1. Д. 6254. Л. 152-102.
- ⁸ Там же. Д. 5351. Л. 30об.-35об.
- ⁹ ГААК. Ф.3. Оп. 1. Д. 486. Л. 80об.-81.
- ¹⁰ ГААК. Ф.2. Оп. 1. Д. 5994. Л. 131об.-140.
- ¹¹ ГААК. Ф.3. Оп.1. Д. 486. Л. 416.
- ¹² Там же. Л. 584об.
- ¹³ ГААК. Ф.2. Оп. 2. Д. 3258. Л. 19 - 21.
- ¹⁴ Там же. Д. 3622. Л. 1,5.
- ¹⁵ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 486. Л. 699.
- ¹⁶ Завадовский. Содовое производство в Сибири: Краткий исторический очерк // Горный журнал. 1894. № 9. С. 383 – 391.
- ¹⁷ ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7747. Л. 8.
- ¹⁸ Там же. Д. 5994. Л. 156об.
- ¹⁹ Там же. Д. 7747. Л. 8об.
- ²⁰ Там же. Д. 5994. Л. 282 - 286.
- ²¹ Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861 - 1917: Энциклопедия предпринимательства. Барнаул, 1996. С. 212 - 213.
- ²² Кочнев П.Ф. Жизнь на Большой Реке: записки сибирского приказчика. Новосибирск, 2006. С.212 - 213.
- ²³ Носова Е.А. Хлеботорговля и хлеботорговцы на Алтае (вторая половина XIX в.) // Предпринимательство на Алтае, XVIII в. – 1920-е годы. Барнаул, 1993. С. 38 - 39.
- ²⁴ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX - начала XX вв. Томск, 1975. С. 122; Скубневский В.А. Алтайское золотопромышленное дело // Экономическая история России... Т.1. С. 80 – 81.
- ²⁵ Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая... С. 105 - 106.
- ²⁶ Лукин А.А. Из истории перехода Рудного Алтая под контроль английского финансового капитала // Краевед Кузбасса. Новокузнецк, 1971. С. 55 - 56.
- ²⁷ Рабинович Г.Х. Указ. соч. С. 190.
- ²⁸ Кочнев П.Ф. Указ. соч. С. 281.

Ю.Ю. Иерусалимский, Н.К. Леднева

Дворянская опека Ярославской губернии в пореформенное время

Во второй половине XIX века на территории Ярославской губернии действовало несколько дворянских опеков. Они находились под контролем и функционировали согласно постановлениям Ярославского и Рыбинского окружных судов, а также Ярославского губернского правления, указами которого в непосредственное ведение данных органов дворянского представительства отдавались многочисленные дела о наложении опеки на помещичьи имения края¹. В дворянских опеках по должности председательствовали уездные предводители дворянства, игравшие важную роль в организации деятельности данных сословных органов². Численный состав дворянских опеков был невелик – один председатель и два – три заседателя.

Например, в конце XIX в. председателем Ярославской дворянской опеки являлся князь В.Н. Урусов, а членами – А.И. Андронов,

¹ © Ю.Ю.Иерусалимский,
Н.К. Леднева, 2010

Н.И. Чубаров и А.Ф. Сибицкий³. Когда один из заседателей уходил в отпуск (а отпуск мог продолжаться в ряде случаев до нескольких месяцев), ему безотлагательно искали замену; в случае же если таковая не находилась, отпуск либо вообще отменялся, либо переносился на неопределённый срок⁴. Интересно, что за весь период работы ярославских дворянских опеков во второй половине XIX столетия наиболее продолжительный отпуск сроком на четыре месяца был предоставлен в сентябре 1869 г. члену Романово-Борисоглебской дворянской опеки А.И. Пересветову⁵. В прошении об увольнении в отпуск данный служащий так аргументировал свою просьбу: «... для необходимой отлучки по делам в столичные города Санкт-Петербург, Москву и уездные Суздаль, Пошехонье, Ростов и губернский Ярославль», при этом напоминал председателю и присутствию опеки о денежном «...снабжении на отпуск узаконенным видом», которое, конечно, являлось далеко не лишним в столь долгой «отлучке»⁶.

Заседания дворянских опеков, так же как губернских и уездных собраний, могли быть обычными (собираемыми в обычном порядке) и чрезвычайными (экстренными). Основной функцией дворянских опеков являлось установление экономического и правового контроля над помещичьим имением, хозяин которого обанкротился. Кроме того, под опекой могли находиться несовершеннолетние дети-сироты⁷, либо весьма пожилые люди. В каждом из этих конкретных случаев попечительство осуществлялось не только над имуществом, но и над личностью опекаемого человека. Детям, достигшим совершеннолетия, данные органы представляли причитающуюся им определённую сумму денег и освобождали из-под опеки⁸.

Интересным и важным источником по теме исследования являются журналы заседаний дворянских опеков Ярославской губернии. В отличие от стенограмм и протоколов в журналах обсуждение каждого вопроса выражалось, как правило, в более обобщённом виде: несколько выступлений одного лица могли быть сведены воедино; близкие по смысловой нагрузке мнения разных лиц могли излагаться как нечто цельное; иногда прения вообще опускались, и сообщалось лишь существо дела, мнение большинства и меньшинства и принятое постановление. Обычно такой журнал составлялся после очередного заседания опеки на основании кратких записей секретаря⁹. В результате анализа широкого комплекса источниковых материалов по теме исследования можно сделать вывод о том, что во второй половине – конце XIX столетия на территории Ярославской губернии преобладали опеки, наложенные на имения из-за крупной задолженности и постоянных долговременных неплатежей по процентным ставкам их владельцев ссудно-кредитным учреждениям¹⁰. Интересен также тот факт, что среди владельцев опекаемых имений в Ярославской губернии периода 1860-х – 1890-х гг. было значительное количество женщин.

Данное обстоятельство объясняется давними патриархальными традициями в укладе жизни русского общества, которому была присуща пре-

обладающая роль мужчины в хозяйстве, обществе и семье; при этом основная функция женщины сводилась к воспитанию детей, ведению домашнего хозяйства и беспрекословному повиновению главе семьи. В подобной обстановке достаточно трудно, если не сказать невозможно, даже в условиях второй половины XIX столетия, было вырастить экономически компетентную хозяйку, которая сумела бы рационально и рентабельно управлять целым имением. Конечно, случались и исключения из этого правила. Например, как уже указывалось в §-1 данной работы, почти все российские периодические издания в конце XIX в. обошло сообщение о коммерческих успехах графини Татищевой¹¹. Однако, эти единичные исключения лишь подтверждали общее правило. Во второй половине XIX столетия в Ярославском крае женщин-дворянок, которые бы сумели повторить экономический успех графини Татищевой не нашлось.

Второй по численности наложения опеки в Ярославском крае в исследуемый период являлась группа помещичьих имений, опекуновское управление в которых осуществлялось вынужденно и временно, по причине несовершеннолетия, – «малолетства» их владельца, либо владельцев. Следует также отметить, что подобные тенденции в сфере развития дворянских опеки не являлись характерными лишь для Ярославского края, а прослеживались в указанное время по всей Российской империи¹².

Какой бы ни была причина наложения дворянской опеки, служащими данного органа собирался целый комплекс делопроизводственной документации, характеризовавшей финансово-экономическое состояние порученного им ведению имения. Например, в случае наложения опеки на имение ввиду финансовой несостоятельности его владельца посылались многочисленные запросы в различные отделения Сохранных казен и Приказов общественного призрения (дореформенные кредитные учреждения в Российской империи), Государственный Дворянский земельный банк, который был создан в 1885 году¹³. Так, в октябре 1869 г. среди общего реестра документов, собранных служащими Романово-Борисоглебской дворянской опеки по делу о наложении опеки на имение помещика А.Н. Меркурова было уведомление из Санкт-Петербургской Сохранной казны о займе данного дворянина под его ярославское имение на сумму 2308 руб. 82 коп., содержащее сообщение об имевшихся на тот момент недоимках и просрочках по займу, в среднем составлявших 349 руб. 80 коп за три года, в данном случае за 1866 – 1868 годы¹⁴.

Служащими дворянских опеки также проводился сбор информации по выполнению заёмщиками взятых на себя обязательств, в том числе и по использованию заложенного имения и т.д., после чего в имение назначался опекун или соопекун, осуществлявшие там хозяйственное заведование¹⁵. Как правило, подавляющее число взятых под опеку дворян обращались в кредитные учреждения с заявлениями о выдаче ссуд под залог имущества¹⁶. В ряде случаев, при поручительстве опекунов и руководствуясь их

прошениями, дворянская опека могла быть приостановлена¹⁷. Таким образом, опекаемый почти постоянно находился под бдительным и неустанным контролем этого органа дворянского общества.

Обязанности дворянских опеков в исследуемый период были достаточно обширны и сложны. Их круг подробно освещён в запротоколированных журналах заседаний дворянских опеков Ярославского региона второй половины XIX столетия¹⁸. Данные обязанности включали в себя обнаружение лиц, принадлежавших к дворянскому сословию, чьи имения нуждались в опеке; установление самой опеки; назначение опекуна; наблюдение за его управлением имением и др. Органы дворянских опеков осуществляли административный контроль над опекунами, требуя с последних предоставления им ежегодных детальных отчетов хозяйственного управления помещением¹⁹, а также регулярных докладов по реестрам доходов и расходов имения²⁰. Члены дворянской опеки внимательно рассматривали и утверждали (или не утверждали) на своих заседаниях отчёты опекунов по управлению имениями²¹. В роли опекуна мог выступать любой дворянин, зарекомендовавший себя как «беспорочный» и «порядочный» представитель своего сословия.

Опекун выбирался и назначался на специальном заседании дворянской опеки вследствие предложения председателя, губернского или уездного предводителя дворянства и путём согласования его кандидатуры со всеми членами опеки²². В некоторых случаях дворянская опека имела право назначить не одного опекуна, а несколько (до двух человек), тогда они выступали в качестве соопекунов²³. Зачастую, при осуществлении опекунских функций над малолетними детьми, на должность опекуна назначался ближайший родственник опекаемого²⁴.

В сущности, материальной заинтересованности у назначаемого в имение опекуна не должно было быть никакой, поскольку опекуны по существовавшему в то время государственному законодательству имели право получать лишь 5 % с доходов имения, а, учитывая тот факт, что имения, в которые определялся опекун, зачастую балансировали на грани банкротства, на получение крупной суммы не стоило рассчитывать вовсе. Таким образом, с одной стороны должность опекуна могла считаться почти благотворительностью, и заниматься этим видом деятельности мог лишь филантроп.

Однако, с другой стороны, как в целом по России, так и в Ярославском крае нередко встречались опекуны-дворяне, не всегда ответственно и честно подходившие к своей опекунской деятельности и допускавшие в свою пользу многочисленные подлоги, фальсификации и финансовые махинации в имениях, опека над которыми была им поручена. То же самое касалось и служащих самих дворянских опеков, нередко бравших определённую мзду и закрывавших глаза на многочисленные финансовые нарушения в опекаемых имениях. Чаще всего вышеуказанные коммерческие

операции проводились в помещичьих имениях, владельцами которых являлись малолетние дети, поскольку при сложившихся обстоятельствах не составляло никакого труда, и было совершенно безопасно проводить различные махинации, тогда как взрослый собственник мог рано или поздно обо всём догадаться и обратиться со справедливой жалобой в органы опеки.

В Ярославской губернии в конце XIX столетия также имели место несколько случаев недобросовестного отношения опекунов к своим должностным обязанностям. Так, осенью 1898 г. на экстренном заседании Ярославской дворянской опеки слушалось дело «по пререканиям, возникшим между соопекунами над личностью и имуществом малолетнего сына подполковника И.И. Самарина, подполковником В.Д. Самариным и надворным советником В.М. Колычевым»²⁵. Последний обратился в органы дворянской опеки с прошением разобраться с деятельностью в должности опекуна В.Д. Самарина, которая, по его представлению вела к убыточности имения. В ходе рассмотрения данного разбирательства было выявлено, что дядя малолетнего опекаемого, являясь его опекуном, допустил на своём посту серьёзные просчёты и проявил себя как непорядочный и бесчестный человек.

Так, В.Д. Самарин, превысив свои опекунские полномочия, санкционировал «...1) самовольную рубку дров на продажу без предварительного разрешения опеки и недонесение о ней своевременно. 2) получение и самостоятельное расходование денег малолетнего без извещения опеки, и при том части из них, подлежащих поступлению в Костромскую дворянскую опеку, как достояние матери малолетнего, о чём г. Самарину было известно. 3) неизвещение опеки ... о поступлении к нему специального пособия на воспитание, такое же произвольное расходование его на собственные нужды с кратким обозначением в отчёте за 1896 г., без объяснения об его специальности, и упорное неисполнение двукратного требования опеки о переводе этих денег в Костромскую опеку» и др.²⁶.

В своём ответном слове В.Д. Самарин заявил, что считает «опекунство над личностью и имуществом малолетнего его племянника... для себя неудобным, так как он, как человек, постоянно занятый службой, не имеет достаточно времени для хранения своих интересов и чести, как опекуна, тем более при постоянных придиhrках к нему со стороны соопекуна В.М. Колычева»²⁷. Эти разногласия, также как и «безграничная ненависть» к нему В.М. Колычева «не допускают никакой возможности их дальнейшего совместного соопекунства», ввиду чего он «окончательно отказывается от звания опекуна над имуществом и личностью насильственно отторгнутого от родной семьи племянника и связанных с этой заботой попечений об его имении» и просит лишь «уведомить его о назначении преемника, которому он мог бы сдать текущие по опеке дела»²⁸.

В итоге Ярославская дворянская опека признала совокупные действия опекуна В.Д. Самарина несоответствовавшими интересам вверенного его опеке малолетнего племянника и отстранила В.Д. Самарина от этого звания, оставив в качестве единоличного опекуна В.М. Колычева. Имение было тщательнейшим образом осмотрено членами опеки (произведена перепись движимого и недвижимого имущества, подробный осмотр лесных порубок и сельскохозяйственных построек и др.) и передано в управление и распоряжение нового опекуна В.М. Колычева.

Интерес представляет также сама технология процесса наложения опеки. Например, в случаях с «безмерной и расточительной роскошью» хозяев имения (при том, что последние неоднократно допускали просрочки и неплатежи по выданным им кредитам), кредитное учреждение обращалось в региональную дворянскую опеку (по месту проживания получателей кредита) с требованием о предписании местному полицейскому управлению «немедленно потребовать означенную сумму»²⁹ с владельцев или заведующего имением. В случае своевременной, «по первому требованию» уплаты долга деньги отсылались почтой в «кредитное место». При неуплате надлежало «снести с местною Дворянскою опекою о взятии имения в опекунское управление» и в то же время сделать следующие распоряжения: арест всех доходов имения; составление в двух экземплярах описи имения по официальной форме, опубликованной Ярославским губернским правлением в мае 1863 г. В трёхмесячный срок один экземпляр описи отсылался в губернское правление, другой в местную дворянскую опеку. В случае недостатка количества земли против залогового свидетельства предписывалось немедленно сообщать об этом обстоятельстве в учреждение, выдавшее кредит.

Во второй половине XIX в. важные функции на местах выполняли оценщики. На них возлагалось производство расценок земель и оценок имений, а также сбор на местах подробных информационных данных, необходимых для осуществления всех стоявших перед ними задач³⁰. Местное полицейское управление распоряжалось о «приглашении к описи» в качестве оценщиков двух лиц, «имеющих имущество однородное с оцениваемым»; а также двух соседних дворян в качестве свидетелей³¹. Свидетелями, присутствовавшими при составлении описи земли, могли также выступать члены самой опеки. Так было, например, в августе 1871 г. в Мышкинском уезде, где представитель местной опеки Г.В. Пересветов лично принимал участие в описывании земельного имущества дворянки Тишининой³².

После проведения данных операций уездное полицейское управление предписывало местной дворянской опеке «немедленно взять в своё заведывание» имение должника, последнего устранить «от всякого участия в распоряжениях по имению, воспретить ему проживание в нём, избрать по имению опекуна и собираемые доходы, за исключением ... нужного для

уплаты податей и земских повинностей, не пуская до рук владельца, отсылать в Сохранную казну неупустительно, под личную членов опеки ответственность, руководствуясь в отношении сбора доходов с имения... уставною грамотой на имение»³³. В ряде случаев весь сбор и доставку доходов с имения в центральные кредитные учреждения империи осуществляло само уездное полицейское управление (в лице своего полицейского пристава)³⁴. Завершающим штрихом всего действия служил бланк «Указа Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского», высылаемый из Ярославского губернского правления в местную опеку и содержащий в себе краткое сообщение о взятии под опеку того или иного помещичьего имения³⁵.

Сборы с дворянских имений во второй половине XIX в. в Ярославской губернии утверждались на заседаниях губернского дворянского собрания. Статьи сборов были следующими: 1) на губернские дворянские учреждения; 2) на уездные дворянские учреждения; 3) недоимки по сметам прежних лет на все дворянские учреждения³⁶. Доходной статьёй являлся оброк по уставным грамотам (по 3 коп. с рубля). Общее количество всего сбора не было строго фиксированной цифрой, и по каждой из статей составляло приблизительно 85 коп.; 77 коп. и 1/12 коп. соответственно³⁷. Далее оброчная сумма поступала в дворянскую опеку, откуда передавалась в кредитное учреждение в счёт погашения финансовой задолженности владельца имения по взятой им ссуде.

В частности, все вышеперечисленные действия были проведены в Романово-Борисоглебском уезде в 1869 г. при описи и взятии в дворянскую опеку заложенного имения местной дворянки – баронессы С.М. Линштерн за постоянные неплатежи и «просрочки процентов» по займу 1853 г. на сумму в 6900 руб. (долговые проценты составляли 522 руб.)³⁸. В октябре 1870 г. те же меры были предприняты Ярославским губернским правлением и Романово-Борисоглебским уездным полицейским управлением в отношении помещицы Е.Ф. Мулки, также зарекомендовавшей себя как злостная неплательщица процентов по взятому под залог имения займу³⁹.

С течением времени в пореформенный период на территории Ярославской губернии количественные показатели установления опеки над дворянскими имениями неуклонно росли, что свидетельствовало о продолжении тенденции к росту банкротств среди помещичьих хозяйств региона, наметившейся в 60 – 70-х гг. XIX столетия. Вместе с тем к концу XIX в. существенно возрастает число жалоб на деятельность Ярославской дворянской опеки, свидетельствовавшее об упущениях и недосмотрах в её работе. Данная тенденция объяснялась тем, что дворяне-опекуны в подавляющем большинстве случаев либо не умели, либо не хотели работать в порученной им отрасли. За период второй половины – конца XIX столетия в Ярославском крае не было зафиксировано ни одного случая, когда опе-

каемое имение умелыми действиями опекуна удалось бы полностью избавить от разорения.

Ярославская соединенная дворянская опека далеко не всегда оперативно решала вопросы и проблемы опекунов и опекаемых. Дела, заявления и обращения, направленные в ведомство данного органа, могли тянуться годами, застревая в бумажной волоките, в то время как ситуация требовала немедленного вмешательства и быстрых, оперативных действий. Срок рассмотрения прошения в ярославскую дворянскую опеку, проверка сведений, содержащихся в них, сбор справок и различных документов нередко достигал пяти – семи лет. Весьма показательным в этом отношении дело опекунов над имением и малолетними детьми гг. Чистяковыми, вдовы мичмана В.М. Чистяковой. Ей понадобилось несколько лет постоянных продолжительных обращений и ходатайств в Ярославскую дворянскую опеку (с 1881 – 1882 по 1887 гг.); подача многочисленных заявлений, прошений и справок; представление на суд чиновников опеки значительного количества доверенностей и передоверенностей, в том числе от внуков и зятя умершей дочери, чтобы получить на руки лишь часть выкупной ссуды⁴⁰.

Дело по опеке имения умершей романово-борисоглебской помещицы М.Г. Баукеевой длилось с 1864 по 1869 гг. и потребовало обращения заинтересованного лица – коллежского советника П.И. Вахтина на высочайшее имя государя императора⁴¹. Переписка об имении пошехонского помещика Рахманинова, взятого в опеку в 1862 г. после смерти владельца, велась между уездным предводителем дворянства, правительственным чиновником по линии министерства юстиции – посредником по размежеванию земель Пошехонского и Рыбинского уездов, а также претендентом на наследство отставным штаб-ротмистром В.А. Рахманиновым длилась до 1890 года⁴².

Вместе с тем в деятельности дворянских опеков на территории Ярославской губернии были и примеры противоположного свойства. Любопытная запись о быстром реагировании, заинтересованности в работе и ревностно исполняемых должностных обязанностях служащих опеков сохранилась в январском 1872 г. журнале Романово-Борисоглебской дворянской опеки. В деле было зафиксировано следующее выступление председателя опеки: «До сведения ... дошло, что в ночи на сегодняшнее число умер проживающий в городе Романово-Борисоглебске помещик, подпоручик И.Н. Касаткин, который состоял опекуном над несколькими имениями»⁴³.

В связи с этим председатель предложил: «Сделать неотлагательно распоряжение о хранении оставшегося после него имения как в городе Романово-Борисоглебске, так и в уезде находящегося, а также дать знать волостным правлениям, в ведомстве которых состоят опекаемые Касаткиным имения, чтобы они впредь до назначения новых к имениям опекунов, все

следующие с оных доходы представляли непосредственно в дворянскую опеку»⁴⁴. Романово-Борисоглебская дворянская опека немедленно распорядилась о доставке в неё регистра, «сколько и когда именно ... было доставлено г. Касаткину доходов»⁴⁵. Данные действия показывают, насколько тщательно в данном конкретном случае председатель и члены опеки подходили к своим обязанностям и заботились об интересах лиц, вверенных их попечению.

Необходимо также отметить, что если в первой половине XIX века наиболее яркой чертой внутренней структуры дворянского землевладения Ярославской губернии было резкое преобладание мельчайших и мелких имений (владельцы имений до 100 душ составляли 4/5 всех землевладельцев)⁴⁶, то в пореформенное время на территории края преобладали среднепоместные дворяне. Поскольку большинство помещиков Ярославского региона не принадлежало к числу обеспеченных, можно утверждать, что малый доход значительной их части позволял вести довольно скудное существование, во многом себя ограничивая. Впрочем, размеры уездной дворянской кассы в конце века не выглядели слишком малыми. Так, размер Пошехонской дворянской кассы в 1895 г. составлял по нашим подсчётам 11 876 рублей⁴⁷.

Как видим, основное число помещичьих хозяйств края и до великих реформ 1860 – 1870-х гг. не могло похвастаться огромными доходами имения и баснословной роскошью жизни самих владельцев. В свете этого факта вполне понятной становится постреформенная тенденция к разорению местных дворян, обуславливаемая сложностью перестройки помещичьего хозяйства на новый капиталистический лад.

Крестьянская и другие реформы сыграли определяющую роль в увеличении скорости движения Российской империи из «догоняющей стадии» в страны первого эшелона развития⁴⁸. Происходившие преобразования открыли широкую дорогу развитию модернизационных процессов в экономике страны, которые, в свою очередь, потребовали введения новых форм хозяйствования на земле⁴⁹, применения наёмного труда, внедрения машинного производства в сельском хозяйстве и, несомненно, весьма крупных инвестиций в данную область. К началу пореформенного периода наиболее стабильной группой землевладельцев оказались средние и, в значительной степени, крупные помещики⁵⁰.

Вместе с тем для того, чтобы латифундиальное владение заработало рентабельно и начало приносить своему владельцу ощутимый стабильный доход, необходимо было вложить в него десятки и сотни тысяч рублей. Однако у значительной части ярославских помещиков-дворян на всё это не хватало ни денег, ни агротехнических знаний и навыков, ни желания, а в ряде случаев и способностей их приобрести. Данная тенденция была типична и для российского дворянства в целом. Интересно, что даже подмосковное имение Ильинское, принадлежавшее великому князю Сергею

Александровичу, по свидетельству его племянницы великой княгини Марии Павловны «не приносило никакого дохода. Наоборот дядя Сергей тратил на его содержание большие суммы»⁵¹.

Большинство представителей местного «высшего сословия» отчётливо понимало, что в одиночку им не удастся сохранить свои лидирующие позиции в деревне и, если существующий порядок вещей сохранится и в дальнейшем, то впереди их ждут лишь «оскудение» и бедность. Безвозвратно уйдут в прошлое «...белые дома с колоннами в тенистой чаще деревьев; сонные, пахнущие тиной пруды с белыми силуэтами лебедей, бороздящих летнюю воду; старые нянюшки, снимающие пенки с варенья» и т.д.⁵². Будет полностью потеряно то неспешное существование, к которому они привыкли. Например, вот как описывает своё пребывание в имении княгиня Л.П. Оболенская: «Жизнь в Молодёнках была замечательная, и интересы наши – очень разнообразные. У меня цветы, огород, яблочный сад, устройство дома; у мужа – общение с соседними крестьянами, с местным доктором, хозяйствование ... И наше общее увлечение – музыка, мы продолжали много играть вместе. Довольно часто или мы ездили к кому-нибудь из соседей, или кто-то из них приезжал к нам завтракать или обедать. Охотились мы постоянно. Время шло незаметно. Летели целые года ... Так в Молодёнках мы жили до самого начала революции»⁵³.

Земельное дворянство полностью отдавало себе отчёт в том, что оно обречено на постепенную утрату если не всей, то значительной части своего влияния; что рядом с ним, в силу исторической необходимости, возникает другой класс, приобретающий огромное органическое значение в социальном строении государства, а именно торгово-промышленный; и что если этот класс не может ни заменить дворянство, ни вообще, по роду своих занятий, дать кадры служилого правящего слоя, то все же считаться с ним правительственная власть будет вынуждена и привлечь его к себе обязана⁵⁴.

Основным виновником данных процессов значительная часть дворян считала финансово-экономическую политику государства, точнее, правительственную концепцию реформирования аграрных отношений. Подобное мнение имело право на существование, поскольку при развитии страны по капиталистическому типу государственная власть могла выбрать один из двух возможных путей: она могла либо направить свои усилия к смягчению острых последствий стихийного и зачастую мучительного процесса реформирования общественных отношений, оказывая содействие слабым и отсталым; либо, напротив, целью своей внутренней политики избрать максимальное ускорение процессов модернизации в обществе и, не раздумывая о последствиях, направить все силы к поддержанию передовых кадров капитализма. Во второй половине XIX в. государственная власть Российской империи занимала в данном вопросе вполне определённую позицию.

Вместе с тем, сознавая, насколько сильно ударили реформы по дворянскому сословию в целом, и продолжая оценивать дворянство как «устой крепости государственного организма и вместе с тем его основной культурный элемент»⁵⁵, российское правительство хотело максимально смягчить нанесённый удар и, где это возможно, возместить ущерб, компенсировать убытки. Однако прессинг был настолько сильным, что все предпринимавшиеся правительством меры лишь оттягивали неизбежное, а совершенно отказаться от проведения избранной финансово-экономической политики оно не могло. В рамках данной концепции развития страны любая помощь помещичьему землевладению рассматривалась государственной властью лишь как частная поправка к общей экономической политике и неизменно подчёркивалось, что «обстоятельство это не должно порождать отождествления известной группы землевладельцев с интересами всякого вообще землевладения и, в особенности, с общехозяйственными интересами страны»⁵⁶.

Здесь следует заметить, что действия государственной власти на благо и поддержание дворянского землевладения отнюдь не являлись совершенной и безусловной филантропией «чистой воды». Российское правительство было весьма заинтересовано в ограждении помещичьих хозяйств от быстрого обвального краха в условиях пореформенной перестройки. Такие банкротства, безусловно, имели бы катастрофические последствия для всей экономической системы империи в целом. Не надо забывать, что накануне отмены крепостного права помещичье хозяйство давало половину всего товарного хлеба в России⁵⁷, а в руках представителей «высшего сословия» и на их средства действовали 260 предприятий с паровыми двигателями – т.е. более трети всех существовавших на то время заводов и фабрик в стране⁵⁸, следовательно, они сыграли определенную роль в проведении промышленного переворота в России.

Так, промышленное предпринимательство ярославских дворян за период XIX в. охватывало многие отрасли, ведущими среди которых являлись текстильная, писчебумажная, винокуренная и сыроваренная. Например, в Ярославской губернии во второй половине XIX столетия одна из старейших мануфактур в крае – Плещеевская писчебумажная – была основана князем Репниным и действовала до 1880 г. включительно⁵⁹.

Из стремления государственной власти поддержать представителей «высшего сословия» возникло содействие такого рода идеям части российского дворянства как учреждение заповедных имений, оживление судно-кредитной системы в целом, организация Дворянского банка и активизация деятельности дворянских опеков⁶⁰. Данные структуры, безусловно, являясь продворянскими, были призваны обеспечить мощную поддержку «первому сословию» на начальном этапе реализации государственных реформ. Однако все эти меры не стали существенным тормозом на пути про-

цесса разорения значительной части потомственного дворянства Российской империи во второй половине XIX века.

¹ См., например: Государственный архив (ГАЯО). Ф. 750. Оп. 1. Д. 16. Л. 21 – 22; и др.

² См.: ГАЯО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 16. Л. 38.

³ См.: ГАЯО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

⁴ См.: ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 124. Л. 52 – 53; 57 и др.

⁵ См.: ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 124. Л. 51; 57.

⁶ См.: ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 124. Л. 52 – 52 об; 53.

⁷ См., например: РФ ГАЯО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 - 2; 22; и др.

⁸ См., например: ГАЯО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 16. Л. 1 – 13; и др.

⁹ См.: Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России: XVIII - начало XX в. СПб., 1999. С. 49.

¹⁰ См.: ГАЯО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 112; 118; 119; 122; 123; и др.

¹¹ См.: Образование. 1905. № 7. С. 125.

¹² См.: Еремина О.И. Культура повседневности загородной дворянской усадьбы второй половины XIX – начала XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 18; Чижова В.В. Выборные от дворянства в системе местного управления Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века (на материалах Тверской губернии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2001. С. 18.

¹³ См.: Проскурякова Н.А. Государственный дворянский земельный банк и его заёмщики // Россия сельская. XIX - начало XX века. М., 2004. С. 192 – 193.

¹⁴ См.: ГАЯО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 23. Л. 20.

¹⁵ См.: ГАЯО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 16. Л. 21.

¹⁶ См., например: ГАЯО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 16. Л. 20, 21, 22, 24; и др.

¹⁷ См.: ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 124. Л. 41 – 42.

¹⁸ См., например: ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 119; и др.

¹⁹ См.: ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 122. Л. 23 - 25.

²⁰ См.: ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 123. Л. 12 – 14.

²¹ См.: ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 122. Л. 13 – 14.

²² См.: ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 122. Л. 23 - 24.

²³ См.: ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.

²⁴ См.: ГАЯО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 23. Л. 1 – 4 об.

²⁵ См.: ГАЯО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 23. Л. 1 – 4 об.

²⁶ См.: ГАЯО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 23. Л. 3 - 3 об.

²⁷ См.: ГАЯО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 23. Л. 3 об.

²⁸ См.: ГАЯО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 23. Л. 4.

²⁹ ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 119. 37.

³⁰ См.: Проскурякова Н.А. Государственный банк и его заёмщики С. 192 – 193.

³¹ См.: ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 119. Л. 3 – 5.

³² См.: ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 123. Л. 6; 7; 8.

³³ ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 119; и др.

³⁴ См.: ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 122. Л. 38 – 39.

³⁵ См.: ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 118. Л. 1; и др.

³⁶ См.: ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 122. Л. 21 – 22.

³⁷ См.: ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 122. Л. 18; 19; 20; и др.

³⁸ См.: ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 119. Л. 24.

³⁹ См.: ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 118. Л. 1 – 4 об.

⁴⁰ См.: ГАЯО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 16.

⁴¹ См.: ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 123.

⁴² См.: ГАЯО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 27.

⁴³ ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.

⁴⁴ ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 112. Л. 1 - 2.

⁴⁵ ГАЯО. Ф. 219. Оп. 1. Д. 112. Л. 1 - 12.

⁴⁶ См.: Сизова О.В. Дворянство Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX веков. Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999. С. 179.

⁴⁷ См.: ГАЯО. Ф. 214. Оп. 1. Д. 937. Л. 1.

⁴⁸ См.: История России XIX – начала XX в. / Под ред. В.А. Фёдорова. М., 1998. С. 258 – 259.

⁴⁹ См.: Попова Р.С. Социально-экономическое положение и борьба помещичьих крестьян южных губерний Украины в дореформенный период (1801 – 1860 гг.). Днепропетровск, 1980. С. 34 – 82.

⁵⁰ См.: Козлов С.А. Лучшие сельские хозяева дореформенной России // Дворянское собрание: М., 1998. № 9. С.103.

⁵¹ Воспоминания великой княгини Марии Павловны. М., 2004. С. 23.

⁵² Врангель Н. Помещичья Россия // Памятники Отечества. 1992. № 25. С. 51.

⁵³ См.: Воспоминания княгини Любови Петровны Оболенской // Дворянское собрание. 1998. № 8. С. 279.

⁵⁴ См.: Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 249.

⁵⁵ См.: Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 249.

⁵⁶ Русское богатство. 1902. № 5. С. 83.

⁵⁷ См.: Проскурякова Н.А. Государственный банк и его заёмщики. С. 225 - 226.

⁵⁸ См.: Козлов С.А. Лучшие сельские хозяева дореформенной России. С. 104.

⁵⁹ См.: Юрчук К.И. Помещичье промышленное предпринимательство в Ярославской губернии во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // «Минувшее, сливаясь с настоящим ...» (Тихомировские чтения). Ярославль, 1993. С. 44.

⁶⁰ См., например: РФ ГАЯО. Ф. 7. Оп. 1. Д.17, 19, 30 - 36 и др.

К.И. Юрчук

В тисках кризиса (Кто ловчее?)

В первой половине XIX века промышленность России развивалась довольно быстро – общее число предприятий, учтенных официальной статистикой, выросло в 5 раз. Но развитие это было неравномерным, на состоянии промышленности сильно сказывались поражавшие страну неурожаи, начавшийся и в Западной Европе, и нашем Отечестве. Промышленный переворот по-разному влиял на те или иные отрасли. Наряду с феноменальным успехом хлопчатобумажного производства имел место кризис полотняного. В начале XIX века изготовление льняного полотна и холста занимало второе место после сукноделия. В 1814 г. насчитывалось 184 предприятия с 24864 рабочими¹. Но к 1860 г. было всего 173 льнопеньковых мануфактуры с 19 тыс. человек². На фоне общего прогресса полотняная промышленность демонстрировала глубокий кризис. Причинами его были конкуренция дешевых хлопчатобумажных тканей, начало механизации льнопрядения и ткачества в Западной Европе с 1815 г., в результате которой резко упали цены на продукцию отрасли и русское полотно было вытеснено с европейского рынка, фритредерские тарифы 1816 и 1819 гг., открывшие и русский рынок для импорта.

Невыгодность паруснополотняного производства привела к сокращению числа помещичьих мануфактур в отрасли. Если в начале 19-го века, по свидетельству современников, полотняные заведения существовали чуть ли не в каждом поместье³, то в 1828 г. описание промышленности 39 губерний России учло 142 предприятия, из которых в руках дворян было только 30, т.е. 20 %. Закрывая мелкие полотняные заведения, помещики переводили крепостных мастеров на свои же суконные, писчебумажные и другие мануфактуры. Прекращение изготовления полотна не означало ра-

¹ © К.И.Юрчук, 2010

зорения владельцев поместий, у них было много других источников доходов, но здесь имел место момент отраслевой переориентации – уход из нерентабельных отраслей в более обещающие.

Возвращение правительства к протекционизму после 1822 г. несколько оживило ситуацию в полотняной промышленности, хотя и не могло обеспечить высоких прибылей. Механизация в обработке льна надолго отстала от других текстильных производств, даже от суконного, далеко не самого передового в обновлении техники. Некоторые помещики, владельцы полотняных мануфактур, пытались решить проблемы, добиваясь повышения качества продукции. Так, на Всероссийской промышленной выставке в Петербурге 1839 г. казанский помещик Желтухин заслужил одобрение за большое производство столового белья «признанной доброты»⁴. На Московской выставке 1843 г. отмечены были тонкие полотна «на манер голландских» генерала фон Менгдена, отличавшиеся еще и умеренной ценой, а также скатерти с «фабрики» генерала Пашкова. Первый получил малую золотую медаль, второй – публичную похвалу⁵.

Куда более драматичной была судьба посессионных паруснополотняных мануфактур. Основанные купцами в 18 веке, в эпоху расцвета отрасли, они получили право посессии как привилегию, обеспечившую предпринимателям возможность расширения бизнеса и увеличения получаемых прибылей. Законом было предусмотрено только одно ограничение – нельзя было прекращать действие и оставлять рабочих без заработка. В 18-м веке это условие не имело значения, но с началом кризиса оказалось непреодолимой трудностью, т.к. изготавливать продукцию убыточно, а уволить рабочих нельзя. Отсюда долги и банкротство.

Флагманами полотняной промышленности России были 2 крупнейших предприятия – Ярославская Большая мануфактура и Полотняный завод. Основанные в 18 веке купцами, они в следующем столетии разделили все трудности посессионной промышленности. Ярославская Большая мануфактура находилась в руках дворян Яковлевых, наследников купца Саввы Яковлева. По словам сенатора Аршеневского, посетившего ее в 1811 г., это была «знатнейшая мануфактура»⁶. В 1808 г. ее продукция составила 200 тыс. руб., число приписанных к ней людей 5 тыс. чел. Ярославская Большая мануфактура продержалась на высоком уровне до конца 1820-х гг., затем началось падение и в 1855 г. выработка оценивалась лишь в 2,5 тыс. руб. сер., а рабочих было только 63 чел.⁷ В 1845 г. сгорело писчебумажное отделение.

В 1856 г. Ярославская Большая мануфактура была продана купцу Карзинкину за 85 тыс. руб., за освобождение посессионных людей (2545 душ м. п.) владельцы получили из казны компенсацию 75924 руб.⁸ Всего за буквально лежащее не боку предприятие Яковлевым досталась неплохая сумма в 161 тыс. руб. серебром.

Труднее сложилась судьба Полотняного завода Гончаровых в Калужской губернии. Владелец его купец Аф. Гончаров в 1778 г. оформил майорат при передаче по наследству – только старшему сыну. ни в коем случае не делить и не продавать⁹. В восторге от успехов своего предпринимательства завещатель не предполагал, что обстоятельства переменятся и посессия из льготы превратится в проклятие. Уже в 1804 г. его наследник дворянин Гончаров просил царя разрешить продать или заложить мануфактуру, но получил отказ. Тогда он нашел, на кого переложить тяготы: он сдал Полотняный завод в аренду купцу Ив. Усачеву и тот за 9 лет с 1815 г. понес убытков 440 тыс. руб. Как только срок аренды закончился, надворный советник Гончаров снова обратился к правительству с прошением разрешить продажу предприятия, на котором работало в 1822 г. 860 чел., «по совершенной остановке хода парусных полотен»¹⁰. Но... в 1831 г., когда за Гончаровм было уже 300 тыс. руб. долгу, он просил у казны ссуду и снова последовал отказ. В 1835 г. полотняная часть завода сгорела. В ведомости о посессиях 1845 г. значится только писчебумажное производство у Н. Гончарова, к которому приписаны все 1264 души м.п. посессионных. В этом году 682 души из них были уволены¹¹. Писчебумажная мануфактура работала и в конце 19-го века, в 1894 г. у Д.Д. Гончарова было занято 280 рабочих¹². З.В. Участкина упоминает это предприятие и в 1913 г., не называя, правда, владельца¹³. Итак, здесь имело место освобождение половины посессионных людей по указу 1840 г. и перевод другой их части с полотняного дела в писчебумажное.

Сдать в аренду или продать ставшую обузой посессионную мануфактуру было мечтой владельца, но кто купит убыточное предприятие? И вот чудо! Статский советник А.Е. Жадовский решил купить полотняную мануфактуру у наследников почетного гражданина П.М. Гусятникова (3 сыновей и жены), находившуся в с. Клишино Зарайского у., Рязанской губ. При ней по VIII ревизии числилось 277 душ м.п. и 2897 десятин земли в Московской, Смоленской и Тверской губерниях. Все это куплено было М. Гусятниковым еще в 1750 г. на посессионном праве к Клишинской «фабрике». Жадовский в 1839 г. приобрел означенные владения за 90 тыс. руб. асс.

Помещик мотивировал покупку намерением устроить хлопкоткацкую фабрику в своем имении с. Воздвиженском Буйского у. Костромской губ., куда и собирался перевести часть посессионных людей. Остальных же он хотел устроить на свою Вознесенскую хлопкопрядильню в Москве. Фабричные стали подавать жалобы министру внутренних дел на малую оплату их труда прежним владельцем и грозящее ныне разделение семей. Пока суд да дело, приспел указ 1840 г. Жадовский получил за посессионных людей компенсацию 36 руб. сер. за душу м.п., всего 9972 руб. Часть фабричных была определена в мещане, других, теперь уже государственных крестьян, надо было наделить землей. Им предложили переселение в

Саратовскую губернию но крестьяне отказались. Тогда правительство купило землю у Жадовского в Смоленской и Московской губерниях за 28848 руб.47 коп. Таким образом, всего он выручил за людей и землю 38820 руб. сер., в переводе на ассигнации – 135871 руб.¹⁴. Прибыли помещика на этой операции составила 50 %. Гусятниковым оставалось только досадовать на поспешность, а дворянин сумел превратить в деньги свою информированность в ближайших планах правительства. Жадовский был богатым помещиком, кроме отмеченных выше владений, он имел поместье в Оренбургской и Уфимской губерниях, где у него действовали винокуренные заводы, так что фамилию свою он полностью оправдывал. К 1860 г. он уже был тайным советником. Это был делец немалого масштаба, соперничать с которым наследники купцов не смогли.

Выход из кризиса полотняного производства в России – его механизация, начавшаяся в 1840-1850-х гг.

¹ Герман К.Ф. Взгляд на состояние мануфактур в России и на законы, к оным относящиеся с 16-го столетия по 1814 год // Сын отечества. 1822. № 52. С. 241-242.

² Нифонтов А.С. Крупная промышленность России на рубеже 50-60-х годов 19-го века // История СССР. 1981. № 3. С.60-77. А.С.Нифонтов не включал в эту цифру мелкие предприятия.

³ Сб. сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. СПб., 1865. Т.3.С.34.

⁴ Российский государственный архив (далее – РГИА). Ф.18. Оп. 2. Д. 970. Л.22.

⁵ Журнал мануфактур и торговли. 1844.Т.3. № 7-8.С. 32-91.

⁶ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 30. Л. 88.

⁷ Более подробно о размерах производства Ярославской Большой мануфактуры см.: Юрчук К.И. Промышленное предпринимательство ярославских дворян в конце XVIII – первой половине XIX века. Ярославль, 2005. С.141.

⁸ РГИА. Ф. 18. Оп.2. Д.1380. Л. 13.

⁹ Там же. Д. 2. Л. 10.

¹⁰ Там же. Д. 433. Л. 2-98.

¹¹ Там же. Д. 1153. Л. 29.

¹² Государственный архив Калужской области. Ф. 784. Оп. 1. Д. 26. Л. 57 об.

¹³ Участкина З.В. Развитие бумажного производства в России. М., 1972. С.29.

¹⁴ РГИА.Ф. 18. Оп.2. Д. 990. Л. 1 – 203.

Д.С. Иванцов, Е.А. Чугунов

**Культурно-просветительская и благотворительная деятельность
российских предпринимателей рубежа XIX-XX веков как инструмент
влияния на рабочую массу
(на материалах Верхнего Поволжья)**

Социальная история капитализма характеризуется классовой борьбой: капиталисты (предприниматели) стремились к максимизации прибыли, в том числе за счет ущемления прав и интересов рабочих, рабочие же, напротив, боролись за собственное благополучие, что не могло не вызывать конфликтных ситуаций с капиталистами.

¹ © Д.С. Иванцов,
Е.А.Чугунов, 2010

Обострение этого противоречия вело к разным формам социального протеста со стороны пролетариата: стачкам, забастовкам и др. Требования рабочих, выдвигаемые в ходе протестных акций, были весьма различны: увеличение заработной платы, сокращение продолжительности рабочего дня и т.п., предъявлялись и требования политического характера, в том числе – равноправие в доступности культурных ценностей. По этому поводу костромские рабочие в 1905 году высказывались следующим образом: «Образование нужно рабочему для повышения его заработка и для защиты его социальных и политических интересов. Более развитый рабочий удачнее приспособляется к условиям труда, лучше разбирается в свойствах орудия, которым работает, и, следовательно, больше зарабатывает ...»¹.

Еще в пореформенной России начала складываться своеобразная ситуация: возрастание политической сознательности и политической активности рабочих вело к выдвижению все большего количества лозунгов, связанных своим содержанием с требованиями предоставления соответствующих прав и возможностей в сфере культуры, просвещения и образования.

Большая часть российских предпринимателей либо отказывалось удовлетворять подобные требования, либо ограничивались некоторыми послаблениями или уступками. Вместе с тем, часть из них во 2-й половине XIX – начале XX веков, не дожидаясь всплеска социальных катаклизмов, проводила различные мероприятия по просвещению и повышению культурного уровня рабочих: открывали народные школы, библиотеки, читальни, клубы и т.п. Подъем такого рода деятельности предпринимателей приходится на рубеж XIX – XX веков, что связано с вполне объективным фактором – промышленная модернизация России шла интенсивными темпами, и верхушка предпринимательского корпуса уже имела достаточно свободных финансовых средств, чтобы вкладывать их не только в расширение производства, но и (пользуясь современной терминологией) в социальную сферу.

Мотивация такой деятельности предпринимателей была весьма разнородной, но было в ней и нечто общее – православная основа. Известный исследователь московского купечества П.А. Бурышкин справедливо отмечал: «Самое отношение предпринимателя к своему делу было несколько иным, чем на Западе. На свою деятельность они смотрели ... не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом или судьбою»².

Наибольшую активность в сфере социальной благотворительности, частью которой являлась культурно-просветительская деятельность, проявляли предприниматели из старообрядческих семей. Старообрядческих традиций придерживались и Щукин, и Морозов, и Рябушинский, и Третьяков и многие, многие другие крупнейшие предприниматели 2-й половины XIX – начала XX веков.

Примеров подобной социальной и культурно-просветительской благотворительности известно достаточно много. Однако, в этой связи хотелось бы упомянуть ряд предпринимателей, имеющих непосредственное отношение к Верхнему Поволжью и Костромской губернии.

Одними из наиболее известных благотворителей были братья Павел Михайлович и Сергей Михайлович Третьяковы, которые являлись владельцами Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры. Достаточно вспомнить широко известный факт, что по воле П.М. Третьякова Москве была завещана картинная галерея (сейчас – Третьяковская галерея).

Не менее известна благотворительная деятельность крупного общественного деятеля, предпринимателя и ученого середины и второй половины XIX века - Федора Васильевича Чижова (1811-1877), родившегося в Чухломском уезде Костромской губернии³. Все свои средства (свыше 6 миллионов рублей) он завещал на строительство нескольких профессиональных технических училищ и родильного дома, причем ни гденибудь, а именно в Костромской губернии, что объяснял тем, что именно Кострома дала ему нравственное воспитание, которое помогало во всей его жизни.

Нельзя не упомянуть и деятельность такого известного предпринимателя и книгоиздателя, как Иван Дмитриевич Сытин (1851-1934), который был связан своим рождением с Костромским краем. Именно он одним из первых в России выработал концепцию книги для «читателя из народа». Сытин, подвергая критике «теорию особой литературы для народа», полагал, что: «Никакой отдельной литературы для народа создать нельзя, да и не нужно, первоклассные писатели всех наций для народа доступны ... Народ нуждается в доступных по цене книгах классиков: Пушкина, Гоголя, Тургенева и т.д.»⁴. Вся его жизнь была направлена на реализацию этой цели⁵.

Благотворительно-просветительская деятельность осуществляли во 2-й половине XIX – начале XX вв. представители династии Красильщиковых, Бурылиных, Гандуриных, Коноваловых, Малышевых и т.д.⁶

Многие предприниматели финансировали строительство и содержание богаделен, ночлежек, социальных приютов и яслей, бесплатных столовых, чайных, читален, школ и общедоступных библиотек.

После отмены крепостного права в 1861 году и в последующий период начинает усиливаться внимание правительства и предпринимателей к школьному делу.

Вместе с тем, нельзя утверждать, что этот процесс приобрел широкий масштаб. Так, по состоянию на 1900 год в Костромской губернии школы для рабочих имелись на 27 предприятиях из общего числа 245 (в сравнении – во Владимирской на 36 из 537, в Ярославской на 9 из 284)⁷.

Школы при предприятиях были ориентированы, прежде всего, на обучение взрослых рабочих. Лишь после событий первой русской револю-

ции 1905-1907 годов начинает прослеживаться тенденция увеличения общего числа обучаемых в них детей и подростков. Определенная смена образовательной тенденции во многом определялась тем, что предприниматели уже на ранних возрастных этапах предполагали наладить контроль за формированием мировоззрения рабочих, стремились усилить их профориентированность и, тем самым, закрепить за производством.

Об этом свидетельствует и школьная программа того времени. Как правило, обучение проводилось на двухгодичной основе по следующим дисциплинам: «Родиноведение», «Народоведение», «Естествознание», «Литература», «Арифметика», «Закон Божий», «Письмо». Важно отметить, что в течение года изучался такой предмет, как «Машины и условия производственной работы». Названный подход позволял рабочему быстро включаться в технологию освоения современного производства и уже на первом году (из двух) получать необходимый для этого образовательный минимум. Известный костромской фабрикант М.М. Красильщиков, открывший на свои средства 10 школ со всем необходимым учебным оборудованием, как-то заметил: «Только значительная систематическая подготовка поможет ученикам-рабочим ... усвоить себе те общие законы природы, на коих зиждется здание специальных наук, которые в толковых и умело направленных руках способствуют усовершенствованию производства, увеличению продуктивности труда, улучшению материального положения рабочих, а, следовательно, содействуют общему прогрессу промышленности страны»⁸.

На рубеже XIX-XX веков становятся серьезной культурной силой библиотеки. Число публичных и общедоступных библиотек (народных, фабричных и др.) постоянно возрастает. Многие из них открываются по инициативе и при поддержке предпринимателей, понимавших необходимость и значимость этих социальных институтов. Один из кандидатов на должность директора Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры В.А. Шевалдышев отмечал в одной из своих публицистических статей: «Библиотеки – важнейшее средство содействия регулированию отношений между хозяевами предприятий и рабочими»⁹. О размахе такого рода инициативы свидетельствует тот факт, что к 1909 году общее число таких библиотек в одной только Костромской губернии достигло 283 единиц¹⁰.

Строительство общедоступных библиотек, открытие клубов, организация народных чтений не только повышали общий культурный уровень рабочих, скрашивали их досуг, но решали и еще одну стратегическую задачу – отвлекало их от такой пагубной привычки, как пьянство, что не могло не отражаться на производительности и дисциплине труда.

Такие культурно-благотворительные и просветительские меры фабрикантов снижали общий социальный накал, в том числе за счет социальной дифференциации в среде рабочего класса (требования передовых ра-

бочих и деклассированного люмпен-пролетариата, как правило, были различны). Повышение культурного и образовательного уровня рабочих в совокупности с модернизацией производства, вело к росту товарооборота и, тем самым, к росту предпринимательской прибыли.

Таким образом, на рубеже XIX-XX веков наиболее прогрессивно настроенные предприниматели через культурно-просветительскую и благотворительную деятельность решали, в том числе и сугубо классовые проблемы. Культурно-просветительская деятельность выступала своеобразным инструментом влияния на рабочий класс. Забота о просвещении рабочих сопутствовала стремлению к сохранению стабильности деятельности промышленных предприятий.

¹ Государственный архив Костромской области. (Далее ГАКО). Ф. 749. Оп.1. Д.249. Л.58.

² Бурыйшкин П.А. Москва купеческая: Мемуары. М., 1991. С. 18.

³ См. подробнее: Сизинцева Л.И. Федор Васильевич Чижов // Костромская земля. Краеведческий альманах. Кострома, 1992. Вып. II. С.5-12; Александров Н.М. Ф.В. Чижов и развитие сельскохозяйственного образования в Костромской губернии // Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии. Кострома, 2003. Ч. 1. С. 136-147 и др.

⁴ Сытин И.Д. Страницы пережитого // Жизнь для книги. М., 1985. С. 95.

⁵ См. подробнее: Иванцов Д.С. Деятельность пролеткультов в просвещении жителей Костромского края и традиции сытинских начинаний // Сытинские чтения: Сб. статей областной научно-практической конференции 23 июня 2006 г., г. Буй. / Сост. С.В. Рябинцев. Кострома, 2008. С. 53-61; Чугунов Е.А. И.Д. Сытин – крупнейший книгоиздатель России конца XIX-XX вв. // История России и Костромской край: пособие для учителей школ и лицеев. Кострома, 1993. С.102-106; Он же. О роли просветительской деятельности И.Д. Сытина в формировании культурного облика рабочих России в конце XIX – начале XX вв. // Тезисы научно-практической конференции преподавателей КГПИ им. Н.А. Некрасова. Кострома, 1993. С. 68-76.

⁶ См. подробнее: Чугунов Е.А. Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья. Конец XIX – 1913 г. (По материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний). Кострома, 2001. С. 138 и др.

⁷ Чугунов Е.А. Положение и культурный уровень промышленных рабочих ... С. 116.

⁸ ГАКО. Ф. 1276. Оп. 1. Д.123. Л. 3.

⁹ Владимирские губернские ведомости. 1914. 10 января.

¹⁰ См.: Анохин А. Преображение Костромы // Губернский дом. 1993. № 1. С. 16.

О.Б. Панкратова

«Побольше бы Коноваловых у нас было – хорошо бы народу жилось!»

В 1901 году вышла в свет книга немецкого политэконома Г. Шульца – Геверница (с предисловием П.Б. Струве) – «Очерки общественного хозяйства и экономической политики России». Автор ее имел возможность посетить Россию в 1892 – 1893 г.г., где познакомился с рядом русских предпринимателей и определил, что успехи капиталистического производства этого времени можно связывать только с их деятельностью и определенным типом «русского хозяина»¹. П.Б. Струве так же отмечал, что в России система крупнокапиталистического производства была создана в не-

¹ © О.Б. Панкратова, 2010

виданно сжатые сроки – несколько десятков лет вместо столетий и решающую роль в этом стремительном процессе он отводил не чиновникам, а предпринимателям, которые проявили большую энергию, целеустремленность, способствовали развитию образования, культуры и искусства².

Главными чертами «русского хозяина» времени конца XIX века были семейные традиции и преемственность в ведении дел. До начала 1880-х г.г. (когда дети предпринимателей стали получать нормальное среднее и высшее образование) приобщение к торгово-промышленной деятельности происходило очень рано. Например, Н.А. Найденов³ работал на фамильном фабричном деле с 15 лет. В возрасте 14-16 лет начинали участвовать в семейном деле и многие другие представители бизнеса⁴. Иван Капитонович Коновалов⁵ в 19 лет стал наследником кубо-красильной фабрики, раздаточной конторы в с. Бонячки, 5 тыс. десятин земли, личного имущественного капитала в сумме 850 тысяч 769 рублей. Отец его организовал продажу тканей на ярмарках, открывая во многих городах России свои лавки. От отца Иван и унаследовал так же торговое дело.

Со знаменитым в истории предпринимательского дела А. И. Коноваловым Иван Капитонович был связан как родственными так и деловыми связями. Он был шафером на свадьбе Александра Ивановича и в этом же году (1898) состоялась еще одна их встреча по вопросу о вступлении Ивана Капитоновича в созданное в 1897 году паевое предприятие «товарищество мануфактур Ивана Коновалова с сыном». Но в этот момент к общей договоренности не пришли. После чего Иван Капитонович решил уехать и Вичуги и переехать на постоянное место жительства в Москву. Часть своих земель он продает Александру Ивановичу Коновалову и начинает самостоятельное строительство фабрики. Проект строительства, место, где должна была быть построена эта фабрика – все это получило одобрение в строительном отделе костромского губернского отделения. В разрешении говорилось: «...купцу И.К. Коновалову под фирмой «Анненская мануфактура» разрешено строительство трех- и четырехэтажного каменного здания для прядильной и ткацкой фабрик вблизи деревни Алексиха, Дюпинской волости Кинешемского уезда». 15 сентября 1900 года в присутствии всех владельцев Коноваловых, представителей духовенства и Кинешемского земства, после молебна происходит закладка фабрики, присутствовавшие хозяева и священник заложили под фундамент святыне образа¹.

К концу 1902 года строительство фабричного корпуса и котельной было завершено и началась подготовка к установке оборудования. Осенью 1903 года производство было запущено.

В. Рябушинский говоря о преемственности дела от одного поколения к другому дает следующую характеристику: «Основатель фирмы, выйдя из народной толщи, сохранял до самой смерти тот уклад жизни, в котором он вырос, не смотря на то, что он являлся обладателем значительного состоя-

ния. Конечно, в его быту было лучше и обильнее, чем раньше, но, в сущности, то же самое»⁷.

В становлении личности вышеупомянутого Ивана Капитоновича Коновалова – успешного фабриканта, потомственного почетного гражданина, купца первой гильдии сыграли роль разные факторы, но, в первую очередь, нужно отметить – семью, традиции и православное воспитание. Он с большим удовольствием вспоминает о детстве, очень уважительно говорит о родителях, много рассуждает о православном воспитании и восхищается встречами с Иоанном Кронштадтским. «Пересмотрел дневники. Сколько за это время произошло событий. Много было неприятного, но и светлого...Больше, конечно, первого. Дай бог устроится все к лучшему, главное хорошего здоровья моей милой матери. Чтобы спокойно и приятно протекала ее оставшаяся жизнь»⁸.

Еще два обстоятельства являются характерными для старых русских купеческих фамилий. Во-первых, их крестьянское происхождение, во-вторых, глубокая религиозность их основателей. Почти все без исключения видные московские фамилии – крестьянского происхождения. Основатели – дети владимирских, ярославских, калужских, костромских и иных мужиков. Складывалось так, что для продвижения и основательного становления дела нужна была наличность двух последовательных талантливых поколений (отца и сыновей) и, конечно, Божие благословение, теперь сказали бы удача, выгодная конъюнктура... отцы же наши говорили: «Аще не господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущий»⁹.

Задаваясь вопросом, зачем заниматься предпринимательством, из уст предпринимателя отца можно было услышать: «почему я богат, для чего я богат?» Он часами у себя в моленной поклоны бил, каялся, плакал, у Бога прощения за свою строгость просил; деньги нищим (тем же поганым пьяницам) раздавал; ясли, санатории для рабочих строил»¹⁰. Все данные свидетельствуют о том, что родоначальники предпринимательских фамилий принадлежали как раз к тем деревенским семьям, которые отличались особенной ревностью к вере. Такое настроение сохранялось и во втором поколении. Сын основателя дела обыкновенно во многом походил на отца, часто превосходя его, однако, талантливостью, размахом и умом; он то и выводил фирму на широкую дорогу, делал ее известной на всю Россию.

Семейство Коноваловых также представляется достаточно типичным для купеческих семей кинешемской округи. Происходит из крепостных и только природным умом, сметкой и мудростью житейской добиваются серьезных финансовых успехов. В итоге их деятельности.

Очень часто в мемуарах речь идет о чутье и интуиции. В. Рябушинский говорит о некоем Сидоре Мартыновиче Шибее, который занимался нефтяным делом и был по характеру подстать своему лицу: человек самовластный, иногда, как говорили, даже без удержу. «Кто теперь помнит, что Шибеев был одним из первых пионеров не «нефти» во-

обще, а использования нефти для производства машинных (смазочных) масел по идее и методу Рогозина в широком масштабе. Пока этот продукт пробил себе дорогу, С.М. Шибаетов терпел убытки и попал в тяжелое положение, пока стало понятно, что такое нефть и каково ее значение, один за другим катились Шибаетовские миллионы в нефтяные колодцы и там застревали надолго, рискуя погибнуть. Сколько волнений и тревог пережил Шибаетов и весь род его, пока дело выправилось, и правильные ожидания его оправдались»¹¹.

Замечательно пишет В. Рябушинский: «Что меня в наших стариках, в частности в отце поражало, это совершенно необыкновенный ум. Действительно, на три аршина под землей видели. Воля же выражалась наиболее выпукло в выдержке, в убийственной хладнокровии при удаче и неудаче; как будто все равно было, что наживать, что терять, а, конечно, было не все равно. С точки зрения экономической стратегии это очень ценно. На бумаге оно кажется очень простым, но на практике осуществлять это очень трудно. Помню, как я, волнуясь от плохих, продолжавшихся в течение нескольких лет дел, говорил об этом с отцом, и как он меня успокаивал, заявляя, что все это нормально, в течение его долгой жизни повторялось не раз и, что период упадка всегда сменялись периодом процветания. Нужно переждать»¹².

К сожалению, новым явлением конца XIX – начала XX века стало вырождение целых предпринимательских фамилий. Дети Шибаетова после его кончины продали дело Ротшильдам из-за того, что с ним было связано очень много горьких воспоминаний. «Я сам лично помню, как в 90-х годах нефтяные остатки продавали до смешного по низким ценам»¹³. В роскоши и достатке, накопленными предками стали появляться никчемные потомки, выросшие в новых, тепличных условиях. «Результатом такого явления было, зачастую, полное вырождение той или иной купеческой семьи, полное физическое и духовное вымирание. Были случаи, что целые фабрики, устроенные долгими и упорными трудами отцов, переходили из рук их наследников – пьяных, развратных купеческих «митрофанушек» - в руки посторонних людей»¹⁴.

Многие из предпринимателей глубоко в душе чувствовали приближение чего-то страшного и разрушительного. В свое тридцатилетие Иван Капитонович Коновалов делает следующую запись: «Вот и половина жизни прожита. Утомлен сильно... чувствую, что здоровье сдает, хотя внешне все такой же толстый. Да, жизнь уходит, время бежит, не вижу его. Живу все ощущением чего-то... очень скверного»¹⁵. Предчувствия не обманули этого талантливый и трудолюбивый человек. События 1917 года свели «на нет» все, что было сделано и создано этими замечательными людьми.

«У Мельникова-Печерского, замечательного русского писателя есть слова о костромских Коноваловых: «Побольше бы Коноваловых у нас было – хорошо бы народу жилось»¹⁶.

¹ Шульце – Геве́рниц Г. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. М., 1901. С.3.

² П.Б. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып 1. СПб., 1894. С.450.

³ Найденов Н. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1903. С.23.

⁴ История предпринимательства в России. Вт пол. XIX – нач. XX в.в. Кн 2. М., 1999. С. 447

⁵ В истории российского предпринимательства более известны его родственники – Петр Кузьмич Коновалов – основатель мануфактурного дела, которое продолжили его дети и внуки. В 1868 году умирает Иван Степанович Коновалов (внук П.К. Коновалова) и наследство было разделено по завещанию между сыном Кузьмой Ивановичем (50%), внуком Иосифом (25%) и правнуком Капитоном (25%).

¹ См.: ГАИО. Ф.636. Оп.1 Д.5. Л.38

⁷ Рябушинский В. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин. Статьи об иконе. (Далее – Указ. Соч.) М., 1994. С.142.

⁸ ГАИО. Ф.636. Оп.1 Д.5. Л.69.

⁹ Рябушинский В. Указ. Соч. 142.

¹⁰ Рябушинский В. Указ. Соч. С.142.

¹¹ Там же. С.143.

¹² Рябушинский В. Указ. Соч. С.143.

¹³ Там же.

¹⁴ Миндовский В. Из бытовых очерков «Вечугская фабричная старина»././ Костромская старина. 1994. № 6. С.19

¹⁵ ГАИО. Ф.636. Оп.1.Д.6.Л.8об.

¹⁶ Костромская старина. 1994. № 6. С.11

Р.Ю. Мальцев

Владимир Алексеевич Шевалдышев – член семьи Третьяковых.

Родственные отношения в начале XX в. в предпринимательской среде значили многое. Они помогали налаживать деловые связи, управлять фирмами и производством. Товарищества в начале прошлого века было не просто наименованием формы собственности, а действительно отражала суть отношений.

«Дорогой, Сережа...» именно так начинал свои письма к Сергею Николаевичу Третьякову его зять Владимир Алексеевич Шевалдышев.

В.А. Шевалдышев был женат на дочери Николая Сергеевича Третьякова Александре Николаевне (1876-1914), соответственно принадлежал к ветви от второго брака Михаила Захарьевича Третьякова (1891-1850).

Владимир Алексеевич был заметной фигурой не только на деловой, но и на общественно-политической сцене Костромской губернии.

Шевалдышев Владимир Алексеевич (1874 – после 1917). Личный дворянин. Выпускник Императорского Николаевского лицея и юридического факультета Императорского Московского университета. Владелец

¹ © Р.Ю. Мальцев, 2010

имения в Тверской губернии и каменного дома в Москве. Кандидат (1905), член (1906) и директор (1915) правления Товарищества Новой костромской льняной мануфактуры. Гласный городской думы (1909). Городской голова (1913-1916). Член губернского комитета общественной безопасности (1917). Член учетно-ссудного комитета Костромского отделения Государственного банка (1906) и попечительного совета Костромской торговой школы (1906). Директор Клириковского детского приюта (1907). Почетный попечитель народного училища деревни Святое Костромского уезда. Почетный член губернского попечительства о детских приютах. Кавалер орденов Св. Анны и Св. Станислава III степени. Коммерции советник (1913). Такая справка дана о нем в биографическом справочнике «Градоначальники Костромы»¹.

В этой короткой справке, изобилующей датами и регалиями, нам представляется человек с головой погруженный в общественную и деловую жизнь города.

Но все, же основной его работой было участие в управлении Товариществом Новой костромской льняной мануфактуры. С.Н. Третьяков не мог постоянно находиться в Костроме и следить за делами на мануфактуре, поэтому фактически всеми делами на месте заведовал Владимир Алексеевич.

Нужно сказать что отношения между ними не смотря на разницу в возрасте, Сергей Николаевич род. в 1882 г., были теплыми и доверительными, как вообще в семье Третьяковых. В фондах Костромского государственного архива сохранились черновики их переписки за 1906-1908 гг.² В этих письмах, написанных в самый разгар революции 1905-1907 гг., перед нами предстают люди, разговаривающие на равных, обсуждающие злободневные вопросы: управления фабрикой, рабочих выступлений, борьбы с забастовками; интересны пассажи, касающиеся отношений с властью, в частности с губернатором.

Некоторые приведенные цитаты из этой переписки характеризуют В.А. Шевалдышева, на наш взгляд, как человека ироничного и в то же время делового умеющего лавировать в непростой обстановке революции, в то же время решительного и не боящегося рисковать.

Одним из основных вопросов, поднимаемых в этой переписке, стало забастовочное движение. Для успокоения рабочих Шевалдышеву пришлось активно сотрудничать с губернатором и в то же время находить хоть какой-то компромисс с рабочими.

«8 июля 1907 года. ... настроения рабочих понять нет никакой возможности: они не то страшно напуганы, не то сами принимают пассивное участие в забастовке... мы решили просить губернатора, чтобы он приказал нам дать свисток. Дать свисток самим – значить показать всем, что нам хочется закончить забастовку. Не давать свистка и ничего не предпринимать – действовать на руку агитаторам... Толпа рабочих, желающих рабо-

тать, так инертна, что ей необходимо прейти на помощь...продолжительное закрытие фабрики обязательно вызовет скандалы. Ввиду последних прокламаций прервать эту забастовку важно не только для нас, но, может быть для целого района».³

Непоследовательность действий губернатора вынуждала фабрикантов самим бороться с выступлениями рабочих. «Губернатор... ведет странную игру и постоянно заигрывает с рабочими... им заявил, что так как он в их действиях не видит ничего противозаконного, то он разрешает им ряд митингов в народном доме. Митинги были в субботу и воскресенье... О назначение митингов он никого из нас не предупредил, так что я случайно узнал это от полиции, которая упрасивала меня съездить к губернатору и просить, что бы митинга он не разрешал... На этот раз мне удалось его убедить, и он приказал полиции немедленно разогнать собрание, которое сам же разрешил. При разгоне собрание стражники били рабочих нагайками, что конечно, тех озлобляет... Губернатор постоянно принимает у себя рабочих и дает им нелепые обещания: стать для тех посредником, повлиять на фабрикантов в их пользу. Вообще, его поведение портит все дело, если бы не было собраний, то фабрика наша теперь уже работала... О происшествиях следовало бы доложить в Петербург. Не особенно умно вели себя наши соседи Морганов и Зотов, т.к. действовали не дружно».⁴

Уже в 1912 г. при очередных волнениях на фабрике Шевалдышев, уже как директор правления, действует более жестко. В объявлении от 14-го июля: «в 9 часов утра, толпа молодежи насильственно удалила рабочих с прядильной фабрики. В виду того, что над рабочими было совершено насилие, администрация фабрики считает своим долгом в понедельник дать призывной свисток. Если же в понедельник рабочие на работу не выйдут, то фабрика будет остановлена на неопределенное время, а рабочим будет выдан расчет. Никакие требования рабочих удовлетворены не будут»⁵. И 7 августа 1912 г.

«Ввиду заявления рабочих о желании возобновить работы на фабрике, 8 августа начнется обратный прием рассчитанных рабочих. Как только будет набран достаточный комплект рабочих, фабрика будет пущена. Условия найма остаются прежними».⁶

Помимо выполнения прямых обязанностей на фабрике он участвовал во многих комитетах и комиссиях, что, несомненно, отнимало множество сил. Но в то же время участие в деятельности местного самоуправления и комиссиях помогало продвигать, лоббировать постановления выгодные правлению мануфактуры.

Лояльность к губернатору при этом была, в некоторых случаях, весьма условна:

22 июня 1907 года. С губернатором у меня наладилось, он вызвал меня к себе и просил устроить сыскное отделение (что он говорил и тебе). Я сказал ему, что употреблю всю свою силу на убеждение всех фабрикан-

тов Костромы откликнуться на эту гениальную мысль. Теперь он вызывает меня к телефону и во всякие комиссии, т.ч. дело уладилось⁷.

Нередко за послабление от властей приходилось платить.⁸ Большинство щекотливых вопросов так же были на В.А. Шевалдышеве, во многом этому помогало его юридическое образование: «4 февраля 1908 года. Во время моего пребывания в Москве вы спрашивали меня о кражах на фабрике... кражи за последнее время прекратились. Прилагаю при сем отчет по сыскному отделению города Костромы, на который в прошлом году мы внесли 600 рублей. Эти деньги мы раньше выдавали как оброк полицмейстеру, а теперь они идут на организацию сыскного отделения. Полагаю, что деньги наши не пропали зря. Губернатору за его любезное отношение и за присылку отчета по сыскному отделению я принес от правления Т-ва благодарность.

Прошу Вас участие наше в деле учреждения сыскного отделения держать в секрете».⁹

Наиболее злободневным для правления являлся вопрос налогообложения. «8 ноября 1906. Я узнал очень неприятную вещь: губернатор приказал полиции взыскать с нас все недоимки по государственному обложению, пока я полиции не видал, но знаю, что дело можно немного потянуть».¹⁰ Механизмы задержки выплаты налогов, а также недоимок были разработаны виртуозно. В ход шли личные связи, продвижение нужных кандидатов и пробелы в законодательстве.

Прения в Городской думе на протяжении 1907 г. велись по поводу изменения оценки для обложения недвижимых имуществ, от этого зависела величина уплачиваемого налога. В результате 31 декабря была принята новая оценка. С ней фабриканты были в корне несогласны. Их позицию выразил костромской фабрикант И. Чумаков: «Доход с частновладельческих имуществ уменьшится на 3146 руб. 37 коп., а доход от фабрик увеличиться на 18413 руб. 81 коп., т.е. не только весь дефицит по смете будет погашен за счет фабрик, но и часть прежнего налогового бремени с частновладельческих имуществ будет перенесено на фабрично-заводские предприятия. Это ненормальное положение вещей вытекает из-за неправильной системы обложения, против которой неоднократно протестовали представители фабрично-заводских предприятий в городе». Тут же маленький шантаж: «Владельцы предприятий не могут не протестовать против такого ненормального положения вещей, а их протесты могут приостановить поступление в город оценочного сбора, что поставить Управу и Думу гор. Костромы в тяжелое положение»¹¹.

Все постановления думы, касающиеся налогов, тем паче их увеличения сразу становились известными В.А. Шевалдышеву уже в письме 8 января 1908 года. «Я узнал, что Городская дума в экстренном заседании от 31 дек. 07 г. постановила взыскать налог по новой оценке... налог с фабрики увеличится. Сегодня я был у Чумакова и Морганова, причем и тот и дру-

гой просят тебя обратиться к присяжному поверенному, что бы подать ряд и однообразных жалоб в Губернское Присутствие. Завтра повидая Аристова, Зотова и Толстопятова, чтобы поговорить с ними, так как жалобы всех промышленников вместе больше значения...». ¹²

В этой ситуации В.А. Шевалдышев, в т.ч. как «присяжный поверенный» становится центром противодействия увеличению налога. «25 января 1908 года ...жалобу в губернское присутствие я подал. Тут у меня собрались все фабриканты и все в один голос согласились с нашим планом, так что сегодня уже начали поступать ... жалобы и от других. Кроме того все в один голос говорят, что необходимо подать губернатору еще и докладную записку, перед заседанием Губ. Прис. Записку напишем я и Вахрамеев (прис. пов.), зять Аристова». ¹³

Противодействие при этом велось на нескольких уровнях.

«28 января 1908 года. ...вчера меня вызывал к себе губернатор поговорить о городском деле. Как я полагал, он очень заинтересован не столько делом, сколько желанием напакостить городу и земствам. ...он обратился ко мне со следующей просьбой: не могу ли я позондировать всех фабрикантов Костромской губернии по поводу земских и городских налогов, и если все фабриканты считают поведение земств несправедливым, то не могут ли фабриканты собраться у губернатора... причем он заранее при такой постановке дела обещает встать на сторону фабрикантов. Таким образом, как я это понимаю, ему желательно, чтобы о «съезде фабрикантов» у него в доме стало известно в Петербурге, т.к. он со всеми перессорился и ему необходимо будет на кого-нибудь опереться». ¹⁴

В то же время губернатор помогал предпринимателям не только из желания упрочить свое положение. «Конечно, за то, что сделает услугу фабрикантам, он стал просить их пожертвовать денег на постройку дома трудолюбия, но этот вопрос можно будет поставить так: мы возьмем подписной лист и, если его степенство действительно поможет фабрикантам, то мы ему пожертвуем, а пока мы должны подумать и потолковать, какой дом? какой план? И т.д.? Конечно, к этому вопросу нужно отнестись осмотрительно, т.к. Веретенников (губернатор- М.Р.) – человек ненадежный, но использовать его можно...». ¹⁵

Экстренное собрание Городской думы 30 декабря 1908 года было посвящено оценке вновь возведенных трех строений при фабрике Т-ва Новой Костромской льняной мануфактуры. В результате была сделана значительная скидка в оценке стоимости фабрики с 94833 руб. 96 коп. до 80095 руб. 72 коп. Нужно учесть, что на заседании думы, между прочим проходившей в канун нового года, в основном присутствовали гласные предприниматели, которые единогласно согласились на уменьшение: «Г.г. Городской Голова и гласные А.Д. Разсадин и Н.М. Москвин в целях избежание протеста со стороны администрации фабрики, согласиться принять все ис-

правления в оценках, указанные Правлением Товарищества, и сделать соответствующую скидку»¹⁶.

«15 февраля 1908 года. Сегодня я был в земской управе. На собрании мне удалось отстоять Василия Семеновича Соколова, этот вопрос решится в желательном для него смысле. После собрания я выяснял дело о взыскании с нас недоимки в пользу земства с членом управы Прохоровым (сторонник Вас. Сем.), который теперь ходит за председателя, причем он уверял меня, что полиция это творит по собственному почину и что Управа, списавшись с Соколовым, почти, наверное, откажется от взыскания недоимки. Полицмейстеру я на днях дам рублей 200, как награду за организацию сыскного отделения. Во всяком случае, сразу платить 84 т. Мы не будем, так как рассрочку дадут непременно»¹⁷.

В 1909 г. В.А. Шевалдышев становится гласным городской думы, а в 1913 г. избирается городским головой. Это позволяет ему еще больше влиять на городскую жизнь. Городской голова должность не только почетная, но и ответственная. Городской голова был наделен довольно широкими полномочиями. Он отдавал распоряжения о созыве думы и определял повестку дня заседаний. Под его личную ответственность печатались доклады по делам, назначенным к слушанию. Только через посредство городского головы дума могла пригласить на свои заседания посторонних лиц. Предоставляя значительную власть, правительство придавало большое значение персональному подбору кандидатур на этот пост. Лица, избранные на указанную должность в губернских городах, утверждались министером внутренних дел. До революции 1917 г. в Костроме из 28 городских голов лишь последние двое не принадлежали к купцам, Шевалдышев и Николай Иванович Воробьев (1917). Но Шевалдышев был к этому времени директором НКЛМ, и соответственно принадлежал к числу крупных предпринимателей. А последний занимал свой пост непродолжительное время в эпоху революции.

В.А. Шевалдышев участвует не только в деятельности местной думы, но и в политической деятельности края. Он один из учредителей газеты «Поволжский вестник» (далее ПВ) заявленной как газета «политическая, литературная, общественная» – фактически же прооктябристская.

На выборах в Государственную думу он активно поддерживает уже известного В.С. Соколова, последний избирается в члены собрания и на его проводах произносит пламенную речь «с чувством удовлетворения можно констатировать что, костромичи вручили свое знамя, избрали тех людей, которые им давно и хорошо знакомы своей деятельностью в городском и земском самоуправлении, где впервые показали проблески той лучшей жизни и тех реформ, которые проводить призваны наши избранники. Все будет хорошо и светло, если между нами и нашими избранниками будет полное единение при условии разумной работы. И так «да здравствует солнце и разум!»¹⁸.

В политических предпочтения В.А. Шевалдышев был скорее консервативен. В «Поволжском вестнике» читаем: «...в данное время верх должны взять умеренные элементы, и в нашей местности явились лица, которые постоянно стояли за преобразования по воле Царя и в духе мира, а не террора, экспроприации и репрессии, как то: (среди прочих) В.А. Шевалдышев»¹⁹.

Помимо участия в деятельности городской думы Владимир Алексеевич состоял на 1909 г. членом ряда обществ:²⁰

Губернский комитет попечительства о народной трезвости. (При канцелярии губернатора). Приглашенный сверх обязательных

Гласный Костромского губернского земского собрания, избранные на трехлетие с 1907 года. По Костромскому уезду.

Губернское по промысловому налогу присутствие, избранный губернским земским собранием Владимир Алексеевич Шевалдышев.

Костромское отделение государственного банка.

Член торгово-ссудных комитетов по торгово-промышленным кредитам.

Губернское по фабричным и горнозаводским делам присутствие.

Губернский попечительный о тюрьмах комитет. Директор

Губернская ученая архивная комиссия. Действительный член.

Костромское общество образования. Член правления.

Общество пособия потерпевшим от пожарного бедствия в г. Костроме Член (он же секретарь).

Начальные училища по положению 1847 г. обоего пола. Святоское – попечитель.

К 1914 г. дополнительно участвует²¹:

Губернское присутствие по делам страхования рабочих. От владельцев предприятий.

Торговая школа. Член попечительного совета.

Образованный высочайшим соизволением Особый Комитет по сооружению в гор. Костроме памятника в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых.

Костромской попечительный о бедных комитет ведомства Императорского человеколюбивого общества. И.д. председателя присутствия комитета.

Общество охраны от пожарного бедствия в г. Костроме.

Костромской клуб. Старшина клуба.

Так же он активный участник приема в Костроме императора Николая II, закладки памятника 300-летию дома Романовых и открытия Романовского музея (19-20.05.1913). Посвященного истории Дома Романовых.²²

Нужно заметить, что и супруга В.А. Шевалдышева – Александре Николаевна не оставалась в стороне от общественной жизни. Одна из первых леди, как сейчас говорят, губернии. Она вполне соответствовала мужу.

В 1914 г. была: Директор Костромского отделения Императорского Российского Музыкального Общества. Почетная блюстительница Училища при фабрике Товарищества Большой Костромской Льянной Мануфактуры. Товарищ попечительницы Федоровской община сестер милосердия.

У Владимира Александровича и Александры Николаевны был единственный горячо любимый сын Константин. В костромской библиотеке им. Н.А. Крупской храниться книга в каталоге значащаяся: Андерсен, Ганс Христиан. Сказки / пер. А. и П. Ганзен; илл. Г. Тегнер.- Спб.: изд. А.Ф. Девриена, 1899.-11,421 с: ил. КОУНБ №Ц15303.4. На форзаце которой сделана надпись рукой Третьяковой Александры Густавовны: *«Дорогому моему внуку Коте Шевалдышеву на память о нашей любви и дружбе. А. Третьякова. 28 марта 1911 г.»*²³

¹ Градоначальники Костромы, 1785-2003: От городского головы до главы самоуправления / Авт.-сост.: Т.М. Карпова, П.П. Резепин. Кострома: ООО «Костромаиздат-850», 2003. С. 93.

² ГАКО Ф. 671. оп.1. д.6.

³ ГАКО Ф. 671. оп.1. д.6. Л. 37-39.

⁴ ГАКО Ф. 671. оп.1. д.6. Л. 40-42.

⁵ КМЗ КОК 26123/10 Л.1

⁶ КМЗ КОК 37785. Л.1.

⁷ ГАКО Ф. 671. оп.1. д.6. Л. 33.

⁸ См. подробнее. А.В. Новиков, Р.В. Данилов. Костромские фабриканты второй половины XIX-начала XX века: черты к портрету дореволюционного предпринимателя // Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003. Ч. 1. С. 97-105.

⁹ ГАКО Ф. 671. оп.1. д.6. Л. 63.

¹⁰ ГАКО Ф. 671. оп.1. д.6. Л. 8.

¹¹ Журнал Костромской городской думы за 1907 год. Кострома. 1908. С. 304-305.

¹² ГАКО Ф. 671. оп.1. д.6. Л. 54.

¹³ ГАКО Ф. 671. оп.1. д.6. Л. 58.

¹⁴ ГАКО Ф. 671. оп.1. д.6. Л. 60.

¹⁵ ГАКО Ф. 671. оп.1. д.6. Л. 61.

¹⁶ Журнал Костромской городской думы за 1908 год. Кострома 1910 г. С. 320.

¹⁷ ГАКО Ф. 671. оп.1. д.6. Л. 64

¹⁸ ПВ 1907 27 октября.

¹⁹ ПВ 1907 2 сентября.

²⁰ Справочная Книжка Костромской губернии на 1909 год. Кострома 1909. 66 с.

²¹ Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1914 г. Кострома 1914. 183 с.

²² Градоначальники Костромы, 1785-2003: От городского головы до главы самоуправления.- Кострома. 2003. С. 93.

²³ В печати. Горохова О.В. Библиофилы Шевалдышевы. Их книги в КОУНБ и ГАКО

Предприниматели в процессе формирования системы народного образования в России (XIX – начало XX вв.)

Совместная согласованная работа государства и общества позволяет преодолеть многочисленные кризисные ситуации в социально-экономической сфере. Об этом свидетельствует богатый опыт России периода XIX – начала XX веков, где, по сравнению с западноевропейскими странами, широкое распространение получила общественная и особенно частная благотворительность.

Особого эффекта благотворительная деятельность достигла в сфере народного образования, повышение уровня которого российские предприниматели справедливо рассматривали как неременное условие для достижения успехов в своем бизнесе. Принято считать, что начало здесь положено было еще в 70-е годы XVIII века московским купцом Петром Лариным. Он учредил училище в родном селе Любучи и для обеспечения его основал первый общественный банк – кредитно-благотворительное учреждение. С 30-х годов XIX в. деятельность благотворителей-предпринимателей активизировалась, причем они настаивают на большей своей самостоятельности в деле расходования своих пожертвований. Одним из регионов, где благотворительность активно внедряется в процесс формирования народного образования становится Ярославская губерния. Именно данный фактор способствовал тому, что Ярославская губерния к началу XX столетия передовых показателей по уровню грамотности населения.

Российское купечество активно включается в общественную жизнь уже в 80-е годы XIX в., что выражается в широкой благотворительной деятельности. Первоначально она выражалась в небольших средствах, отпускаемых уроженцами отдельных селений на содержание начальных школ. Но к началу XX столетия суммы пожертвований со стороны купцов для организации учебных заведений на своей родине исчислялись уже тысячами и десятками тысяч рублей. Примером может служить история Селищенской двухклассной школы Ростовского уезда. В 1892 году петербургские купцы, местные прихожане А.И. Улыбин и В.И. Черепенников приобрели за 500 рублей здание на краю села Троицкий Бор для церковно-приходской школы. Однако поскольку месторасположения села было неудобным (отделено от других деревень рекой) В.И. Черепенниковым принимается решение обустроить новое училище в соседнем поселении Селищи. На выделенные купцом 4 тысячи рублей в кратчайшие сроки было сооружено и школа была открыта уже в сентябре 1901 года. Спустя три го-

¹ © С.Н. Кузин, 2010

да Селищенская ЦПШ переводится в двухклассную и для ее перестройки В.И. Черепенников предоставляет еще 13 тысяч рублей¹. В значительно большую сумму, а именно – в 40 тысяч рублей обошлось устройство двухклассной школы в селе Александрова Пустынь (Рыбинский уезд) петербургскому купцу, одному из учредителей С-Петербургского общества содействия бедным ярославцам, живущим в столице, Ивану Семеновичу Крючкову². Но совершенно беспрецедентным было пожертвование, сделанное Петербургским купцом Андреем Васильевичем Зверковым. В 1901 году он завещал 100 тысяч рублей Ярославскому губернскому земству для устройства на проценты от означенного капитала начальных, сельскохозяйственных, ремесленных и торговых школ. При этом в духовном завещании указывалось: «... прежде всего проценты употребить на устройство и содержание начальных школ Даниловского уезда по назначению Даниловского земства». Данный пункт в дальнейшем вызвал настоящий скандал, поскольку губернский училищный совет определил неправомерными действия Даниловского земского собрания, расходующего ежегодное отчисление с капитала в 3 тысячи рублей на нужды уездного образования³. Подобные недоразумения с завещаниями были не единичными. В постановлении Рыбинского уезда в 1915 году, например, указывалось: «Обратиться к С.Т. Нестеровой с предложением уплатить в 3-х месячный срок одну тысячу рублей, завещанные ее мужем Болобановскому земскому начальному училищу»⁴.

Новые задачи коммерции, острая нужда в квалифицированных кадрах среди рабочих и служащих требовали от купечества пересмотреть свое отношение к профессиональному образованию. Кульминацией здесь стали 90-е годы XIX в., когда на средства благотворителей создаются низшие механико-технические училища. Среди последних в Ярославской губернии выделялось Рыбинское, открытое в 1897 году, на средства с капитала в 320 тысяч, завещанного М.Е. Комаровым. Строительство было начато в 1896 году на земле, выделенной безвозмездно на эту цель городской Думой, причем наличие достаточных средств позволило в рекордный срок (за 16 месяцев) возвести сразу два здания – непосредственно механико-техническое училище и ремесленная школа при нем. В первое принимались выпускники городских училищ, которым предстояло в течение трех лет не только освоить три вида ремесел (столярно-модельное, слесарное и кузнечно-механическое), но и повысить свою общеобразовательную подготовку. Ремесленная школа с 4-х годичным сроком обучения предназначалась для окончивших начальные народные училища. Поступившие в нее выбирали лишь одну из ремесленных специальностей. Поскольку содержание подобных учебных заведений обходилось дорого, то даже при наличии известного капитала устанавливалась плата за обучение. Для учеников училища она составляла 20 руб. в год, а для учащихся школы – 10 руб. В отдельных случаях неимущие воспитанники освобождались от этой платы

и им даже назначалось денежное пособие через посредство общества вспомоществования⁵.

В 1900 году в Ярославской губернии было открыто еще одно подобного рода училище – низшее механико-техническое им. Н.П. Пастухова. Определяющую роль в устройстве его сыграли средства купца-учредителя Н. Пастухова. Однако в отличие от Рыбинского Ярославское училище имело заметное преимущество благодаря новому установленному правительством порядку финансирования. Строительство осуществлялось за счет государственного кредита, а деятельность учебного заведения должна была обеспечиваться на паритетных началах казной и органами местного самоуправления или частными лицами. Именно поэтому изначально в ремесленной школе при Ярославском техническом училище удалось создать особые классы по каждой из трех ремесленных специальностей⁶.

Существование частных школ осложнялось целым рядом обстоятельств. Отношения между государством и благотворителями имели сложный напряженный характер, Нередко власти смотрели на благотворительные проекты как на навязываемые им дополнительные расходы. Поэтому по большинству частных учебных заведений существовал закон, который запрещал открывать их пока они полностью не обеспечены капиталом. А это означало, что даже при единовременном пособии от казны (которые всегда были весьма скромными) требовались куда более серьезные суммы. Единственной надеждой становилось объединить свои усилия с местными органами самоуправления, которые к тому же имели право принимать участие в управлении учебным процессом через посредство попечительских советов. В том случае если учредитель испытывал материальные трудности частные учебные заведения либо закрывались либо переводились в разряд земских. Так, в 1912 году среди последних оказались Каменская школа Пошехонского уезда и Эльтековская Рыбинского уезда⁷.

Среди частных благотворителей были неоднократно отмечены и крестьяне, при этом в ряде случаев вносимые суммы вполне сопоставимы по объему с купеческими пожертвованиями. В 1873 году крестьянин деревни Переслегино Мологского уезда С.Г. Ивонин на собственные средства (3050 руб.) устроил мужское училище в с. Веретье, а в 1888 году пожертвовал 3000 рублей на женское Веретейскую школу. В последующем его поддерживали земляки, жившие в С-Петербурге: по инициативе В.А. Патрухина была открыта между ними подписка в пользу мужского Веретейского училища. И хотя сумма эта не превышала 150 рублей это была ежегодная материальная помощь на содержание данного учебного заведения⁸.

Мотивация в деятельности благотворителей в сфере развития народного образования могла быть самой различной. Кроме гражданского идейного подвижничества здесь бесспорно играла роль повышенная религиозность. Прежде всего это относилось к старообрядцам, у которых передача средств религиозной общине и обществу являлось главной нравственной

целью предпринимательства, Именно в деле, одновременно земном и духовном, лежали истоки «внутренней» и «внешней» благотворительности староверов. И.И. Синицын, выявлявший «раскольников» в Ярославской губернии, докладывал о характере огромных «капиталов и средств промышленности», находившихся в распоряжении старообрядцев: «Владельцы их не более как экононы, кассиры, действующие как бы на правах безотчетных прикащиков: их капитал есть собственность веры и общины»⁹.

Как уже говорилось выше главным препятствием для благотворительности в сфере народного образования была позиция официальных властей, всеми способами пытавшихся ограничить активность общественности. Между тем и сами действия пожертвователей нередко были далеки от идеала. На съезд учителей и деятелей средней школы, состоявшийся в 1906 году приходили сообщения, что наряду «со стремлением открывать школы, где можно было бы осуществлять идеи Всероссийского союза учителей, возникают и иные, с чисто коммерческими целями, причем иногда устроители их для привлечения учеников не брезгают никакими средствами»¹⁰. О другом негативном факторе говорил известный представитель передовой педагогики В. Чарнолуский: «За видимой бескорыстностью деятелей просветительских организаций подчас на самом деле кроется и личное честолюбие, и карьеризм, и еще чаще та же «бескорыстная работа на пользу народного образования» является просто одной из красивых форм времяпрепровождения обеспеченных материально слоев общества»¹¹.

Еще более сложными оказывались ситуации, когда благотворительность исходила от крестьян. В земских источниках неоднократно отмечены случаи, когда сельские жители выступали с инициативой постройки школ не из-за чистого честолюбия (название учебного заведения именем учредителя), а при особых условиях. А именно: представитель сельского сообщества предлагал осуществить совместное финансирование с местными органами самоуправления. Последние предоставляли беспроцентный кредит на 10-15 лет в сумме до 2 тысяч рублей. Крестьяне-подрядчики нередко, взяв ссуды на строительство школьных зданий не выполняли своих обязательств по срокам, а произведенные постройки часто оказывались непригодными. Нарушались со стороны «благотворителей» и условия контракта по возврату беспроцентных пособий. В других случаях сельские жители – собственники помещений, сознавая безвыходное положение земств, не стеснялись требовать повышения арендной платы, отказывались исполнять свои обязанности по ремонту и отоплению школ. Как указывалось в отчете Вятского земства (Даниловский уезд) «случалось, что хозяева помещений, проживая с семейством в том же здании, вмешивались в школьную жизнь, мешали занятиям, загрязняли школьные комнаты, занимали их летом для своих надобностей, невозможно грубым отношением с учителями оскорбляли их»¹².

Тем самым, инициатива предпринимателей в деле организации системы народного образования во многом позволяла достичь положительных результатов при согласовании с государственными и общественными интересами.

¹ Краткий систематический свод постановлений по народному образованию уездных и губернского собраний Ярославской губернии за 1915 год. Ярославль. 1916. С. 6.

² Историческая записка о двухклассной Селищенской ЦПШ Ростовского уезда. Ярославль. 1909. С. 14.

³ Очерк деятельности Даниловского уездного земства по народному образованию. Ярославль. 1905. С. 35.

⁴ Краткий систематический свод постановлений по народному образованию С. 41.

⁵ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 549. Оп. 2. Д. 484. Л. 8.

⁶ ГАЯО. Ф. 549. Оп. 2. Д. 484. Л. 10.

⁷ Краткий систематический свод постановлений по народному образованию С. 6.

⁸ Очерк деятельности Мологского уездного земства по народному образованию. Ярославль 1907. С. 25.

⁹ См. Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М. 1992. С. 32.

¹⁰ Съезд учителей и деятелей средней школы. М. 1907. С. 13.

¹¹ Чарнолуский В. Частная инициатива в деле народного образования. СПб. 1910. С. 68.

¹² Очерк деятельности Даниловского ... С. 39

С.Ю. Иерусалимская

Деятельность органов местного самоуправления и предпринимателей по развитию среднего образования на рубеже XIX – XX веков (по материалам Ярославской и Костромской губерний).

На рубеже XIX – XX в. среднее образование в российской провинции было представлено различными учебными заведениями. Одним из основных типов средней школы в этот период продолжали оставаться гимназии. Общее число мужских и женских гимназий в Ярославской губернии начале XX столетия равнялось 19. Из них 12 были открыты в уездных городах, что было вызвано спецификой времени. Развитие капиталистических отношений в обществе требовало образованных людей, высококвалифицированных профессионалов своего дела, как в губернском центре, так и в уездах. Это в свою очередь вызвало увеличение численности мужских и женских гимназий: мужских с двух в 1899 г. до семи в 1914 г. и соответственно женских с пяти до двенадцати¹.

В конце XIX столетия в Костромской губернии на капитал, завещанный Ф.В. Чижовым, были открыты и содержались профессиональные учебные заведения. Так, в Костроме было основано промышленное училище, состоящее из среднего механико-технического, открытого в 1897 г., и низшего химико-технического, основанного в 1894 г., училищ.

¹ © С.Ю. Иерусалимская, 2010

Основой развития среднего образования послужила модернизация страны, происходившая в указанное время на губернском и уездном уровне. Так, подъём экономики Угличского края вызвал развитие начального и повышенного начального образования в уезде, что в свою очередь, послужило основой для создания средних учебных заведений в Угличе. Первым из них в начале XX в. была открыта угличская прогимназия. По предписанию ярославского губернатора за № 162 от 20 июля 1900 г. её двери открылись для учениц 31 октября 1900 г.² (в работе П.Н. Дружинина указана иная дата открытия Угличской прогимназии – 1897 г.³, что не соответствует действительности). Прогимназия являлась пятиклассным учебным заведением со сроком обучения 5 лет.

При прогимназии был создан попечительский совет под председательством угличского уездного предводителя дворянства камер-юнкера Н.Н. Тучкова⁴. Данный орган занимался поиском денежных средств на школьные нужды, заботился об улучшении материальной базы училища, освобождал малообеспеченных воспитанниц от платы за обучение⁵. Председателем попечительского совета осуществлялся подбор на должности педагогов.

Во главе женской прогимназии стояла её начальница. На эту должность претендовали многие кандидатки: и. о. начальницы Ростовской женской прогимназии А.И. Введенская; начальница Ярославского Ольгинского детского приюта М.Г. Крист; преподавательница Череповецкой женской гимназии А.А. Кудрявая и вдова бывшего угличского предводителя дворянства М.С. Соковина⁶. Предпочтение было отдано М.С. Соковиной, которая и стала в 1900 г. первой начальницей Угличской прогимназии⁷.

Важную роль в принятии решений, касавшихся учебной жизни прогимназии, играл педагогический совет, в сентябре 1900 г. исполнял обязанности его председателя И. Карцев⁸. По статусу в него входили все преподаватели данного учебного заведения⁹. Штат прогимназии в 1906 г. насчитывал 13 чел. педагогического персонала¹⁰. Начальница получала 400 р. жалования в год, учителя – 300 руб., а надзирательница – 180 руб.¹¹

Это учебное заведение, как и все училища подобного типа в Ярославской губернии, входило в систему Московского учебного округа и подчинялось его попечителю¹². Учреждение Угличской прогимназии имело целью дать среднее образование представительницам женского пола в уезде.

Согласно учебной программе в прогимназии изучались следующие предметы: Закон Божий, русский язык, математика, физика, чистописание, история, естествознание, французский язык, география и рукоделие¹³. Училище было весьма многолюдным, что свидетельствовало о признании необходимости и важности среднего женского образования среди угличан. Так, в 1907 г. в прогимназии насчитывалось 156 учениц¹⁴. В данное

учебное заведение поступали дети, как из г. Углича, так и из уезда. Девочки из сельской местности ввиду отсутствия общежития вынуждены были снимать комнаты в частных домах¹⁵. Откликаясь на просьбу педсовета о расширении прогимназии, попечитель Московского учебного округа в апреле 1907 г. дал разрешение об открытии шестого класса в данном учебном заведении.

Начиная практически со дня открытия прогимназии, т.е. с 1900 г., жители Углича неоднократно ставили перед городскими властями вопрос о преобразовании последней в гимназию. Учитывая, что по «Положению о женских гимназиях и прогимназиях» от 24 мая 1870 г. эти учебные заведения открывались только в губернских городах, а в прочих могли быть созданы лишь по инициативе местных жителей и не на средства казны¹⁶, угличанами в 1905 г. был организован сбор денежных средств в пользу открытия в городе женской гимназии.

Активное участие в сборе средств проявил богатейший предприниматель, почётный гражданин Углича купец первой гильдии М.А. Жаренов, внёсший в фонд создания гимназии 5.000 рублей. Не остался в стороне и председатель попечительского совета Н.Н. Тучков, пожертвовавший на организацию данного учебного заведения 1.000 рублей. Городской голова Кашинов внёс 300 рублей. Жители Углича и уезда также проявили внимание и отзывчивость к делу развития женского среднего образования в крае, жертвуя кто сколько мог, от 1 руб. до 50 руб. Всего было собрано 8.000 руб.

Старания населения не пропали даром, их инициативу поддерживали городская дума и угличское земство, собравшие внушительные средства на открытие полной женской гимназии в Угличе. Таким образом, дело было переведено в практическую плоскость. С 1 сентября 1907 г. Угличская женская прогимназия была преобразована в гимназию согласно разрешению МНП Российской империи¹⁷ и по распоряжению попечителя Московского учебного округа¹⁸. Процесс реорганизации затянулся почти на год и в материалах попечительского совета термин «гимназия» впервые упоминается с 30 июля 1908 г.¹⁹

Новая гимназия, как и большинство женских учебных заведений в Российской империи того времени, была названа в честь вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны – Мариинской. При гимназии действовал попечительский совет. Его председатель избирался из членов совета сроком на три года²⁰. Эту должность, так же как и ранее в прогимназии, занимал Н.Н. Тучков. Попечительский совет включал в себя выборных представителей от угличского земства, помощника председателя Н.А. Карпова и др.²¹.

Все вопросы повседневной школьной жизни, учебного процесса, хозяйственной деятельности входили в компетенцию начальницы гимназии. Значимость её роли подчёркивалась тем фактом, что она

утверждалась в должности министром просвещения Российской империи. Учителя, работавшие в гимназии, составляли педагогический совет²². Все вопросы учебной и воспитательной работы обсуждались на этом совете во главе с начальницей гимназии. Собрания педсовета проводились ежемесячно. Штат педагогов данного учебного заведения в 1913/14 уч. г. состоял из 18 чел. Четверо учителей имели высшее образование, трое – специальное педагогическое, одиннадцать – среднее²³.

Высококвалифицированный труд преподавателей гимназии достойно оплачивался властями. Так, распоряжением по Московскому учебному округу в начале 1914 г. жалование руководителя гимназии составляло около 3.200 руб. в год, учителя – 600-700 руб. (без прибавок на стаж работы и квартирных, которые выплачивались дополнительно)²⁴.

Женская гимназия являлась семиклассным учебным заведением со сроком обучения в 7 лет, а с 1909 г. – восьмиклассным с соответственно изменившимся сроком обучения, составившем 8 лет. Последний класс гимназии был педагогическим и предназначался для воспитанниц, желавших получить по его окончании звание домашней учительницы или наставницы (воспитательницы). Выпускницы, награждённые по окончании учебного заведения золотой или серебряной медалью, и прослушавшие курс педагогического класса приобретали звание домашних наставниц. Ученицы не получившие медалей, но имевшие одобрительный аттестат об окончании гимназии и прослушавшие курс педагогического класса пользовались правами домашних учительниц. И, наконец, выпускницы без медалей, но окончившие общий курс в гимназии имели право на звание учительниц народных училищ²⁵.

В 1906-1908 гг. в Угличской гимназии обучалось в среднем ежегодно 195 девочек, в то время как помещение училища было рассчитано на 160 чел. Таким образом, налицо некоторая нехватка учебных площадей, что говорит, в том числе о популярности данного училища среди угличан. Сравним состояние Угличской гимназии с учебными заведениями подобного рода в Ярославской губернии в начале XX в.

Таблица 1: Женские гимназии в Ярославской губернии в 1906-1908 гг.²⁶

Гимназии	Число классов	Среднее число учащихся	Норма учащихся на школьное помещение	Среднее число окончивших курс	Среднее число получивших отказ в приёме
Любимская прогимназия	4	41	35	-	-
Мологская	8	235	240	26	-
Пошехонская	8	273	310	31	6

Ростовская	8	513	350	67	4
Рыбинская	8	603	480	96	13
Угличская	7	195	160	-	-
Ярославская Мариинская	8	500	300	92	60
Ярославская Екатерининс кая	8	381	360	73	34

Скромное место, занимаемое Угличской гимназией среди указанных женских учебных заведений, объясняется тем, что она была открыта в 1907 году. (т.е. на момент сведения данных в этой таблице ей нет ещё года). Этой же причиной объясняется прочерк в графе «Среднее число окончивших курс». Вместе с тем уже в первый год своего существования Угличская женская гимназия обладала значительным авторитетом среди населения уезда, о чём говорит превышение нормы загруженности её учебных площадей на 35 человек. Этот престиж она унаследовала от своей предшественницы – прогимназии. В то же время загруженность учебных площадей Угличской гимназии в сравнении с Ярославской Мариинской, Ростовской и Рыбинской, была в несколько раз меньше, что позволяло вести учебный процесс в относительно нормальных условиях.

В 1913/14 уч. г. количество учащихся в гимназии насчитывало 310 чел. Это был последний мирный год России перед первой мировой войной. Однако, несмотря на последующее тяжёлое военное время, февральские и октябрьские события 1917 г., число воспитанниц Угличской Мариинской женской гимназии увеличивалось. Так, в 1916/17 уч. г. общее количество гимназисток составило 337 чел. В следующем учебном году их уже было 416 чел. По социальному составу на 1917/18 уч. г. на первый план выдвинулись дети крестьян – 132 ученицы. Далее по убывающей шли: дочери мещан – 126 чел., духовенства – 55 чел., чиновников – 31 чел., купцов – 29 чел., учителей – 14 чел., дворян – 8 чел., прочих – 21 чел.

Итак, социальный состав воспитанниц был весьма пёстрым, это говорит о том, что сословный характер гимназии, столь свойственный учебным заведениям подобного типа в XIX в.²⁷ исчез, и она стала всесословной. Данная тенденция во всероссийском масштабе и в частности в Ярославской губернии стала заметна с начала XX столетия, особенно с 1905 г. В это время дворяне уже не составляли большинство учащихся гимназий, как в предыдущем веке. Выросло число воспитанников данных учебных заведений из городских сословий и крестьян. Так, в Ярославской Мариинской женской гимназии за 1867-1914 гг. представительство мещан увеличилось с 27 % до 42,2 %, а крестьян с 2 % до 20,4 %. В уездных гимназиях этот рост был ещё заметнее²⁸. Особенно увеличение доли детей крестьян и мещан стало возрастать после всколыхнувших общество

февральской и октябрьской революций, внесших существенный вклад в демократизацию учебной жизни.

Учебный процесс в гимназии включал в себя преподавание ряда предметов: Закон Божий, арифметика, алгебра, геометрия, словесность, русский язык, физика, отечественная и всеобщая история, география, рукоделие, чистописание и др. К факультативным предметам, изучаемым за дополнительную плату, относились французский и немецкий языки, рисование, пение и т.д.²⁹

Учебники, учебные пособия и хрестоматии по изучаемым предметам ученицы получали в гимназической библиотеке. Библиотечные фонды были распределены по фундаментальному и ученическому отделам. Кроме упомянутых изданий там имелись художественно-публицистические сочинения, научные труды, книги по религиозной тематике и литература на французском и немецком языках.

Угличская женская гимназия, так же как и её предшественница, прогимназия, не располагала общежитием. В силу этого обстоятельства «иногородние» гимназистки проживали на съёмных квартирах и у родственников³⁰.

После окончания гимназии многие выпускницы устраивались на работу, в том числе учительницами. Для этих целей в Угличской женской гимназии существовал педагогический класс, который завершал образование учениц. Профессия педагога, как отмечали многие исследователи и современники, была общественно значимой и овеяна романтикой³¹. Все выпускницы имели право поступать в высшие женские курсы Петербурга и Москвы, поскольку университетского женского образования в Российской империи не было.

В связи с преобразованием прогимназии в гимназию, для успешного функционирования последней требовались значительные средства. В 1908 г., в ходе работы губернской комиссии, уже упоминавшейся в предыдущем параграфе, ею были посланы запросы к уездным земским управам, городским управам и уездным училищным советам с просьбой высказать свои пожелания по развитию среднего и повышенного начального образования, открытию новых и улучшению деятельности уже существующих учебных заведений.

В ответ на этот запрос председатель Угличского уездного училищного совета высказал пожелание, среди прочего, выделить деньги для расширения помещения женской гимназии. Обосновывая свою просьбу, он подчеркнул, что общественные учреждения и частные лица Углича уже собрали для этой цели сумму примерно в 20.000 руб. (для сравнения годовой бюджет Углича за 1904 г. составлял 52.000 руб.³²) Однако общая стоимость постройки равнялась 40.000 руб., ввиду чего было «необходимо безвозвратное пособие от казны... в 20.000 руб.»³³.

Угличская уездная земская управа, в свою очередь, просила комиссию выделить на постройку помещения для гимназии сумму в 10.000 руб. в дополнение к местным средствам. В ответ на высказанные пожелания губернская комиссия признала необходимым выделить искомые средства для «Угличской женской гимназии – на постройку нового здания и содержание учащего персонала – в первую очередь»³⁴. Одновременно с этим городскими властями был предпринят ряд действий по решению данной проблемы. Так 14 февраля 1908 г. Угличская городская дума приняла постановление о конкретных мерах, направленных на строительство «помещения для женской гимназии»³⁵.

Значительная доля финансирования Угличской гимназии (как и ранее прогимназии³⁶) приходилась на городское общество, часть средств давали государственное казначейство и земство³⁷. Одной из статей дохода гимназии являлась плата за обучение. От неё освобождались гимназистки, хорошо успевавшие по всем предметам, а также девочки из малообеспеченных семей, родители которых не могли вносить плату за обучение. Напротив, этим категориям учениц выделялись социальные стипендии для малоимущих и именные стипендии для отличниц. Предоставлением и выплатой стипендий занимались общественные организации и частные лица³⁸.

Так, Угличское земство в начале XX в. выделило одну-четыре стипендии воспитанницам гимназии, общественные организации (например, мещанское общество, общество попечения особо бедных и др.) – до шести, частные лица – до четырёх³⁹. Интересно отметить, что Угличское земство предоставляло стипендиальные выплаты не только ученикам местных училищ, но и угличанам – учащимся в ярославских учебных заведениях. В 1916 г. от этого органа были выделены 2 стипендии ученицам Ярославской Мариинской женской гимназии и 2 стипендии учащимся Ярославской им. Александра I мужской гимназии. Некоторым учебным заведениям земство давало стипендии с условием, что по окончании школы, отмеченные денежными выплатами выпускники, отслужат некоторый срок при Угличском земстве⁴⁰. Выплата стипендий, которыми городская общественность и частные лица поддерживали учащихся, получила широкое распространение в указанный период по всей России. Так, в 1912 г. в Ярославской Мариинской женской гимназии стипендии получали 89 воспитанниц⁴¹.

Гимназия сыграла значительную роль не только в системе развития среднего образования Углича, но и явилась важным показателем высокого социокультурного уровня Угличского уезда. Данное учебное заведение являлось одним из определяющих факторов культурного потенциала города.

В первую мировую войну финансовое положение Угличской женской гимназии существенно ухудшилось. Быстрый рост инфляции во

многим уничтожил имевшиеся средства, однако, не смотря на серьёзные трудности с финансированием, количество учениц в данном учебном заведении росло. После октября 1917 г. постановлением Наркомпроса от 20 января 1918 г. гимназия была ликвидирована. На её базе декретом ВЦИК от 16 октября 1918 г. стала создаваться единая трудовая школа II ступени.

В начале XX столетия в Угличе функционировало также реальное училище. Вопрос о его открытии поднимался ещё в 1908 г., когда председатель Угличского уездного училищного совета высказывался за «учреждение в городе среднего мужского общеобразовательного училища – гимназии или реального училища»⁴². Мужскую гимназию в городе создать не удалось, а реальное училище было открыто.

Реальное училище также как и гимназия давало среднее образование. Однако его программа и содержание обучения были более приспособлены к требованиям и запросам капиталистического общества. Оно имело чётко выраженное практическое назначение, в силу чего большое внимание придавалось углублённому изучению естественных дисциплин и точных наук, в частности математики. Место классических языков (латыни и древнегреческого) в учебной программе реального училища занимали иностранные языки (немецкий, французский и др.). Принимая во внимание уклон данного учебного заведения, основной контингент учащихся в нём составляли дети предпринимателей, купцов и зажиточных горожан. Реальное училище имело шесть классов и седьмой дополнительный. В целом по России в 1913 г. насчитывалось 276 учебных заведений подобного типа⁴³.

Деятельность Угличского реального училища пришлась на последний предвоенный год, период первой мировой войны и двух революций⁴⁴. Значимость этого события для Углича была велика, т.к. его выпускники имели право поступать в высшие технические заведения, на физико-математические и медицинские факультеты университетов. Таким образом, для мужского населения Углича открылась дорога к высшему образованию. Однако поступить на эти факультеты реалисты могли только после сдачи дополнительного экзамена по латыни. Председателем попечительского совета Угличского реального училища был единогласно избран Н.Н.Тучков⁴⁵.

Данное учебное заведение финансировалось из средств городской думы, земства, государственного казначейства и др. Статьёй дохода являлась также плата за обучение. Ряд учащихся был освобождён от платы за обучение ввиду слабой материальной обеспеченности их родителей. Например, в 1916 г. эта льгота была предоставлена ученику В. Розову с примечательной формулировкой: «Его отец имеет небольшое содержание и...большую семью». Угличское земство учредило специальные стипендии воспитанникам реального училища⁴⁶.

Наряду с развитием среднего образования в губерниях Верхней Волги продолжали функционировать средние специальные учебные заведения. Оно появилось в результате перевода в Углич Новинской учительской семинарии. Новинская учительская семинария была открыта в имении известного драматурга А.В. Сухово-Кобылина в с. Новом Мологского уезда в 1871 г. Она предназначалась для подготовки учителей начальных школ. Семинария была мужской и принимала в свои стены лиц из всех сословий. Срок обучения в ней составлял 3 года, а с 1909 г. – 4 года. Максимальное количество семинаристов на курсе насчитывало 70 человек⁴⁷. Ярославским губернским присутствием был зарегистрирован «Устав общества вспомоществования нуждающимся учащимся и начального при нём училища». Это общество оказывало материальную поддержку малоимущим семинаристам⁴⁸.

В 1914 г. в Новинской семинарии произошёл несчастный случай, оказавший решающее влияние на её переезд в Углич. В ночь на 3 февраля в семинарии случился сильнейший пожар, в результате которого сгорел главный корпус. Периодическая печать того времени оценивала их ущерб свыше 5.200 рублей⁴⁹.

В этой связи между управлением Московского учебного округа, Угличским городским головой А.К. Постновым, угличским земством и директором Новинской учительской семинарии В.С. Преображенским завязалась переписка о переводе данного учебного заведения в Углич. Большую заинтересованность в переезде семинарии выразили городские власти Углича. В своём докладе на заседании городской думы А.К. Постнов особо подчеркнул, что Углич является географическим центром среди уездов, не имеющих специальных учебных заведений для подготовки педагогических кадров (Мышкинский, Ростовский, Рыбинский и даже Калязинский соседней Тверской губернии)⁵⁰.

Уже через две недели после пожара городской голова А.К. Постнов в своём письме директору семинарии В.С. Преображенскому предложил данному учебному заведению переехать в Углич, обещая безвозмездно выделить участок городской земли и бесплатно предоставить материалы для строительства. Среди приведённых аргументов в пользу своего предложения городской голова особенно выделил то, что Углич являлся достаточно крупным городом (12.000 жителей) с развитой системой учебных заведений среднего, повышенного начального и начального образования (женская гимназия, духовное училище, 3 приходских училища и др.), которые обеспечат достойные кадры преподавателей и учащихся для учительской семинарии. Надеясь на положительное решение, Угличская городская управа возбудила этот вопрос перед правительством⁵¹. Земство единогласно поддержало инициативу управы.

В своём ответном письме от 15 марта 1914 г. В.С. Преображенский поблагодарил А.К. Постнова за сделанное предложение и обговорил

условия переезда, посетовав при этом на то, что преподаватели и воспитанники оставляют в с. Новом сады, парники и огороды⁵². Вскоре после уточнения деталей переезда, директор семинарии телеграфировал в Углич: «Условия согласен»⁵³.

Первоначально в планах МНП было перевести учительскую семинарию в Углич лишь временно (примерно на 4 года), однако в этом случае городская дума оставила открытым вопрос о финансировании покупки дома или постройки здания для данного училища. Лишь в марте 1915 г. Московский учебный округ согласился поддержать переезд семинарии на постоянный срок. Земство и городская управа в свою очередь подтвердили решение выделить на постройку здания для семинарии 15.000 руб. (10.000 – от города, 5.000 – от земства)⁵⁴.

17 апреля 1915 г. новый угличский городской голова Н.И. Жаренов совместно с уездным предводителем дворянства, председателем уездного земского собрания Н.Н. Тучковым были на приёме у министра народного просвещения, который согласился с их доводами и распорядился о переводе семинарии в Углич. В результате 30 июня 1915 г. МНП разрешило переместить данное училище в Углич, при условии передачи земельного участка в собственность министерства, отпуска леса для строительства и временного размещения учебного заведения в подобающем здании. Приёмные экзамены проводились ещё в с. Новом, а с сентября 1915 г. учительская семинария начала свою работу в Угличе. Переписка между директором Угличской учительской семинарии и городскими властями о передаче земли в собственность тянулась вплоть до начала 1918 г. и прервалась в связи с заменой последних органами советской власти⁵⁵. На курсе в среднем обучалось 60-70 человек. Большинство преподавателей училища имели среднее образование.

При семинарии продолжало действовать начальное училище. Угличское земство оказывало помощь не только учительской семинарии, но и начальному училищу при ней, выделяя последнему по 400 руб. ежегодно. В сентябре 1915 г. число учеников в начальном училище достигало 86 человек. Имелись планы об открытии в 1916 г. в данном учебном заведении 1-го отделения второго класса и тем самым доведении числа отделений до пяти⁵⁶.

О значимости работы учительской семинарии для Ярославской губернии говорят следующие данные: к 1917 г. 79 % педагогов губернии имели законченное среднее образование, 16 % получили должность учителя, сдав экзамен на это звание в низшем учебном заведении или прогимназии. 50 преподавателей из 669 школ губернии прошли специальную педагогическую подготовку, преимущественно в Угличской-Новинской семинарии⁵⁷. Данное учебное заведение содержалось за счёт городских средств, земских ассигнований и денежных поступлений из государственного казначейства.

Итак, развитие промышленности, экономики и сельского хозяйства в России в конце XIX – начале XX вв. потребовало от общества квалифицированных кадров (инженеров, техников, учителей, чиновников), которые будут способны применить на практике полученные знания и опыт. Именно эта общероссийская тенденция обусловила появление новых средних учебных заведений в Ярославской губернии и в частности в Угличском уезде. Среднее и среднее специальное народное образование в начале XX в. было представлено в Угличе тремя различными типами училищ: женской прогимназией, которая в 1907 г. была преобразована в гимназию, учительской семинарией и реальным училищем. Появление в городе указанных учебных заведений свидетельствовало о его превращении в один из центров образования на северо-западе губернии, наряду с Ярославлем, Рыбинском и Ростовом.

Ведущая роль в деле организации в Угличе учебных заведений, относящихся к средней школе, принадлежала городской общественности, угличской думе, земству, меценатам. Именно по их инициативе и при горячей поддержке угличан эти начинания удались. Открытие и дальнейшее благосостояние данных учебных заведений во многом зависело от энтузиазма, активности и финансовой состоятельности местных властей. Интерес и живое участие угличан к делу развития в городе средней общеобразовательной школы сказались самым положительным образом на её деятельности.

В начале XX столетия в Угличской гимназии наблюдался рост численности учащихся, который не смогли прервать даже тяжёлые годы мировой войны. В духе веяний времени происходит демократизация социального состава учащихся угличских средних учебных заведений. Так, в гимназии в 1917/18 уч. г. на первый план выдвигались дети крестьян и мещан. Учительская семинария также принимала лиц из всех сословий.

Финансирование данных учебных заведений осуществляли городская дума, земские органы, государственное казначейство и частные лица. Статьёй дохода являлась также плата за обучение. Малообеспеченным учащимся и отличникам назначались стипендии.

Гимназии являлись не только средним общеобразовательным учреждением, но и культурным центром уездных и губернских городов. Реальные училища, так же как и гимназии давали общее среднее образование, но в отличие от неё имели основную направленность на практические нужды развития экономики. Развитие среднего специального образования в Ярославской губернии осуществляли Угличская учительская семинария и учительский институт в Ярославле.

На рубеже XIX – XX в. в Верхнем Поволжье, как и по всей России, активно развивалось частное образование. Так, в начале XX столетия в Костроме были открыты две частные гимназии: в 1901 г. женская гимназия

Ю.В. Смольяниновой, а в 1905 г. 2-я мужская гимназия. Основой их содержания являлись частные пожертвования.

Таким образом, в Ярославской и Костромской губерниях в начале XX в. активно развивалось среднее и среднее специальное образование. Этот период характеризовался увеличением количества средних учебных заведений, которые сыграли значительную роль в становлении системы народного просвещения в крае, повышением роли органов местного самоуправления и частных лиц в деле развития народной школы.

¹ См.: История Ярославского края с древнейших времён до конца 20-х гг. XX века. Ярославль, 2000. С. 117 – 178, 218 – 219.

² См.: УФ ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

³ См.: Дружинин П.Н. Просвещение в Ярославской губернии в пореформенный период // Очерки истории Ярославского края. Ярославль, 1974. С. 101.

⁴ См.: УФ ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; Д. 4. Л. 15.

⁵ См.: УФ ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 40. Л. 1 – 19.

⁶ См.: УФ ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 5. Л. 2, 3, 5 – 7.

⁷ См.: УФ ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 3. Л. 3; Д. 5. Л. 4.

⁸ См.: ГАЯО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1622. Л. 12 – 20.

⁹ См.: УФ ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 5. Л. 3 – 4; Д. 8. Л. 15 – 16.

¹⁰ См.: УФ ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 63. Л. 29 – 45.

¹¹ См.: УФ ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.

¹² См.: УФ ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 3 – 4; Фальборк Г., Чарнолуский В. Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и пр. по школьному и внешкольному образованию народа. СПб., 1904. Т. III.

¹³ См.: УФ ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 63. Л. 29 – 46; Д. 69. Л. 1 – 38.

¹⁴ См.: УФ ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 74.

¹⁵ См.: УФ ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 63.

¹⁶ См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1871. Т. 4.

¹⁷ См.: УФ ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 69. Л. 13.

¹⁸ См.: УФ ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 78. Л. 19.

¹⁹ См.: УФ ГАЯО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2.

²⁰ См.: УФ ГАЯО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2.

²¹ См.: УФ ГАЯО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 197. Л. 96; и др.

²² См.: УФ ГАЯО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 27.

²³ См.: УФ ГАЯО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 116.

²⁴ См.: Педагогический вестник Московского учебного округа. 1914. № 1.

²⁵ См.: Дмитриев С.С. Очерки истории русской культуры начала XX века. М., 1985. С. 47; Хорошилова Л.Б. Женское образование и воспитание // Очерки русской культуры XIX века. М., 2001. Т. 3. С. 340; Фадеева Т.Ю. Средние учебные заведения в системе образования России во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах губерний Верхнего Поволжья). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2000. С. 24.

²⁶ Таблица 36 составлена по материалам: Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 8. С. 155 – 156. В данную таблицу не включены частные гимназии и прогимназии, которых в губернии в 1906 – 1908 гг. насчитывалось три.

²⁷ См.: Кандаурова Т.Н. Гимназии // Очерки русской культуры XIX века. М., 2001. Т. 3. С. 116.

²⁸ См.: История Ярославского края с древнейших времён до конца 20-х гг. XX века. С. 219 – 220.

²⁹ См.: УФ ГАЯО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 9, 10.

³⁰ См.: УФ ГАЯО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 116.

³¹ См.: Хорошилова Л.Б. Женское образование и воспитание // Очерки русской культуры XIX века. М., 2001. Т. 3. С. 359; Велский (Великопольский) А. [А.] Записки педагога. [СПб., 1909]. С. 35; и др.

³² См.: Обзор Ярославской губернии за 1904 год. Ярославль, 1905. Приложение. Ведомость № 7.

³³ Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 8. С. 169.

³⁴ Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 8. С. 176.

³⁵ УФ ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 78. Л. 15.

-
- ³⁶ См.: УФ ГАЯО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 10. Л. 1; и др.
- ³⁷ См.: УФ ГАЯО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 10. Л. 1 – 31; Д. 71. Л. 1 – 9.
- ³⁸ Например, в 1908 г. при женской гимназии было создано благотворительное общество для помощи ученицам (Путеводитель по Волге А. Бучинского // Угличский край. Углич, 1997).
- ³⁹ См.: УФ ГАЯО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 167. Л. 67; и др.
- ⁴⁰ См.: УФ ГАЯО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 197. Л. 68, 69, 74; Д. 203. Л. 88 – 94, 119; и др.
- ⁴¹ См.: История Ярославского края с древнейших времён до конца 20-х гг. XX века. Ярославль, 2000. С. 220.
- ⁴² Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 8. С. 168.
- ⁴³ См.: Дмитриев С.С. Очерки истории русской культуры начала XX века. М, 1985. С. 49.
- ⁴⁴ См.: УФ ГАЯО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 183. Л. 1, 14 – 15; и др.
- ⁴⁵ См.: УФ ГАЯО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 197. Л. 42, 47 – 53.
- ⁴⁶ См.: УФ ГАЯО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 197. Л. 76 – 77; Д. 203. Л. 119.
- ⁴⁷ См.: Волкова Т.И. Ярославское земство и развитие народного здравоохранения и образования в губернии (1865 – 1918 гг.). Ярославль, 1998. С. 69.
- ⁴⁸ См.: Педагогический вестник Московского учебного округа. Средняя и низшая школа. 1911. № 1. С. 48 – 53, 81 – 83; 1912. № 1. С. 89 – 90, 120 – 123.
- ⁴⁹ См.: Педагогический вестник Московского учебного округа. Средняя и низшая школа. 1914. № 1. С. 118 – 119.
- ⁵⁰ См.: УФ ГАЯО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 183. Л. 14 – 16, 98.
- ⁵¹ См.: УФ ГАЯО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 183. Л. 1 – 2.
- ⁵² См.: УФ ГАЯО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 183. Л. 8 – 9.
- ⁵³ См.: УФ ГАЯО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 183. Л. 11.
- ⁵⁴ См.: УФ ГАЯО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 183. Л. 154 – 155, 157; и др.
- ⁵⁵ См.: УФ ГАЯО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 183. Л. 168, 175, 187 – 188, 202, 206, 238 – 240, 259; и др.
- ⁵⁶ См.: УФ ГАЯО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 203. Л. 120.
- ⁵⁷ См.: История Ярославского края с древнейших времён до конца 20-х гг. XX века. Ярославль, 2000. С. 218.

В.А. Кохнович

Княгиня Ирина Ивановна Паскевич – меценат, просветительница, христианка

Широко известны имена российских предпринимателей и меценатов: Савва Тимофеевич Морозов, Иван Дмитриевич Сытин, Павел Михайлович Третьяков, Эммануэль Нобель, Николай Васильевич Верещагин, Савва Иванович Мамонтов и целая плеяда славных имен, которые, по сути, олицетворяли собой эпоху перемен и «новой» России второй половины XIX в. – начала XX в. Заметим, во-первых, что это в основном выходцы из купеческой среды, а, во-вторых, что довольно мало известно российской истории имен меценатов, предпринимателей из среды дворянства¹. Особенно это касается окраин империи, в том числе Западного края, где имелось многочисленное и довольно активное местное дворянство.

Одним из наиболее значительных помещиков русского (точнее: украинского) происхождения на территории современной Беларуси был генерал-фельдмаршал, наместник Царства Польского Иван Федорович Паскевич (1782–1856). Его сыну – светлейшему князю Федору Ивановичу

¹ © В.А.Кохнович, 2010

Паскевичу (1823–1903) – принадлежала обширная Гомельская вотчина с 260,9 тыс. десятин, которая охватывала всю южную половину Гомельского уезда Могилевской губернии². Князь Федор получил известность как основатель одного из самых передовых и успешных предприятий своего времени – Добрушской писчебумажной фабрики³. Однако не меньшее значение для истории Гомельщины имела подвижническая жизнь и обширная благотворительная деятельность супруги князя Ирины Ивановны Паскевич, урожденной Воронцовой-Дашковой.

Ирина Ивановна Воронцова-Дашкова (1835–1925) вышла замуж за единственного сына И.Ф. Паскевича-Эриванского Федора в 1853 г. Княгиня была широко и разносторонне образована, и дом четы Паскевичей на Английской набережной в Петербурге превратился в подлинный литературный салон. Ирина Ивановна организовала свой небольшой домашний театр, где часто играла сама. Известно, что у Федора Ивановича и Ирины Ивановны детей не было. Беларуский краевед Т.А. Пиховкина полагает, что именно это обстоятельство объясняет неистовую привязанность молодой княгини (на момент заключения брака ей было 17 лет) к литературному, особенно переводческому труду, а также устранимость от светской жизни и религиозность княгини⁴. Беларуский краевед А.Ф. Рогалев изначально придерживался подобного же взгляда, но дополнял, что причиной ситуации было поведение князя Федора – он считал брак формальностью, разъезжал по столицам, подолгу жил за границей и был совершенно безразличен к своим супружеским обязанностям⁵. Затем, однако, тем же автором доброе имя князя Федора Паскевича было «реабилитировано»: на основании свидетельств современников им было установлено, что князь не любил светской суеты и манерничанья, отличался бережливостью и хозяйственной рачительностью⁶. Следует сказать, что такой разнотой мнений в литературе объясняется неразработанностью данной проблематики в историографии, которая вообще невелика и насчитывает не более 3–4-х авторов.

Позволяет уточнить представление о чете Паскевичей переписка между Ириной Ивановной и Екатериной Андреевной Балашевой. Из письма княгини Паскевич от 3 апреля 1895 г. следует, что князь Федор Паскевич был деятельный промышленник и землевладелец⁷. Также нельзя сказать, что княгиню Паскевич устраивало «заточение» в Гомельском дворце: практически во всех письмах конца XIX в. к Балашевой она довольно подробно расспрашивала ее о событиях светской жизни Санкт-Петербурга, интересовалась новыми веяниями в моде, отмечала красоту и свою привязанность к Киеву⁸. Следует заметить, что Балашева отвечала своей собеседнице по переписке довольно вяло. Можно заключить, что именно позиция князя Паскевича была определяющей в уединенном образе жизни супругов. Вместе с тем, из тех же писем княгини Паскевич действительно видна ее религиозность.

Известно, что в 1860–1870-е гг. княгиня Паскевич активно занималась литературной деятельностью – переводила с русского и на русский язык, сама писала стихи, пьесы, рассказы. Особенно сильно она благоволила к творчеству Л.Н. Толстого. В частности, именно Ирина Ивановна первой перевела на французский язык произведения Толстого «Война и мир» и «Семейное счастье» и открыла тем самым выдающегося русского литератора мировому сообществу⁹. К широкой благотворительной деятельности, согласно А.Ф. Рогалеву, княгиня обратилась с 1880 г., когда чета Паскевичей переехала из Петербурга в Гомель и прочно обосновалась в своем владении¹⁰. Действительно, фамильный фонд Паскевичей в историческом архиве города Минска (ф. 3013), который содержит большей частью материалы по Гомельской вотчине, до конца 1880-х гг. практически не имеет документов о благотворительной деятельности собственников вотчины.

Внимание привлекает «Список пенсионеров Гомельского имения князя Паскевича», который датируется ноябрем 1885 – апрелем 1917 гг. и впервые привлекается в историографический оборот. Из него становится известным, что всего на пенсионном содержании у вотчины находилось за весь период более 110 человек или 25–30 человек ежегодно. Кроме того, что среди пенсионеров Гомельской вотчины были бывшие ее служащие (бухгалтер Василий Петрович Веренчиков, камердинер Григорий Иванович Руссайкин, др.), также являлись пенсионерами вотчины и некоторые посторонние лица: баронесса Франциска Фитингоф в годовом содержании в 600 руб., ряд вдов умерших бывших служащих вотчины (вдова утонувшего бывшего приказчика Богуславского фольварка Горбатова Аксины Давыдовны, вдова бывшего помощника садовника Музыченкова Ирина Григорьевна, вдова лесника Кичура Анисья, мн. др.). Всего на пенсионное содержание ежегодно вотчина употребляла (конец XIX в.) более 8,6 тыс. руб. или почти 160 руб. на пенсионера в год¹¹. В то же время по распоряжению князя от 1 июня 1899 г. создавался пенсионный капитал для лесной стражи: прослужившим 25 и более лет лесным объездчикам полагалась пенсия в 15 руб. в месяц, лесникам – 10; прослужившим 20 лет и более – 10 и 8 руб. соответственно; также по усмотрению князя относились к пенсионерам лица, которые получили увечья на службе в вотчине и не способные из-за того к труду; лица, достигшие 60-летнего возраста на службе, и вдовы служащих лесной стражи – они получали пенсию в 5 руб. в месяц¹². Сопоставляя с размерами действительного пенсионного содержания, можно заметить особое попечение о вдовах, что смело можно отнести на счет христианского радения княгини Паскевич. Кроме того, по 300 руб. в год уходило на пособие беднейшим ученикам Гомельской прогимназии, а также в течение 1885–1891 гг. Ф.И. Кузьмецкий получал по 240 руб. в год «на воспитание детей»¹³.

Известно, что на Добрушской фабрике князя Паскевича владельцем еще в 1880-е гг. был введен восьмичасовой рабочий день. Также при фабрике действовала бесплатная больница, имелись добротные общежития для рабочих. Однако только лишь при княгине Паскевич (унаследовала имение в августе 1903 г. после смерти мужа 16 июня 1903 г.) в Гомельской вотчине была учреждена сберегательно-вспомогательная касса служащих имения в июне 1905 г.¹⁴. Именно княгиня Паскевич учредила в Гомеле лазарет для лечения глазных болезней за счет Гомельской вотчины с персоналом в 12 человек¹⁵. Известно, что с 1857 г. по настоянию княгини Ирины князь Федор ежемесячно перечислял 10 руб. для женского училища в предместье Гомеля. Также на средства князя Паскевича содержался приют для девочек-сирот, получал щедрые пожертвования от князя детский приют городского попечительства и богадельня для старух в Гомеле. В 1898 г. на средства Паскевича в Гомеле была построена мужская гимназия, а в уезде были созданы четыре народные училища по 60 учеников каждое¹⁶. Было установлено, что именно княгиня Паскевич подарила городу в июне 1904 г. вместительный резервуар для артезианской воды на берегу р. Сож, водокачку и вспомогательные устройства которого обеспечивала электричеством княжеская электростанция в Гомельском замке¹⁷.

Документы свидетельствуют, что особенно щедрые суммы уходили на благотворительность у княгини Паскевич сразу вслед за вступлением ее в собственность Гомельского имения: в 1905–1906 хозяйственном году пособия учебным заведениям составляли 38612,2 руб., а в 1906–1907 г. – 5580,97 руб.; на содержание Федоровского детского приюта – 3502,47 и 3774,32 руб. соответственно; пожертвования и пособия – 87938,4 и 24762,62 руб. соответственно. Особенно примечательны они на фоне скромных личных расходов княгини Ирины Ивановны Паскевич: 6944,74 и 4188,97 руб. соответственно в 1905/1906 г. и 1906/1907 г.¹⁸. Сопоставляя с общей ежегодной суммой расходов в 208866,5 руб., получаем, что суммарно по трем вышеуказанным счетам проходило 62,3 и 16,3 % расходов, в то время как на личный счет княгини приходилось 3,3 и 2 %. В 1913/1914 г. личные расходы княгини составляли всего 1600 руб., в то же время на содержание школ употреблено было 3765 руб., на расходы по детскому летнему лагерю в Хоминковском фольварке – 4130, 51 руб., для борьбы с туберкулезом – 1000 руб., для колонии малолетних преступников – 13000 руб., на пенсии старухам и единовременные пособия вдовам – 1925,47 руб., на пасхальные раздачи милостыни – 117 руб., на дрова для бедняков – 2062 руб.¹⁹.

Известно, что в годы Первой мировой войны престарелая княгиня Паскевич устроила в своем дворце военный госпиталь и сама трудилась в нем. За эту самоотверженную деятельность княгиня удостоилось личной благодарности от императора. Очевидцы отмечали, что в последние годы Ирина Ивановна вела «почти монашеский образ жизни», была воплощен-

ем подлинного христианского служения для гомельчан²⁰. Однако, лишившись мужа, она не сумела в должной мере контролировать хозяйственную жизнь Гомельской вотчины. В 1906 г., например, сенопрессовальный и крахмальный заводы, что ранее приносили существенные доходы, а при княгине были переданы в арендное содержание, стали убыточными²¹. После смерти князя Ф.И. Паскевича городская дума и губернская казённая палата провели ревизию налогообложения и выявили значительные злоупотребления и махинации служащих вотчинной администрации²². Известно, вместе с тем, что служащие вотчины имели хорошее жалованье и дополнительное содержание. Очевидно, что удаленная от мирской суеты княгиня стала своеобразной заложницей вотчинной администрации ее владения. Это может служить в пользу введенного А.Ф. Рогалевым в историческую литературу факта, что вслед за установлением советской власти в Гомеле княгиня принесла ревкому дарственную на все свое имущество²³. Иные исследователи проблемы (Т.А. Пиховкина, главный хранитель фондов музея Гомельского дворца Румянцевых и Паскевичей Т.А. Шода) полагают, что имущество было просто национализировано²⁴. Как бы там ни было, благодарная память сохранила для потомков светлый образ самоотверженной княгини-христианки (горожане называли ее «наша Иринushка»). Умерла княгиня, как было установлено А.Ф. Рогалевым, от воспаления легких 24 апреля 1925 г. в одиночестве, испытывая нужду и притеснения²⁵. Однако забвению она предана не была. В 2000 г. на месте предполагаемого захоронения княгини Ирины Ивановны Паскевич возле собора Петра и Павла в парке Гомельского дворца в память ее был установлен памятник, а также мемориальная доска на здании собора.

¹ Курков, К.Н. Дворяне-предприниматели в России начала XX века / К.Н. Курков // Вопросы истории. 2006. № 5. С. 104–115.

² Поземельные ведомости, находящихся в наделах крестьян, под фермами, лесом, монастырями и по всем имениям кн. Паскевича. 1871–1872 гг. // НИАБ (Минск) (Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске). Ф. 3013. Оп. 1. Д. 720. Л. 23 об.–24

³ Киштымов, Андрей. Первый белорусский топ-менеджер / Андрей Киштымов // Лидер. – 2003. – № 3. – С. 43–45; Киштымов, Андрей. Экономический потенциал Полесья в начале XX века. / Андрей Киштымов // Загароддзе–3: матэрыялы навукова-краязнаўчай канферэнцыі «Палессе ў XX ст.», 1–4 чэрвеня 2000 г., Беласток / уклад. і агульн. рэд. Ф.Д. Клімчука, А. Энгелькінг, В.А. Лабачэўскай. Мн.: Тэхналогія, 2001. С. 114–120.

⁴ Пиховкина, Т.А. Графиня Ирина Ивановна Паскевич-Эриванская, светлейшая княгиня Варшавская, рожденная Воронцова-Дашкова / Т.А. Пиховкина; Серия «Гомель: история и современность». Гомель: [б. изд-ва], 2002. С. 13–14.

⁵ Рогалев, А.Ф. От Гоминюка до Гомеля. Городская старина в фактах, именах, лицах / А.Ф. Рогалев. 1-е изд. Гомель: Типогр. БелГУТа, 1993. С. 139.

⁶ Рогалев, А.Ф. От Гоминюка до Гомеля. Городская старина в фактах, именах, лицах / А.Ф. Рогалев. 2-е изд. Гомель: ОДО «Барк», 2006. С. 134.

⁷ Письма и телеграммы Паскевич Балашевой Екатерине Андреевне. 1895–1916 гг. // Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербург (РГИА). Ф. 892. Оп. 3. Д. 867. Л. 4–7.

⁸ РГИА. Ф. 892. Оп. 3. Д. 867. Л. 19–188.

⁹ Рогалев, А.Ф. От Гоминюка до Гомеля. Городская старина в фактах, именах, лицах / А.Ф. Рогалев. 2-е изд. Гомель: ОДО «Барк», 2006. С. 136.

-
- ¹⁰ Рогалев. А.Ф. От Гомиюка до Гомеля. Городская старина в фактах, именах, лицах / А.Ф. Рогалев. 2-е изд. Гомель: ОДО «Барк», 2006. С. 137.
- ¹¹ Список пенсионеров Гомельского имения кн. Паскевичей. 1905–1913 гг. // НИАБ (Минск). Ф. 3013. Оп. 1. Д. 2058. Л. 1, 4–13.
- ¹² НИАБ (Минск). Ф. 3013. Оп. 1. Д. 2058. Л. 12–12 об.
- ¹³ НИАБ (Минск). Ф. 3013. Оп. 1. Д. 2058. Л. 3 об.
- ¹⁴ Устав сберегательно-вспомогательной кассы служащих имения. 15 июня 1905 г. // НИАБ (Минск). – Ф. 3013. – Оп. 1. – Д. 2040. – Л. 1–3 об.
- ¹⁵ Материалы об организации и отчет о сберегательно-вспомогательной кассе для рабочих Добрушской писчебумажной фабрики за 1898–1899 гг. Жалоба министра финансов о неправильном налогообложении. 1905 г. // НИАБ (Минск). Ф. 3013. Оп. 1. Д. 2041. Л. 1, 29.
- ¹⁶ Пиховкина, Т.А. Графиня Ирина Ивановна Паскевич-Эриванская... С. 15-23; Рогалев. А.Ф. От Гомиюка до Гомеля. Городская старина в фактах... С. 134.
- ¹⁷ Дело о передаче княгиней Паскевич резервуара для артезианской воды. 1904 г. // НИАБ (Минск). Ф. 3013. Оп. 1. Д. 2006. Л. 1–4.
- ¹⁸ Сметы расходов по Добрушскому лесопильному заводу, на строительство и ремонт построек, поземельные ведомости лесных участков. 1903–1910 гг. // НИАБ (Минск). Ф. 3013. Оп. 1. Д. 1961. Л. 133.
- ¹⁹ Отчет по Гомельскому замку на 1913/1914 г. // НИАБ (Минск). Ф. 3013. Оп. 1. Д. 2415. Л. 1–28.2–28.
- ²⁰ Пиховкина, Т.А. Графиня Ирина Ивановна Паскевич-Эриванская... С. 25.
- ²¹ Финансовый отчет по Гомельскому имению за 1905–1907 гг. // НИАБ (Минск). Ф. 3013. Оп. 1. Д. 2119. Л. 7 об.
- ²² НИАБ (Минск). – Ф. 3013. – Оп. 1. – Д. 2041. – Л. 39–60.
- ²³ Рогалев. А.Ф. От Гомиюка до Гомеля. Городская старина... С. 140.
- ²⁴ Пиховкина, Т.А. Графиня Ирина Ивановна Паскевич-Эриванская... С. 25.
- ²⁵ Рогалев. А.Ф. От Гомиюка до Гомеля. Городская старина... С. 140.

РАЗДЕЛ IV. СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ОПЫТ И УРОКИ

В.Р. Веселов

Октябрь 1917 года: возвращение к теме.

Восприятие великих исторических событий не остаётся неизменным в обществе. Каждое поколение осмысливает их по-своему, акцентируя внимание на тех или иных аспектах, деталях, принося новое толкование спорных вопросов. Процесс этот не прост, диалектичен. С одной стороны, большое видится на расстоянии, что позволяет, не отвлекаясь на второстепенные, мелкие черты, стёртые временем, увидеть и познать сущностные характеристики общественных явлений. В то же время картины прошлого часто искажаются в свете идеологических постулатов, политических технологий, классовых интересов, характерных для общества на том или ином этапе его развития. В частности, сегодня отчётливо видно стремление господствующей элиты отодвинуть события Октября 1917 года на задворки истории, противопоставить им иные исторические даты. Понятен идеологический подтекст подобного подхода: доказать ошибочность социалистического выбора, сделанного в те дни народными массами, предостеречь от опасности «нового передела».

Вместе с тем, на крутом развороте истории, нынешнее поколение получило уникальную возможность узнать о капитализме не из старых советских учебников, а увидеть его в неприглядной реальности и циничном натурализме. Разрушение СССР, массовое обнищание, рост преступности, факты работорговли и средневекового невежества, падение международного престижа страны – эти и другие реалии времени объективно способствуют актуализации феномена Октября, осознание его роли и места в российской, да и в мировой истории.

Для простого человека, не обременённого заботами о покупке живописного острова где-нибудь в Атлантике, яснее становится гуманистический пафос революции, провозгласившей права граждан на бесплатное образование и охрану здоровья, социальное благополучие и всестороннее развитие личности, защиту и реализацию которых взяло на себя советское государство. Не всё из задуманного удалось осуществить. Социальная практика, суровые жизненные реалии оказались намного сложнее, противоречивей, чем первоначальные замыслы и высокие мечты. Экономическая разруха, массовая неграмотность, враждебное капиталистическое окружение, трагические последствия гражданской войны существенно усложняли

претворение в жизнь гуманистических идеалов революции. Романтика революционных устремлений всё чаще уступала место жёсткому практицизму. Благие намерения нередко в атмосфере классовой борьбы давали деформированные, искажённые результаты. Грубейшие нарушения социалистической законности, стремление к политической монополии, идеологическому диктату, неиспользование возможностей для общественных компромиссов наносили колоссальный вред делу Октября, снижали авторитет многих начинаний, гасили их жизнотворческую энергию.

Однако, если смотреть на советскую историю не сквозь глазок тюремной камеры, не взглядом сбежавшего за «бугор» диссидента, а с высоты двадцать первого столетия и с позиций гражданина, не безучастного к судьбе своего Отечества, то трудно не увидеть грандиозную панораму строительства новой жизни, трудового энтузиазма и устремлённости в будущее народа, преодолевшего разруху, отсталость, поднявшегося на вершины мировой культуры и снискавшего уважение к себе человеческого сообщества. Победа над фашизмом, чумой 20 века, обеспечило советскому народу глубокую признательность мировой общественности, всех честных людей планеты. В те годы мало кто сомневался в нерасторжимой связи двух великих исторических дат: 9 мая 1945 года и 7 ноября 1917 года. Идеи Октября выдержали испытания в суровые годы войны, стали мощным источником великой победы, способствующей в свою очередь создания мировой системы социализма, активизации революционного движения в мире.

Кризис советской системы, а затем разрушение СССР, распад социалистического лагеря вовсе не означают ошибочность выбранного в 1917 году исторического пути, некую предопределённость отката общественного сознания от революционных идеалов. Однако, кардинальные изменения в жизни российского общества не могут быть объяснены лишь случайными и субъективными причинами, «происками» враждебных сил. Есть основание предположить, что отдельные детали «взрывного устройства» были заложены внутри самой советской системы и, может быть, с самого её начала. Если принять данную гипотезу, то неизбежна переоценка ряда устоявшихся подходов к генезису советской власти, её природе и эволюции.

Интересы современного человека уже не могут быть полностью удовлетворены советской историографией Октября, её трактовкой событий начала двадцатого столетия. При всей фундаментальности работ советского периода (достаточно вспомнить, например, исследовательскую основательность трёхтомной монографии академика И.И. Минца «История Великого Октября», коллективные труды института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, материалы всесоюзных и международных научных конференций, симпозиумов, многочисленные региональные и другие издания) они несут в себе в той или иной степени печать своей эпохи, идеологические

клише и делают акцент на позитивных аспектах революции, её триумфе, оставляя зачастую в тени многие противоречия и деформации революционного времени.¹ К подобного рода клише можно отнести аксиоматические тезисы тех лет о неизбежности скорого краха капиталистической системы, повторения другими народами основных черт Октябрьской революции, открывшей столбовую дорогу, по которой обязательно пойдёт «всё остальное человечество» и т. д.

Сегодня мы имеем возможность ознакомиться с ранее недоступными нам историческими источниками, свидетельствами тех, кто стоял по разные стороны баррикад и, естественно, давал свою трактовку событиям 1917 года.

Если поэт Александр Блок призывал «всем сердцем, всем сознанием слушать музыку революции» и готов был разглядеть в её разрушительном урагане Всевышнего «в белом венчике из роз», то Иван Бунин, будущий нобелевский лауреат, назвал Октябрьские дни «окаянными» и увидел в них уродливое, асимметричное лицо восставшей черни, «простонародья».² Фундаментальная «История русской смуты» Антона Ивановича Деникина, боевого офицера русской армии, а затем активного участника Белого движения, не вписывается в клише «антисоветской литературы», ибо в ней наряду с классовой направленностью и субъективными суждениями содержится немало точных и метких наблюдений современника, глубоко переживающего за судьбу Отечества. Вряд ли продуктивно игнорировать сегодня видение октябрьских событий, запечатлённое, например, в воспоминаниях монархиста В. Шульгина, присутствующего при отречении царя от престола, в работах профессора истории, лидера кадетской партии П. Милюкова.³ Зачисление подобных документальных свидетельств навечно в чёрный список «хулителей революции» граничит с проявлением неуважительного отношения к истории своего народа, одностороннего, стереотипного взгляда на события прошлого, а значит и недостаточно выверенной их оценкой.

Казалось бы, настало время для объективного, всестороннего взгляда на события прошлого, не обременённого узко партийными пристрастиями, идеологическими интересами и направленного на воссоздание реальной панорамы былого, извлечение уроков истории. Однако, по-прежнему, как и девяносто лет назад, в исторической литературе, публицистике, политических дебатах присутствуют в избытке односторонние оценки феномена Октября, колоссальный разброс мнений, полярно противоположных суждений и подходов.

В центре дискуссий остаются вопросы о причинах революции, её характере и результатах. Одиозные и явно устаревшие суждения о «большевистском заговоре», «случайности» Октября, германских деньгах, на которые В.И. Ленин и его сподвижники якобы «делали революцию», вряд ли заинтересуют сегодня серьёзного читателя. Литература подобного рода

рассчитана на недостаточно образованного обывателя.⁴ Для здравомыслящего человека совершенно очевидно, что поднять 150-и миллионную Россию на революцию не под силу одной партии, тем более отдельным личностям, какими бы выдающимися качествами они не обладали. Для революционного катаклизма, потрясшего до основания все сферы общественной жизни страны, необходимы были глубинные, внутренние нарастающие процессы и социальное напряжение. Такой подход к проблеме характерен для многих современных историков, социологов, философов, в том числе А. Бузгалина, В. Булдакова, Я. Гордина, Г. Зюганова, М. Воейкова, С. Кара-Мурзы, А. Кол-чанова, Б. Славина, Т. Шанина и др.⁵ По многим вопросам истории Октября у этих авторов имеются различные взгляды и оценки. Однако, для серьёзных учёных очевидна несостоятельность тезиса о «случайности» события всемирно-исторического масштаба. На глубокие социальные корни русской революции обратили внимание и зарубежные исследователи Б. Рассел, Э. Людвиг, С. Коэн, Д. Боффа, Э. Карр и др.

Русский мыслитель Николай Александрович Бердяев был далеко не в восторге от событий 1917 года. Однако, он никогда, в том числе и после своего «выдворения» из Советской России, не сомневался в глубинном историческом подтексте революции. В своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма» философ указал на углубляющееся противостояние в российском обществе, начавшееся, по его мнению, с церковного раскола в 17 веке и всё более обостряющееся в контексте несовместимости православных принципов справедливости и торгашеской морали капитализма.⁶

Один из авторитетных современных историков И.Я. Фроянов истоки Октября 1917 года относит к петровским реформам 18 столетия, породившим социальную пропасть между дворянским сословием и трудовой массой населения.⁷ Указ о единонаследии от 23 марта 1714 года, устраняя различия между вотчиной и поместьями, уравнивал холопов и помещичьих крестьян и относил их к «подлому» сословию. Крепостные всё более превращались в рабов: их дарили, обменивали, продавали как скот.

Если обязательная служба дворян давала хотя бы минимальные объяснения для подчинения им крестьянской массы, то с опубликованием 18 февраля 1762 года Манифеста о вольности дворянства чудовищная несправедливость отношений между праздным сословием и его рабами приобретала откровенно бесстыдные формы. «По требованию исторической логики, – заметил по этому поводу с горькой иронией замечательный русский историк Василий Осипович Ключевский, – или общественной справедливости на другой день, 19 февраля, должна была последовать отмена крепостного права: она и последовала на другой день, только спустя 99 лет».⁸

К тому же, и спустя столетие, после отмены крепостного права социальная пропасть между верхами и низами не исчезла. В ходе реформы крестьяне потеряли пятую часть своей наделной земли. Русское крестьянство

разорялось, нищало и вступало в 20 век, накопив, по замечанию Владимира Ильича Ленина, «горы злобы и ненависти».⁹ Вопреки мнению апологетов столыпинских реформ курс на разрушение исторически сложившейся крестьянской общины, капитализацию деревни не только не привёл к социальной гармонии российское общество, а ещё более обострил его раскол. К ненависти против помещика добавилась неприязнь к кулаку-мироеду, на которого делалась столыпинская ставка. В одном из донесений в МВД России такая ситуация комментировалась следующим образом: «Один едет на пашню, а другой на него с топором».¹⁰

Прогремевшие друг за другом три революционных взрыва (1905 год, февраль и октябрь 1917 года) накапливались годами, столетиями. Считать их случайными может только крайне предубеждённый человек, игнорирующий элементарную логику. Необходимость революции, её содержание исчерпывались крестьянским вопросом. Она вызревала во всех сферах общественной жизни, в нарастающем рабочем движении, в противоречиях и кризисах экономики, культуры, национальных отношений, внешней политики, которая обострилась до предела в годы империалистической войны, ускорившей падение царского режима. К 1917 году все ключевые для бытия любого народа и государства сферы жизни, как справедливо отмечает Геннадий Андреевич Зюганов, либо «переживали тяжелейший кризис, либо были полностью разрушены».¹¹

В старой буржуазно-либеральной историографии было всегда модно противопоставлять Февральскую революцию «октябрьскому перевороту». Характерно это и для современного либерализма. Один из прорабов либеральной «перестройки», философствующий генерал Д. Волкогонов утверждал: «Если бы всё ограничилось демократическим февралём и он бы устоял, то, вероятнее всего, Россия сегодня была бы великим, демократическим, могучим, нераспавшимся государством».¹² Легко поменявший свои идеологические погоны генерал сознательно, конечно, игнорирует исторические факты несостоятельности политики Временного правительства, не решившего ни одного ключевого вопроса для страны: выход из войны, наделение крестьян землёй, сохранение государственной целостности и национального единства. Разваливалась армия, рушилась страна. Даже по сравнению с отрекшимся от престола Н. Романовым политический портрет демагога А. Керенского выглядел жалкой копией государственного деятеля.

Октябрь 1917 года стал для России была реальным шансом на национально-государственное самосохранение в обстановке военного, политического и экономического краха, территориального распада и полной недееспособности правящего буржуазно-помещичьего блока».¹³ Это не просто политическая формула, а констатация исторических реалий, которые нельзя не заметить, если смотреть на историю непредвзято. Идеальный противник большевизма Н.А. Бердяев вынужден был признать, что «рус-

ская коммунистическая революция» реализовала вековую мечту крестьян о «чёрном переделе», подняла народные слои, глубоко взрыла почву, определила «исключительный динамизм коммунизма».¹⁴

Не принимая огульную критику Октября, обличительные перепевы его недоброжелателей, нельзя впадать в другую крайность: видеть великие исторические события в «розовом свете», сквозь призму догматических клише, незамутнённых идеалов. Всякая великая революция – это не только триумф свободы и раскрепощения ранее угнетённых масс, но и стихийный взрыв, подобный цунами, трагедия раскола общества, ненависти, драматизм гражданской войны, проявление анархии, правового и морального беспредела. Рецидивы «пугачёвщины», русского бунта, по выражению А.С. Пушкина, «бессмысленного и беспощадного», объективно не могли не проявиться в накалённой атмосфере ожесточённой классовой борьбы. Как и Париж в годы Великой французской революции, так и Петроград и другие города России, не только видели алые знамёна и гвоздики и слышали мерную поступь красногвардейцев. Их улицы и площади были и ареной пьяных погромов, расстрелов без суда и следствия, грабежей. До сих пор леденит душу кровавая сцена «революционной» расправы над царской семьёй, в том числе над больным ребёнком. Она вряд ли могла состояться без санкции новых хозяев Кремля. Не увидеть в событиях гражданской войны трагедию русского народа могут, видимо, только его недоброжелатели или до предела ангажированные политические функционеры и демагоги.

В современной историографии Октября есть оригинальный пласт национально-патриотической литературы, в котором наряду с признанием высокой исторической значимости революции высказываются в её адрес и серьёзные упрёки. Известный публицист Вадим Кожин увидел в Октябрьских событиях столкновение двух противоположных решений: революция для России и Россия для революции. Первую он называл русской, народной, считая, что она высвободила от политических и экономических пут национальные силы. Вторая же, по его мнению, наоборот отрицала традиционную систему ценностей, используя народ «как своего рода вязанку хвороста», бросаемую в костёр мировой революции.¹⁵ Развивая эту мысль, И.Я. Фроянов вычленяет и третью составляющую Октября – революцию против России, связывая с ней мировую закулису, политическую «игру внешних сил, враждебных России».¹⁶

Можно, конечно, спорить с такой структурной классификацией векторов революции, но нетрудно заметить, что она выстроена не на пустом месте и ставит проблему дальнейшего углублённого и творческого исследования феномена Октября 1917 года в контексте всемирной истории. Особую значимость не только научную, но и социально практическую приобретает сегодня проблема исторических уроков русской революции, критического использования опыта прошлого в современной практике го-

сударственного строительства, в деле выработки оптимальной модели устойчивого и динамичного развития общества.

Первый урок Октября заключается, на мой взгляд, в понимании революции не в качестве волшебной палочки-выручалочки, доступного средства улучшить жизнь, а как трагической развязки неразрешимых противоречий общественного развития. Социальный переворот совершается там и тогда, где и когда общество поражено серьёзным и длительным недугом и необходимо сопряжённое с риском хирургическое вмешательство. Наполеону приписывают фразу о том, что все революции совершаются «на пустое брюхо». От хорошей жизни вряд ли многие пойдут на баррикады, возьмутся за булыжник и за более весомое оружие. Но дело не только в хлебе насущном. Революционные баррикады разводили людей не только по их уровню жизни, социальной принадлежности. Сын неграмотной казачки и волостного писаря Л. Корнилов стал основателем Белого движения, а потомок «столбового дворянина» В. Маяковский пел гимны революции. В. Ленин, как известно, тоже был из дворянского рода, а не из пролетариев.

Ещё в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс писал о том, что понимание исторической обречённости старого общества приведёт лучших представителей элиты в лагерь передового класса. Именно этот класс является, если продолжить нашу метафору, инициатором хирургического вмешательства в лечение больного общества.

Сегодня, к сожалению, в России нет пока ещё класса, социального слоя, который бы смог сыграть авангардную роль в прогрессивном развитии общества, в постановке диагноза его болезни, способа её лечения. Попытка переродившейся партийно-советской элиты в союзе с дельцами теневой экономики, с представителями компрадорской буржуазии, космополитической интеллигенции взять такую роль на себя в начале 90-х годов ушедшего от нас века закончилась национальным крахом. Подтвердилась старая истина: история совершается дважды, в начале – в высоком жанре трагедии, а затем – в виде фарса. Играть в революцию – затея не только опасная, но и преступная. Полезнее извлекать уроки из прошлого. До сих пор мы остаёмся не очень прилежными учениками истории, и наша «неуспеваемость», похоже, становится хронической.

Второй урок революции видится в том, что основную ответственность за неё несёт власть, которая довела общество до тяжёлой болезни и не предприняла эффективных мер по её лечению. Именно государственную власть называл главным виновником революции Пётр Струве, неутомимый борец с большевизмом и современник тех событий. Роль ленинской партии в революции он ставил, между прочим, на второй план. Сегодняшняя ностальгия определённых общественных кругов по Дому Романовых, попытки представить Николая Второго неким российским Гамлетом не

имеет ничего общего с реальными историческими свидетельствами его несостоятельности как руководителя великой Державы.

Отметим хотя бы такой факт, что прозвище «Кровавый» Николай Александрович получил уже за девять лет до Кровавого воскресенья (1905) после трагических событий на Ходынке во время его коронации. В тот день было задавлено и покалечено около трёх тысяч людей, пришедших получить «щедрые» царские подарки: кружку с вензелем, платочек и полфунта конфет. В своих воспоминаниях бывший премьер С.Ю. Витте писал, что современники тех событий, в том числе зарубежные гости, были шокированы поведением молодого царя, который вместо объявления национального траура устроил пышный бал, на котором невозмутимо танцевал с женой французского посла. С другой стороны, что мешало тому же сановнику и другим приближённым подсказать неопытному правителю верное решение. Режим прогнал насквозь. Кому-то это было выгодно. Зловещая тень Григория Распутина, ставшего «духовником» царской семьи, до сих пор витает над страной.

Современная государственная власть различных ветвей и уровней демонстрирует полное пренебрежение к урокам истории, прогрессирующую социальную глухоту к проблемам чудовищного неравенства в обществе, в котором жирующие олигархи покупают за морем футбольные клубы и виллы, а старикам-пенсионерам не всегда хватает на хлеб и воду. Вряд ли удостоится имени «народного заступника» тот, кто станет вновь призывать к революционному переделу. Вдвойне преступна глухота и спойствие власть держащих, допускающих раскол в обществе, обнищание народа, которого вновь подталкивают взяться за булыжник. Надо менять ситуацию.

Ещё один урок революции – ответственность всего общества за свою судьбу, исторический выбор. Эту ответственность нельзя перекладывать лишь на власть, политические партии, рвущиеся к власти, как это часто делалось и делается у нас. Здоровое общество не нуждается в революционных потрясениях. В нормальном обществе не будет массового доносительства, многотысячных демонстраций с призывом распять «врагов народа». Стремление списать грехи своего времени только на политических лидеров разных эпох от И. Грозного до Б. Ельцина, от И. Сталина до М. Горбачёва свидетельствуют не столько о критической переоценке бывших кумиров, сколько о снятии их современниками ответственности с самих себя. Народ не раз бросал камни в пророков и сгибался в поклонах перед ложными и недобрыми кумирами. За ошибки приходится платить нам и сегодня.

Уровень политической, духовно-нравственной культуры общества есть определяющий фактор обеспечения той или иной степени устойчивого и динамичного развития. За последние годы он значительно снизился. Через средства массовой информации идёт агрессивная волна антикульту-

ры, вестернизации, бездуховности, размывающая основы национального самосознания, нацеленная на всеобщую манипуляцию и разрушение личности. Одной из задач этой антикультурной диверсии является сознательная фальсификация отечественной истории, её дегероизация и очернение. Если во Франции каждая годовщина революции отмечается как национальный праздник, а «Марсельеза» стала государственным гимном, то нынешняя политическая элита России, претендующая на современные европейские стандарты, демонстрирует средневековые формы отлучения народа от его собственной истории, не прекращает попытки предать забвению или шельмованию одно из главных событий двадцатого столетия. Таким всемирно-историческим явлением был, есть и останется на долгие времена Октябрь 1917 года.

Рано или поздно с этим придётся смириться и тем, кто неуважительно относится к историческому прошлому. Всему своё время и сроки.

¹ См.: Минц И. История Великого Октября. Т. 1-3. М., 1978; Спирин Л. Россия 1917г. Из истории борьбы политических партий. М., 1987; История СССР в 12 т. Т.7, М., 1967; История КПСС в 6 т., Т. 1-2, М., 1970 и др.

² См.: Блок А. Интеллигенция и революция. // Я лучшей доли не искал. М., 1988; Бунин И. Окаянные дни. М., 1991 и др.

³ См.: Деникин, Юденич, Врангель. М., 1991; Милюков П. Революция глазами её руководителей. М., 1991; Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990 и др.

⁴ См.: Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет. М., 1997; Бунин И. Золото партии. Историческая хроника. СПб., 1992 и др.

⁵ См.: Альтернативы, 2007, № 1-3; Булдаков В. Историографические метаморфозы «Красного Октября» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996; Гордин Я. Меж рабством и свободой. Л. 1994; Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Кн. 1. М., 2002; Зюганов Г. Идти вперед. М., 2007; Шанин Т. Революция как момент истины. М., 1997 и др.

⁶ См.: Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

⁷ См.: Фроянов И. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). Спб., 1997.

⁸ См.: Ключевский В. Собр. Соч. М., 1990. Т.9. С. 299.

⁹ См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т.20. С. 20.

¹⁰ См.: Дубровский С. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С.553.

¹¹ См.: Зюганов Г. Идти вперед. М., 2007. С. 14.

¹² См.: Волкогонов Д. Семь вождей. М., 1996. Кн. 1. С. – 55.

¹³ Зюганов Г. Указ. соч. С. 14.

¹⁴ Бердяев Н. Указ. соч. С. 112.

¹⁵ См: Литературная газета. 1989. 15 марта.

¹⁶ Фроянов И. Указ. соч.. С.60 – 71

К характеристике советского заводского сообщества 1920-х гг.¹

Советское общество строилось по образу и подобию фабрики. Поэтому изучение дисциплинарного пространства советского предприятия, которое было средоточием социальной и политической жизни, определяло ее ритм и содержание, представляется актуальной историографической проблемой. Исследование такого исторического феномена, как «заводское сообщество», позволяет показать степень его автономии и характер взаимоотношений с государством, которое стремилось продолжать берущую свое начало с дореволюционных времен патерналистскую политику по отношению к рабочим коллективам.

В российской историографии сильна традиция, в рамках которой история была представлена как результат изолированных действий «верхов», тогда как умонастроения и особенности восприятия рядовых граждан оставались вне поля зрения историков. О действиях организованных структур государства мы знаем неизмеримо больше, чем о спонтанной координации усилий миллионов людей, их быте, мотивации, менталитете, интересах. Между тем, политика формировала повседневное поведение людей и восприятие ими бытовых проблем, добиваясь общественного согласия и лояльности. Причем власть воздействовала на общество не только через насилие, существовали динамичные взаимосвязи и взаимозависимости между ними, компромиссы и некие социальные договоры.

В изучении промышленной жизни периода нэпа в отечественной и зарубежной литературе можно выделить немало значимых достижений. Так, в работах С.В. Ярова о политическом сознании рабочих в послеоктябрьский период обращается внимание на переплетение бытового и политического в повседневной социальной практике. Исследователь на петроградском материале 1917–1923 гг. показывает, как люди становились частью нового политического режима, как приспосабливались к новым правилам социальной игры¹. Тщательному и глубокому анализу подвергаются партийно-государственная политика в сфере трудовых отношений, системы оплаты труда, мероприятия в социальной сфере. Изучается уровень жизни промышленных рабочих, законодательные и нормативные акты в области труда, трудовые конфликты (А.А. Ильюхов, Д.О. Чураков, Л.И. Бородкин и др.). В работах А.К. Соколова, В.С. Журавлева, Г.Р. Наумовой нашли отражение вопросы формирования особой психологической атмосферы в трудовых коллективах в 20-е гг., роли общественных и профсоюзных организаций, исторически сложившихся национальных традиций социально-трудовых отношений.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект 10-01-00407а)

² © С.Б. Ульянова, 2010

В плане постановки проблемы презентации власти в повседневных практиках в московской промышленности обращают на себя внимание работы В.С. Тяжелниковой². Политическая составляющая трудовых отношений хорошо показана Л.В. Борисовой на примере советской промышленности 1918—1924 гг.³ В плане применимости известного в истории повседневности постулата о групповом подчинении как инструменте подчинения политического интересны исследования А.Ю. Рожкова, А.А. Слезина и др. авторов о молодежи, ее культуре, жизненном мире и системе ценностных ориентаций. Они показывают, как формирование на предприятиях комсомольских ячеек и пионерских отрядов приводило к сильной зависимости между политической активностью, лояльностью молодежи и индивидуальными социальными перспективами.

Для зарубежной историографии также характерно разнообразие исследовательских сюжетов. Так, С. Коткин создал картину советской повседневности, освещающую способы вовлечения рядовых обывателей в систему – при помощи культурных, психологических и собственно политических механизмов. Исследователь выявляет преобладавшие в 20-е гг. способы понимания и анализа проблем труда, трудового процесса; реконструирует восприятие современниками таких проблем, как производительность труда, трудовая дисциплина и трудоспособность, социальное происхождение и политическая лояльность⁴.

К. Уорд, анализируя события на цеховом уровне в хлопковой промышленности, сумел показать взаимосвязь между партийно-государственной политикой в промышленности и настроениями рабочих⁵. Немецкие исследователи – А. Людтке, Х. Медик и др. – центром своих изысканий сделали «человека в труде и вне его». В частности, именно А. Людтке ввел в историографию понятие «заводское сообщество» (*Werkgemeinschaft*), отметив на материалах немецкой рабочей истории, что рабочие не просто трудились в одном и том же помещении, взаимодействуя от случая к случаю, но и фактически жили вместе в тесном ежечасном контакте⁶.

В то же время практически неизученными остаются стратегии соперничества и сотрудничества между заводским сообществом и властью, границы подчинения и формы неформального сопротивления работников навязываемой им политике; проблема внутренней стратификации промышленного сообщества как способа его подчинения власти, внутренние конфликты в пространстве фабрики; политический и социальный контроль в дисциплинарном пространстве предприятия; проблема устойчивости традиционной цеховой культуры в условиях индустриальной модернизации и др.

Вопреки сторонникам тоталитарной школы, рабочий класс в СССР никогда не был пассивным объектом большевистской политики. У «слабых» было свое оружие. Они умели говорить на языке власти и договари-

ваться с нею. Они могли следовать политике, диктуемой сверху, пользоваться лозунгами официальной пропаганды в своих интересах или игнорировать ее. Изучение повседневной жизни советских предприятий показывает, что даже в самые трудные годы рабочие успешно сопротивлялись давлению власти, представленной на уровне предприятия структурами администрации и общественных организаций.

Г. Горцка приводит ряд красноречивых фактов о том, что политические власти не могли найти правильный подход к массам. Они не занимались повседневными вопросами и, недооценивая умственный уровень рабочих и их интересы, предлагали им только лозунги⁷. Рабочие были не идеальны, слишком эгоистичны, в глазах власти. В 1928 г. А. Угаров сетовал, «насколько далеко отстоим мы от такого положения вещей, когда самый отсталый рабочий и работница будут вникать во все мелочи производства, болеть за них душою и сознавать себя подлинными строителями социализма»⁸.

Когда декларируемые цели, нормы и ценности жизни не подкрепляются реальностью, определенные слои перестают в них верить. Вместо ориентации на общественные нормы, ценности и смыслы люди начинают жить индивидуальными или узкогрупповыми, корпоративными интересами. Возникают иждивенческие, потребительские настроения⁹. Разочарование в коммунистических посулах, утрата ясных политических ориентиров вынуждали рабочих в 20-е гг. сосредоточиться на своей частной жизни. После объявления новой экономической политики среди представителей индустриального пролетариата получило распространение так называемое «шкурничество», усилились обывательские устремления к удовлетворению личных потребностей, решению бытовых проблем любыми способами. Утвердившийся в головах рабочих вывод, что власть – не рабочая, поворачивал их обладателей на проторенную дорожку привычек и ухваток наемного работника в «чужом» хозяйстве.

«Несун», «бюллетеньщик», рвач, хулиган – типичные фигуры промышленной повседневности 20-х гг. Их можно рассматривать и как отражение сложных процессов адаптации заводского сообщества к политике, и как формы сопротивления «слабых».

Хищения на фабриках и заводах были обычным делом и до, и после революции. Переход к новой экономической политике не избавил работников от пагубной привычки обкрадывать свое предприятие. Так, в 1921 г. в Гусь-Хрустальном рабочие на общем собрании решили не воровать, пока их делегаты ездят в Москву. За эти две недели выпуск мануфактуры увеличился на 200%. Получается, что за ворота фабрики выносилось 2/3 продукции¹⁰. Подобные случаи далеко не единичны. На Невской Ниточной фабрике в Петрограде 2 февраля 1922 г. была проведена облава на несунув, и захваченные с поличным были уволены. Таковых оказалась большая

часть работниц! В результате в работе фабрики во второй половине месяца возникли перебои из-за недостатка персонала¹¹.

В печати на протяжении 20-х гг. сообщения о мелких кражах на предприятиях мелькают довольно часто. По спокойному, будничному тону заметок (рабочий пойман при попытке вынести пряжу, в мастерских постоянно пропадают ремни, из заводоуправления исчезли стенные часы, из инструментальной таскают резцы и т.д.) видно, что это воспринималось как нечто обычное, просто мелочи заводского быта, такие же, как простои, прогулы и т.п.

Несомненно, первый фактор, толкавший рабочих на воровство, — их тяжелое материальное положение. Однако не только стремление залатать прореху в семейном бюджете стимулировало мелкие хищения. В 20-е гг. уже практически завершился процесс отчуждения собственности от собственника, массы не воспринимали государственное имущество как «свое». «Хозяином» стал директор, проводивший, по мнению рабочих, ту же политику, что и при царе. Разрыв между разбуженными революцией надеждами на достижение справедливости и материального достатка и реалиями нэпа стал катализатором постоянного социального недовольства и отчасти, вероятно, провоцировал и морально оправдывал кражи с предприятий: если власть и администрация недодают нам положенного по справедливости, то взять самим какую-то толику не грешно.

Подстегивала воровство рабочих и нечистоплотность некоторых хозяйственных, профсоюзных работников. Растраты и хищения приобрели массовый характер — слишком много соблазнов породил нэп. Сплошь и рядом мелькают сообщения о пропитых и прогулянных профсоюзных взносах и средствах касс взаимопомощи. В 20-е гг. прошло несколько судебных процессов по делам о крупных хищениях в трестах. И, как точно подметил К.И. Чуковский, «русский растратчик знает, что чуть у него казенные деньги, значит, нужно сию же минуту мчаться в поганый кабаk, наливаться до рвоты вином, целовать накрашенных полуграмотных дур, — и, насладившись таким убогим и бездарным “счастьем”, попадаться в лапы скучнейших следователей, судей, прокуроров. О, какая скука, какая безвыходность! И всего замечательнее, что все не-растратчики, сидящие на скамьях для публики, тоже мечтают именно о таком “счастье”»¹².

Способствовали распространению мелких хищений и общая атмосфера падения трудовой дисциплины, и отсутствие сколько-нибудь удовлетворительного учета материалов и оборудования на предприятиях. Чтобы справиться с несудами, руководители предприятий вспомнили дореволюционную практику обысков (кстати, в 20-е гг. рабочие, как правило, протестовали не против обысков как таковых, а против «несправедливости» при их проведении — грубости, освобождении от процедуры коммунистов, профсоюзных активистов и т.п.). Административные меры сопровождались соответствующими пропагандистскими усилиями. Устраива-

лись показательные суды, случаи воровства обсуждались на рабочих собраниях. В газетах открывались рубрики «На борьбу с хищениями заводского имущества», «К суровому суду — расхитителей заводского имущества!» и т.п. В них публиковались рабочие предложения по борьбе с «несунами». Но они сводились все к тому же — проведению обысков, исключению из профсоюза, увольнению.

Как показала на материалах союза печатников Д. Конкер, на протяжении 20-х гг. стандарты «пролетарского поведения» постепенно размывались¹³. Известный ученый-металлург В.Е. Грум-Гржимайло в 1924 г. писал, что заводской народ отвык от работы¹⁴. Рабочие все чаще доступными им способами сопротивлялись объявленной властью политике опережающего роста производительности труда по отношению к заработной плате. Одним из таких способов было использование возможностей, предоставляемых системой социального страхования. Участились случаи пьянства, симуляции, прогулов и пр. Возник даже особый термин — «бюллетеньчество»¹⁵. Как говорили рабочие, «прогульщики действительно имеются, это плохо, но нужно принять во внимание, что железо и то снашивается, а рабочий тем более»¹⁶.

Хозяйственные и профсоюзные работники во второй половине 1924 г. в связи с объявленной кампанией по повышению производительности труда обрушились с критикой на «бюллетеньщиков», считая, что «врачи очень либеральничают с рабочими»¹⁷. С прогулами по болезни боролись административными мерами: на треть уменьшилось пособие соцстраха, ужесточалась выдача увольнительных записок и бюллетеней и т.п. Кроме того, и рабочие, и врачи, «злоупотреблявшие» бюллетенями, подвергались психологическому прессингу.

Однако вполне уместен вопрос о том, что приводило к росту бюллетеней в годы нэпа? Приведем один пример. 27 августа 1925 г. около часа дня на Петроградской табачной фабрике им. Урицкого работницы-табачницы одна за другой начали падать в обморок. В цехах началась истерика. Кто-то закричал об отравляющих газах. Паника продолжалась почти полтора часа. Заболевших оказалось около 140 человек. Одну табачницу пришлось отправить в больницу. Фабричный врач диагностировал массовый психоз. Оказалось, что подобные инциденты случались на фабрике и в 1923, и в 1924 гг. Происшествие на фабрике заставило городские власти обратить внимание на условия труда в табачной промышленности. Информацию об этом собирало и Ленинградское ГПУ, и прокуратура Василеостровского района. Выяснилось, что все началось с того, что одна работница получила отказ перевести ее на другую, более высокооплачиваемую, работу и упала в обморок. За ней стали падать другие. Заключение прокурорской проверки сводилось к тому, что такая массовая истерика была связана с условиями табачного производства¹⁸. Это объяснение уст-

роило всех, так как тяжелые условия труда в промышленности рассматривались как временная неизбежность.

Интенсивно трудиться рабочим приходилось в обстановке крайней антисанитарии и тесноты производственных помещений, что при дефиците калорийности питания и отсутствия полноценного отдыха вне фабрики способствовало росту заболеваемости. Вот как описывалось в литературе сортировочное отделение текстильной фабрики: «В воздухе носится мелкая пыль, которая тенетами спускается с потолка, иногда хлопьями падает оттуда на пол. Она серой пеленой покрывает стены, окна, машины и одежду рабочих, несмотря на сильно действующие вытяжные трубы»¹⁹. Согласно отчетам санитарной инспекции, на каждые 100 обследованных предприятий Петроградской промышленности в 1923 г. приходилось недостатков: 41,1 – в вентиляции, 22,7 – освещения, 20 – отопления и т.д.²⁰

В связи с тяжелыми условиями труда крайне актуальным вопросом была борьба с профессиональными заболеваниями, в частности, с туберкулезом, которым страдало от 25 до 58 % рабочих, малокровием и др. Разумеется, свою лепту в статистику бюллетеней добавляло и пьянство рабочих.

Снижение производительности труда, увеличение текучести рабочей силы и усиление забастовочной и протестной активности означали рост недовольства рабочих. На многих предприятиях в 20-е гг. прекращение работ то в одном, то в другом цехе, было явлением постоянным. Из-за низких зарплат наблюдался уход с заводов высококвалифицированных рабочих. В связи с введением с 1924 г. в текстильной промышленности трех- и четырехсторонки отмечались различные формы рабочего протеста: на текстильной фабрике «Рольма» (Ярославль) рабочие пускали станки вхолостую, а когда их спрашивали, зачем это делают, отвечали, что так они поднимают производительность труда. Рабочие срывали собрания, угрожали начальству и партийным / профсоюзным активистам²¹. В ответ власти заговорили о росте рваческих настроений среди рабочих.

Рвачество можно считать одной из форм рабочего активизма. Так, в докладе парторганизатора ленинградской фабрики им. Зиновьева по поводу кампании режима экономии (май 1926 г.) говорилось: «Единственно своевременными были меры одной ячейки, когда перед праздником 1 Мая возник вопрос о том, чтобы за счет Майских праздников произвести ремонт машин и установку новых усовершенствований, где рабочие взяли неверный курс на рвачество, в силу утроенной оплаты за праздничные дни, требуя по 2 руб. за час работы, что составляло излишний расход сумм, не покрывающий тех работ, которые должны были проводиться. В результате вмешалось Бюро К-ва. Экстренно решило принять иной путь и работы при содействии ячейки были выполнены в срок, с соблюдением всех принципов экономии, т.е. такая форма настроения есть форма стачки, стоило ей взять верх, мы терпели бы убыток в простое машин ежедневно в 5.000 пу-

дов»²². В этом случае видно и то, что рабочих старались «развести» на энтузиазм по случаю праздника и объявленной кампании. И то, что рабочие твердо стояли на страже своих корпоративных интересов. И то, что решать вопрос пришлось партийной организации, вероятно, путем мобилизации коммунистов.

Как говорилось в материалах комиссии СНК СССР по переходу на семичасовой рабочий день (1927 г.), «задача профсоюзов заключается в том, чтобы создать благоприятные условия для выработки новой трудовой культуры, которая заключается в способности интенсивно работать и в условиях новых рациональных трудовых привычек; удобных установок рабочего в производстве и культурного производственного поведения рабочего»²³. Эта задача так и не была выполнена. В годы первой пятилетки приток новых кадров, их текучесть, болезненный процесс адаптации новых рабочих к современному производству приводили к тому, что случаи пьянства, отлынивания от дела, порчи станков и оборудования, производственного травматизма стали более частыми.

Примечателен перечень нарушений трудовой дисциплины в утвержденной НКТ СССР 27 августа 1929 г. таблицы взысканий для промышленных предприятий: опоздание без уважительных причин; «хождение без дела, чтение газет и отвлечение от работы других работников»; самовольная отлучка из предприятия; прогул без уважительных причин; «производство без разрешения администрации работ не для нужд предприятия»; сон в рабочее время; появление на предприятии или выполнение работ в нетрезвом виде, принос и распитие спиртных напитков, а также драка; азартные игры; «неисполнение законных распоряжений лица, которому работник подчинен, или вышестоящего лица»; «угрозы и словесные оскорбления рабочими и служащими представителей администрации – рабочих и служащих»; «оскорбление действием или покушение на оскорбление действием рабочими и служащими представителей администрации – рабочих и служащих независимо от привлечения к уголовной ответственности»; невыполнение без уважительных причин установленных норм выработки; «утрата, а также передача другим лицам (в другие цеха или отделы) или унос с собой без разрешения администрации инструментов, приспособлений, материалов, изделий и т.п.»; «порча машин, станков, приспособлений, материалов, изделий или другого имущества, принадлежащего предприятию и доверенного ему» и др. В особый раздел проступков выделены были «недобросовестные и хулиганские поступки»: «озорные или хулиганские выходки, имевшие своим последствием порчу машин, станков или материалов, нарушение правильного хода работ или причинение какого-либо вреда другим работникам»; симуляция заболевания и др. Они сразу наказывались увольнением, минуя стадию выговора²⁴.

Наличие наказания за тот или иной проступок говорит о том, что сам проступок является распространенной практикой. Хулиганство стало би-

чом промышленной повседневной жизни. Помимо таких общих проявлений, как ругань, дебоширство, пристаивание к женщинам-работницам, на производстве возникли свои специфичные способы «похулиганить» (порча имущества, угрозы и избивание специалистов и пр.). А.Ю. Рожков приводит случай, когда рабочие-комсомольцы на одном из заводов с призывом «Бей мастера за расценки!» пытались бросить последнего в топку²⁵. Информационная сводка по Ленинградской губернии (15—22 ноября 1924 г.) отмечала, что на Монетном дворе хулиганствующая молодежь мешает другим работать, выбивая из рук инструмент или материал²⁶.

Основными хулиганами были молодые рабочие. Н.Б. Лебина отмечает, что, несмотря на попытки властей поглотить разрушительную энергию молодежи за счет общественной активности, полностью сделать это не удавалось²⁷. Юношеская психология отличается повышенной эмоциональностью, поступки – импульсивностью, взгляды и суждения – категоричностью. Как утверждает современная историография, молодой человек в годы нэпа переживал ряд серьезных социально-экономических проблем: рост безработицы и беспризорности, низкая оплата и нарушение норм охраны труда, классовый подход к получению образования, рост преступности и т.п. Реакцией становились гневливость, раздражительность, протестное поведение. Губительную роль в эскалации хулиганства 20-х гг. сыграла и беспризорность детей и подростков²⁸.

Как показала К. Кур-Королев, с конца 20-х гг. началась реализация молодежной концепции советского режима, в которой доминирующими оказались идеи контроля и дисциплинирования распустившегося подрастающего поколения, впрочем, применявшиеся гибко и разнообразно²⁹. В начале 1929 г. началась кампания по разворачиванию в стране массового социалистического соревнования. Нет сомнения, что руководству удалось заразить духом соревнования значительную часть молодежи (на I съезде ударных бригад более 30 % участников составляли лица до 22 лет³⁰). Власть умело использовала юношеский максимализм, здоровое соперничество, стремление выделиться и пр. Соревнование и ударничество, наряду с рабкоровским движением и деятельностью «легкой кавалерии», канализировали молодежную агрессию на производстве.

Изучение промышленной повседневности 20-х гг. показывает, что не стоит недооценивать значимость мелкого ежедневного сопротивления заводского сообщества навязываемой сверху политике. По отдельности уход с собраний, текучка, отказ от обеденных перерывов и еда на рабочем месте, мелкое воровство пресекались с помощью административных мер довольно эффективно, но, взятые в совокупности, они превращались в систему, с которой власть не могла не считаться.

¹ Яров С.В. Конформизм в Советской России. СПб., 2006.

- ² См., напр.: Тяжелникова В.С. Ленинский призыв 1924—1925 годов: новые люди, новые модели политического поведения // Социальная история. Ежегодник. 2008. СПб., 2009. С. 113—136.
- ³ Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России. М., 2006.
- ⁴ Коткин С. Говорить по-большевистски // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С. 250—328.
- ⁵ Ward C. Russia's Cotton Workers and the New Economic Policy. Cambridge, 1990.
- ⁶ Людтке А. Полиморфная синхронность: немецкие индустриальные рабочие и политика в повседневной жизни // Конец рабочей истории? М., 1996. С. 81.
- ⁷ Цит. по: Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009. С. 79.
- ⁸ Угаров А. Социалистическая рационализация и ее значение // Парработник. 1928. № 2. С. 6.
- ⁹ Ольшанский Д.В. Массовые настроения в политике. М., 1995. С. 115.
- ¹⁰ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 154.
- ¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 460. Л. 3.
- ¹² Чуковский К. Дневник. 1901-1929. М., 1991. С. 360.
- ¹³ Koenker D. Republic of Labor: Russian Printers and Soviet Socialism, 1918—1930. Ithaca, 2005. P. 297-298.
- ¹⁴ Минувшее. Исторический альманах. Т. 2. М., 1990. С. 294.
- ¹⁵ См.: Барышников К. Симуляция нетрудоспособности в связи с профессионально-бытовыми условиями // Вопросы труда. 1925. № 2. С. 140.
- ¹⁶ Протокол № 3 пленума коллектива ВКП(б) фабрики им. Зиновьева от 17 июня 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 93. Оп. 1. Д. 41. Л. 28.
- ¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 9. Д. 40. Л. 175.
- ¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 6117. Л. 99-100.
- ¹⁹ Лаврова А. Как живут и трудятся рабочие-текстильщики. М., 1926. С. 7.
- ²⁰ Горкин А. Оздоровление обстановки труда // Вестник профсоюзов. 1925. № 1. С. 53
- ²¹ Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России. М., 2006. С. 212, 214.
- ²² Доклад организатора коллектива фабрики им. Зиновьева о состоянии и работе коллектива ВКП(б) на 13 мая 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 93. Оп. 1. Д. 41. Л. 15—16.
- ²³ ГАРФ. Ф. Р-7058. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.
- ²⁴ Рабинович-Захарин С. Внутренний распорядок и дисциплина в предприятиях и учреждениях. М., 1930. С. 39—47.
- ²⁵ Рожков А.Ю. Молодой человек 20-х годов: протест и девиантное поведение // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 109.
- ²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 5. Д. 5907. Л. 21.
- ²⁷ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города. СПб., 1999. С. 62.
- ²⁸ Панин С. «Хозяин улиц городских». Хулиганство в Советской России в 1920-е годы // Вестник Евразии. 2003. № 4. Электрон. версия печ. публикации. — URL: http://www.eavest.ru/magasin/artikelen/2003-4_pan.htm.
- ²⁹ Kühr-Korolev C. «Gezähmte Helden». Die Formierung der Sowjetjugend 1917-1932. Essen, 2005. P. 324-330.
- ³⁰ Общество и власть: 1930-е годы. М., 1998. С. 15.

А.Е. Кидяров

Подавление ярославского мятежа 1918 г

Ярославский мятеж июля 1918 г. явился одним из крупнейших анти-советских выступлений начального периода Гражданской войны на территории России. Подготовка восстания в Ярославле была частью плана «Союза защиты Родины и свободы» по организации вооруженных выступлений против большевиков в городах Поволжья. Поднятый под непосредственным руководством полковника А.П. Перхурова мятеж продолжался с

6 по 21 июля 1918 г. Этому сюжету Гражданской войны посвящено немало исторических исследований. Однако изучение данного события на протяжении советского периода велось, исходя из определенных идеологических установок с опорой на ограниченный круг источников. Ярославское восстание рассматривалось в контексте концепции классовой борьбы, а жесточайшие меры, направленные на подавление мятежа, оправдывались необходимостью «сурово покарать наймитов англо-американского и французского империализма»¹. В новейшей историографии исследователи стремятся более объективно оценить ярославские события 1918 г., но при этом подчас наблюдается некоторая идеализация участников восстания. В настоящее время с учетом новых документов мы можем более объективно взглянуть на разгром ярославского мятежа 1918 г.

В Москве первые известия о вспыхнувшем в Ярославле восстании были получены рано утром в первый день мятежа. Сообщалось, что в ночь с 5 на 6 июля в Ярославле группой офицеров захвачена власть, арестованы и убиты многие советские и партийные работники, большевики и им сочувствующие, белыми произведена мобилизация населения, и вне власти восставших остались только железнодорожные станции Ярославль и Всполье, а также фабрика Ярославской мануфактуры². По указанию ЦК РКП(б) было предложено партийным, советским и военным органам городов, расположенных вблизи Ярославля, направить необходимые силы для разгрома восстания в Ярославле. На помощь ярославским красноармейцам начали прибывать рабочие и красноармейские отряды из Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска, Костромы, Буя, Галича, Данилова, Кинешмы, Любима, Романово-Борисоглебска, Ростова, Рыбинска и других городов и районов. В период с 6-го по 21 июля в район Ярославля и губернии прибыли 6-й и 8-й латышские полки, 2-й Московский Советский полк, затем еще два отряда из Москвы, Архангельский, Владимирский, Вологодский и Костромской отряды. Сюда же были направлены три бронепоезда, а также до 10 батарей артиллерии.

В ходе борьбы с восставшими были образованы два центра руководства боевыми действиями советских войск. Одним из них был штаб Северной группы, куда входили все советские отряды, двигавшиеся к Ярославлю с севера (Вологодский, Любимский, Буйский, Галичский, Даниловский). С этим штабом 13 июля установил связь костромской отряд. Командующим Северным Ярославским фронтом 11 июля 1918 г. был назначен А.И. Геккер. Вторым центром стал штаб красных войск, расположенный на станции Всполье. Он руководил военными действиями всех отрядов, прибывших в Ярославль и находившихся на правом берегу Волги. 14 июля на станцию Всполье прибыл Ю.С. Гузарский, который стал осуществлять непосредственное военное руководство на Южном Ярославском фронте³.

Для подкрепления Ярославского гарнизона, сражавшегося с восставшими, из Костромы был отправлен 1-й Советский полк под командованием Георгия Буриченко. В состав полка входили не только кадровые военные, но и рабочие завода Пло, печатники и текстильщики. Следует, однако, отметить, что часть рабочих согласилась на занятие боевых позиций только при условии материальной компенсации. «Рабочие боевые дружины Городского района, - отмечал комиссар Н.А. Филатов в своем докладе, - отказались занять посты и вообще служить без уплаты суточных денег». Собравшимся дружинникам Филатов заявил, что «если им нужна отдельная плата, то они могут ее получить в городе Ярославле у белогвардейцев, где платят по 50 руб. и более в день, а кто желает защищать революцию, тот должен сейчас же с плацдарма отправиться в казармы для несения службы <...> кто не согласится, сейчас же будут разоружены...»⁴. После повторного опроса среди рабочих отказавшихся не обнаружилось.

Документы свидетельствуют, что многие граждане были потрясены той стремительностью, с которой развивались события в Ярославле. Так, один из очевидцев приводит следующий эпизод. Член военно-революционного комитета М. Пантин обращался к ярославским рабочим с целью «разъяснить истинное положение вещей». После этого, в железнодорожных мастерских было расклеено объявление о том, что город находится на военном положении. При этом один из рабочих, глядя на это объявление, сказал: «Черт знает, что такое, что ни день, то власть, вчера большевики, сегодня утром Перхуров, а вот теперь Пантин. Надо призвать Пантина к порядку»⁵.

Ликвидация восстания сопровождалась применением артиллерии, бомбардировкой города. При этом, как отмечали очевидцы, у красных «почти совсем не было лиц, достаточно знакомых с управлением артиллерийскими орудиями. Все это и затрудняло ликвидацию восстания, и вызвало в достаточной степени беспорядочный обстрел города и тем [самым] излишние разрушения»⁶.

Необходимо отметить, что от огня артиллерии красных страдали и гибли, в том числе и семьи самих ярославских коммунистов, не говоря уже о мирных гражданах. Но, по утверждению комиссара И. Миронова, среди рабочих и красноармейцев не было ни ропота, ни упреков⁷. Тем не менее, обращение к документам позволяет увидеть неоднозначную картину. В воспоминаниях участников подавления мятежа есть упоминания о случаях, когда рядовые красноармейцы отказывались открывать огонь, опасаясь, что могут пострадать мирные жители. Так, начальник Новгородского отряда А.П. Поляков писал: «Я приказал открыть огонь, красноармейцы стрелять отказались, говоря, что там есть мирные граждане, я же, проверив наводку орудия и предварительно поговорив с красноармейцами, сам лично пустил 4 снаряда, после чего начали и красноармейцы обстреливать город»⁸.

Документы позволяют представить положение жителей города в ходе подавления мятежа. Население Ярославля постоянно беспокоили тревожные слухи: «Жители несколько раз собирались выбрать своих представителей и послать для переговоров, но попытки не увенчались успехом, говорили, что все равно расстреляют, что красные дали слово не оставить камня на камне от города, наконец, в последнюю ночь пронесся слух, что город будет взят штурмом красными и жители будут поголовно вырезаны...»⁹.

«Кроме страха жителям приходилось терпеть и голод, а в большей степени жажду – не было воды, – вспоминает очевидец событий мятежа Н. Бабин. – За водой бегали на далекие расстояния – на колодцы и на Волгу, рискуя жизнью, находясь под пулями. Многие погибли только за ведро воды. Население начинало роптать, не видя конца затеянному белыми делу, но последние успокаивали, что, дескать, мол, все скоро кончится, потому что подмога недалеко, – англичане должны прибыть, но это была уловка»¹⁰. Следует особо отметить, что в эти тяжелые дни городское самоуправление, организованное повстанцами, объявило сбор добровольных пожертвований для жителей, потерявших кров и имущество в результате интенсивного обстрела города красными¹¹.

Многие жители, лишившиеся крова и крайне напуганные, скрывались в подвалах или рыли земляные пещеры с целью укрытия. По воспоминаниям очевидцев, в продовольственных лавках выдавался хлеб и другие продукты (пшено, рыба, масло) по карточкам. «...мне пришлось вылезать из подвала и идти за хлебом на Б. Линию, где стояла очередь не в одну тысячу человек, – вспоминал А. Божевилов. – В лавках хлеба не хватало, приходилось стоять по два дня, и притом подвергаясь обстрелу из пролежавших снарядов и пуль, готовых убить каждую минуту»¹². При этом у горожан появилась тенденция к самоорганизации. Укрывавшиеся в подвалах домов жители выбирали старост, которые, рискуя жизнью, «ходили в очереди и получали под обстрелом продукты за день для всего подвала»¹³.

После того, как повстанцы были оттеснены от моста через Волгу и от водокачки, город лишился воды. Тушение пожаров, объявивших город, прекратилось. Подходы к Волге, альтернативному источнику водоснабжения были под контролем красных. Жителям города настолько не хватало воды, что они вынуждены были добывать ее в сточных канавах и лужах. Во вторую половину периода мятежа пошли дожди, ослабившие силу пожаров и давшие немного питьевой воды.

Многие жители, спасаясь от мощного обстрела, которому подвергался город, вынуждены были покинуть свои дома¹⁴. Более трети гражданского населения бежала из города и рассеялась в окрестных деревнях; многие скрывались в лесах¹⁵. «Напоследок значительная часть населения не выдержала дьявольской бомбардировки, – свидетельствовал очевидец. – Не выдержали нервы, не говоря уже о физической опасности. Тысячи се-

мейств, побросав дома и квартиры, под открытым небом разбили на берегу Волги какой-то исполинский табор цыган. Но это не был табор веселья и удалых песен, – это был табор голода, горя и слез...»¹⁶.

Со своей стороны красные обосновывали разрушение города необходимостью полного подавления мятежа. Как писал И. Миронов: «...всеми признавалась полная необходимость разгрома белоэсеров, хотя бы за счет полного уничтожения Ярославля»¹⁷. В действительности такая необходимость признавалась не всеми. Как следует из сохранившихся документов, не только противники, но и некоторые сторонники советской власти осознавали страшные последствия бомбардировки города красными. Так, в обращении в штаб Красной армии советских работников, заключенных под стражу штабом повстанцев содержатся призывы о прекращении огня: «Мы глубоко протестуем против борьбы, которая ведется. Никим образом вы не имеете права разрушать без необходимости и жечь жилища мирного, ни в чем решительно не повинного населения бедняков... Тактику Вашей борьбы мы считаем жестокой и ниже всякого человеческого достоинства»¹⁸.

Документы свидетельствуют о решимости красных любой ценой уничтожить восставших. «Белогвардейское восстание в Ярославле должно быть подавлено беспощадными мерами, – писал председатель Всероссийского бюро военных комиссаров К. Юренев. – Пленных расстреливать; ничто не должно останавливать или замедлять суровой кары народной – против известных поработителей. Террор применительно к местной буржуазии и ее прихвостням, поднимающим головы перед лицом приближающихся французских империалистов, [должен] быть беспощадным»¹⁹. Сохранилась запись разговора командующего красными войсками Ю. Гузарского с дежурным военно-оперативного отдела, передававшим приказ своего начальства: «Не присылайте пленных в Москву, так как это загромождает путь, расстреливайте всех на месте, не разбирая, кто он. В плен берите только для того, чтобы узнать об силах и организациях»²⁰.

После сдачи в плен сразу же началась расправа над повстанцами. Как пишет Р. Пайпс, «красногвардейцы выбрали из них примерно 350 человек, среди которых оказались офицеры, бывшие чиновники, состоятельные горожане и студенты, вывели их за город и расстреляли. Это была первая массовая казнь, осуществленная большевиками»²¹. Однако по оценке эмигрантского историка С.П. Мельгунова, практически без суда было расстреляно 428 человек, в большинстве своем местные офицеры, студенты, кадеты, лицеисты. Если учесть прорвавшихся из окружения (около 100) человек и погибших на позициях во время боев (около 600), то почти все участники восстания были убиты. В.Ж. Цветков пишет: «Сколько было убито во время беспощадных самосудов в первые часы после сдачи неизвестно. Число погибших во время варварских бомбардировок мирных жителей вообще не поддается учету»²². Различные источники называют число расстрелянных

пленных повстанцев только в период с 6 по 22 июля в пределах от 163 до 870 человек²³.

Разгром мятежа с точки зрения большевиков представлялся справедливой местью восставшим. М. Пантин писал: «На силу мы ответили и будем отвечать силой; нет больше холопствующих рабов, подставляющих ударяющему в правую, левую щеку. Они начали, а мы ответили»²⁴.

При этом расправе зачастую подвергались не только непосредственные участники восстания, но и те, кто лишь подозревался в соучастии. По воспоминаниям очевидца, «на вокзале творилось невообразимое, чудовищное. Мужчины с малейшим проблеском внешней интеллигентности сгонялись в одно стадо, а потом над этим стадом учинена была массовая бойня...»²⁵. «Кто был подозрителен, – свидетельствовал в своих воспоминаниях И. Костылев, – того отправляли на ж. д. насыпь для расплаты»²⁶.

Даже в официальной печати отмечались факты бессудной расправы над повстанцами в Ярославле. Так, газета «Рабочий край» писала о фактах немедленного расстрела арестованных белогвардейцев без суда²⁷.

Советские историки подчеркивали, что борьба с контрреволюционерами вызвала «патриотический подъем в народе»²⁸. Но необходимо отметить, что беспощадные меры, предпринятые большевиками с целью ликвидации мятежа, в действительности не всегда находили поддержку у населения. Об этом свидетельствуют, в частности, документы костромской ЧК. Из этих материалов следует, что часть граждан осуждала разрушение Ярославля красными. Так, арестованный костромской ЧК А. Бараш, родственники которого проживали в Ярославле, утверждал, что советская власть в ходе подавления мятежа занималась уничтожением города²⁹. За подобное высказывание он был обвинен в оскорблении советской власти и предан суду. Некоторые граждане открыто выражали одобрение действий повстанцев. Так, был арестован милиционер Г. Ильинский, который неоднократно «хвалил действия белогвардейцев», что вызывало возмущение его сослуживцев³⁰. Во время подавления ярославского восстания в Костроме возникали различные слухи, в том числе о том, что красные во взятом городе чинят над мятежниками жестокую расправу, граничащую со зверствами³¹.

При любом подходе к характеру ярославских событий июля 1918 г. следует осознавать, что главными жертвами борьбы «красных» и «белых» стали мирные граждане. Страшная трагедия стоит за скупыми строками документов: «При Ярославской Духовной Семинарии, в двух ее корпусах, в нижних их помещениях, нашли себе убежище до 800 погорельцев... в числе их немало детей; преимущественно это бедняки, лишившиеся последнего имущества. Положение многих из них критическое. ...у многих не было ни куска хлеба»³². Очевидец восстания Е. Лосинов писал: «Редкий каменный дом остался без отверстия от разорвавшегося снаряда и начиная с Монологской улицы и к Всполью начиналось сплошное поле выгоревших улиц с

торчащими трубами, среди которых бродили погорельцы. Число убитых точно выяснить не удалось, но должно быть велико, т.к. через две недели после мятежа еще находились колодцы с трупами»³³.

21 июля 1918 г. в Москву было передано сообщение о подавлении мятежа.

Таким образом, благодаря превосходству военных сил большевикам удалось подавить мятеж. Разгром ярославского мятежа продемонстрировал растущие силы Красной армии и готовность большевиков любой ценой сокрушить контрреволюционные выступления. ЦК РКП (б) предпринял энергичные и беспощадные меры для борьбы с повстанцами. Активную помощь оказали «красному» Ярославлю рабочие и красноармейцы Москвы, Петрограда, Рыбинска, Костромы и других городов. Подавление восстания сопровождалось уничтожением целых кварталов города и гибелью уникальных исторических памятников, а также многочисленными жертвами среди мирного населения.

Исторические документы, в том числе воспоминания очевидцев, свидетельствуют о тяжелых страданиях, перенесенных жителями Ярославля при подавлении восстания. Многие из них погибли во время бомбардировок и артиллерийского обстрела города, многие лишились крова. При разгроме мятежа расправе подвергались не только те, кто реально принимал участие в антисоветском выступлении, но и те, кто лишь казался подозрительным.

Трагедия, которой обернулись ярославские события для многих мирных жителей, убедительно свидетельствует о тех последствиях, к которым приводит применение насилия в политической борьбе.

¹ Амберова Т.М. Разгром контрреволюционного мятежа в Ярославле летом 1918г. Дисс.... канд. ист. наук. – Ярославль, 1952. – С. 238.

² Ярославское восстание. 1918. М., 2007. С. 67 – 68.

³ Ярославское восстание. 1918. М., 2007. С. 64 – 65.

⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 906. Оп. 1. Д. 17. Л. 50.

⁵ Филиал Государственного архива Ярославской области – Центр документации новейшей истории (ФГАЯО – ЦДНИ). Ф. 394. Оп. 1. Д. 63. Л. 66 об.

⁶ ФГАЯО – ЦДНИ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 75. Л. 22

⁷ ФГАЯО – ЦДНИ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 75. Л. 66.

⁸ ФГАЯО – ЦДНИ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 64. Л. 9.

⁹ Ярославское восстание. 1918. М., 2007. С. 487 – 490.

¹⁰ Там же. С. 491- 492.

¹¹ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф.Р. 3008. Оп. 2. Д. 232. Л. 60.

¹² ФГАЯО — ЦДНИ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 63.

¹³ Ярославское восстание. 1918. М., 2007. С. 489.

¹⁴ ФГАЯО — ЦДНИ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 70. Л. 6.

¹⁵ ФГАЯО — ЦДНИ. Ф. 394. Оп. 5. Д. 39. Л. 5.

¹⁶ Ярославское восстание. 1918. С.540.

¹⁷ ФГАЯО — ЦДНИ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 75. Л. 22

¹⁸ Ярославское восстание. 1918. С. 54.

¹⁹ Ярославское восстание. 1918. С. 134.

²⁰ Ярославское восстание. 1918. С. 15.

²¹ Пайпс Р. Русская революция. С. 368.

-
- ²² Цветков В. Восстание на ярославской земле. / Ярославское восстание. Июль 1918. С.12.
²³ Ярославское восстание. Июль 1918. С.22.
²⁴ ФГАЯО — ЦДНИ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 72. Л. 15.
²⁵ Ярославское восстание. 1918. С. 541.
²⁶ Там же. С. 491
²⁷ Рабочий край. 1918. 25 июля.
²⁸ Амберова Т.М. Участие трудящихся Ярославской и Костромской губерний в разгроме белогвардейского мятежа в Ярославле летом 1918 г. С. 68; Галкин В.А. Разгром белогвардейского мятежа в Ярославле в 1918 г. Ярославль, 1939. С. 63.
²⁹ Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф.Р. 3656. Оп. 3. Д.1. Л. 209.
³⁰ ГАНИКО. Ф. Р. – 3656. Оп. 3. Д.1. Л. 154.
³¹ ГАНИКО. Ф. Р. – 3656. Оп. 3. Д.1. Л.1
³² Ярославское восстание. 1918. С. 55.
³³ Там же. С. 490.

И.Н. Камардин

**Роль оппозиционных партий в рабочем протесте в 1921 году.
(на материалах Поволжья)**

Сложность и противоречивость реформирования и модернизации современного общества предопределил особый интерес исследователей к изучению исторического прошлого нашей страны. Характерными особенностями отечественной историографии последних лет стало изучение ключевых для истории России XX в. проблем: каким в действительности являлось отношение самого российского промышленного пролетариата к внутренней и внешней политике большевиков? когда и при каких условиях РКП(б) как партия рабочего класса или его части стала превращаться в самодовлеющую надклассовую силу, а ее диктатура – во власть над пролетариатом и против пролетариата? В связи с этим большой интерес представляет проблема взаимоотношения РКП(б) и оппозиционных власти левых партий, а также влияние оппозиционных партий на настроение рабочих.

В документах начала 20-х годов представители различных структур власти обычно инициаторами забастовок считали социалистов-меньшевиков и эсеров. В последствие это мнение укрепились в советской историографии¹. В тоже время никаких конкретных фактов при этом, как правило, не приводилось. Довольствовались лишь намеками и предположениями, а нередко обходились и без них. Рабочий протест 1921 года носил, как правило, стихийный характер и был вызван, прежде всего, экономическими причинами. Еще в 1920 г. в связи с неурожаем в Поволжье и вывозом продуктов в центральные районы питание рабочих региона резко ухудшилось. В наибольшей степени это отразилось на территории Среднего Поволжья, так как на этой территории осуществлялись массовые заготовки продовольствия для рабочих центрально – промышленного региона.

¹ © И.Н. Камардин, 2010

Если в 1920 г. среднее дневное потребление продуктов на душу населения в Симбирской губ. составило 3609 калорий, то в 1921 году – 2032 калорий. В сводках Самарского ЧК отмечалось, что в очередях нередко слышались разговоры: «Норма муки 15 фунтов в месяц, а у спекулянтов она стоит 1500 руб. Как жить при таких условиях жизни? Мы, например, часто бросаем работу и идем в деревню за хлебом»². Именно задержки и мизерность продовольственных пайков и заработной платы в 1921г. стали основными причинами волнений в Поволжье. В связи с неурожаем произошло сокращение лиц, находившихся на госснабжении. В результате бастующие выдвигали требования об увеличении зарплаты и натуральных выдач. Важно отметить, что задержка заработной платы как причина производственных конфликтов играла существенную роль в тех отраслях, где она составляла основу материального вознаграждения.

Наряду с продовольственным кризисом шло накопление критической массы и в социальной сфере. В этих условиях неумение быстро реагировать в крайне тяжелых условиях на запросы масс привело к возникновению весной 1921г. предреволюционной обстановки в стране. Активные формы протеста со стороны рабочих стали обыденным явлением. Анализируя сложившуюся обстановку внутри страны, Ленин очень четко охарактеризовал причины возникновения рабочих выступлений: «Когда рабочие эту материально-производственную базу из-под ног теряют, тогда состояние неуравновешенности, неопределенности, отчаяния, безверия овладевает массами...»³. В тоже время в этих условиях политические причины в забастовках не упоминались или шли как вторичные. Как показывают архивные документы, на территории Поволжья в 1921 года выявлена 101 забастовка и лишь только в 11 упоминается участие эсеров и меньшевиков. Сами эсеры и меньшевики, не отрицая своего участия в забастовках, однако, предпочитали говорить о забастовочном движении скорее как о стихийной акции. Тем самым они получали возможность подчеркнуть пагубность курса большевиков, сославшись на мнение рабочих.

Тем не менее, коль скоро речь заходила о политических резолюциях, и социалисты во многих случаях не отрицали своего авторства. Об этом, в частности, прямо говорят события прошедшие в Сердобске в марте 1921 года. На общем собрании мастеровых города, под влиянием меньшевиков и эсеров была вынесена резолюция: «В течение 3,5 лет стоящие у власти коммунистическая партия вела в корне неправильную политику, в результате чего довела страну до полного разорения и обнищания»⁴.

В Царицыне в сводках политбюро, телеграфных донесений и докладов осведомителей отмечалось, что настроение рабочих масс на фабриках и заводах в настоящий момент напряженное, всюду слышен ропот и недовольство на неудовлетворение продовольствием, особенно это замечается на заводах «Фельзер», «Брянский арсенал», «Новая Этна», Растяпинском заводе взрывчатых веществ и ряде других. За последнее время на ряде за-

водов, как то: «Теплоход» в г. Павлове и др. были обнаружены вывешиваемые листовки или объявления контрреволюционного содержания, возбуждающие население и рабочих к забастовкам, а также к решительному требованию продовольствия⁵.

3 марта начались выступления в Саратове. Повод к выступлению послужило сокращение продовольственного пайка до 100 грамм⁶. Быстрее всего отреагировали рабочие железнодорожных мастерских, которые после обеденного перерыва не вышли на работу и собрали общее собрание, по вопросу о сокращения выдачи продуктов. Как отмечается в сводках ЧК, собрание носило «крайне бурный характер и возбудительный характер»⁷. Руководил митингом бывший коммунист и управленец Кравченко, вышедший из партии. На собрании железнодорожники ознакомились с резолюциями, принятыми московским пролетариатом, в которых выдвигались требования создания коалиционного правительства и самостоятельных, ни от кого не зависящих рабочих организаций. В ответ на это было создано расширенное заседание Горсовета с пленумом Губпрофсоюза, на котором повторно утвердили резолюцию о сокращении пайка и осудили различные попытки сорвать работу советской власти.

На следующий день рабочие железнодорожных мастерских по тревожному свистку бросили работу и стали митинговать. Под влиянием рабочих депо забастовка перекинулась на металлургические заводы и крупные фабрики. На большинстве предприятий по продовольственному вопросу были созваны собрания, на которых на все лады ругали большевиков. Обеспокоенный Губком вынужден был пойти на создание комиссии для проверки деятельности всех продовольственных учреждений и ЧК, уронившей себя в глазах народа. В течение последующих двух дней на собраниях, проведенных заводскими рабочими, в эту комиссию выбирались делегаты, и при этом продолжались обвинительные речи в адрес большевиков, на некоторых предприятиях предлагалось всю власть в губернии передать в руки выборной комиссии. Пока саратовский пролетариат ждал результатов работы комиссии, волнения вспыхнули в Покровске, где часть большевиков вышла из партии и присоединились к протестующим железнодорожникам, речникам и советским служащим⁸.

На общем собрании руководства губернии и представителей от рабочих коллективов, большинством делегатов была отвергнута предложенная резолюция по продовольственному вопросу и делегаты начали требовать пере выборы губернских органов власти и открытых выборов в Саратовский совет, освобождения политзаключенных, независимости профсоюзов, свободы труда, свободы слова и печати. Из-за давления и угроз из комиссии вышла треть состава, но 550 ее членов продолжали обсуждения, считая, что улучшить положение рабочих можно только с помощью политических решений. В ответ Губком заявил о «контрреволюционном» и «хулиганском» характере комиссии, несмотря на ее «здоровое» ядро⁹. Правда,

«недостатки» в работе государственных учреждений, отвечающих за снабжение и другие экономические вопросы, он вынужден был при этом признать. Ряд мер, которые Губком принял затем, показывают, что большевики боялись возмущения рабочих в ответ на роспуск избранной ими комиссии. Губком учредил Губернский Революционный комитет (Губревком) с чрезвычайными полномочиями, и он тотчас ввел военное положение в городе и гарнизоне (после 22.00 запрещалось выходить на улицу). По его указанию были арестованы лидеры и активисты рабочего движения в Саратове, «не менее 200 человек, большинство рабочие», а также «контрреволюционеры» в Покровске. Все большевики были мобилизованы на защиту Губкома и уездных комитетов партии. В секретном докладе саратовской партийной организации, отправленном в Москву, сообщалось, что Саратов охвачен «почти всеобщей забастовкой, ликвидированной после огромных усилий всего партийного и советского аппарата»¹⁰.

Арест лидеров обезглавил рабочее движение, рассеяв политическую угрозу, которую оно с собой несло, но он же привел к отходу рабочих от большевиков. В то же время по данным отчетов губернского ЧКа аресты не оказали сильного впечатления на рабочих. Забастовка продолжилась в Саратовских железнодорожных мастерских, водников, в двух типографиях и в Князевских железнодорожных мастерских. Губсовет в ответ на простои рабочих заявил, что если работа не возобновится будет объявлен локаут. Только после этого рабочие приступили к работе.

В Самаре в марте чекисты отмечали, что в городе происходят митинги, на которых отмечаются резко черносотенные настроения. Коммунистам не дают выступать, постоянно из толпы разносятся выкрики «передайте власть, если оказались не способными»¹¹. Чтобы не допустить распространения волнений, в ночь с 12 на 13 марта в городе было арестовано около 50 человек, позднее сообщалось о раскрытии в Самаре контрреволюционная организация. В результате расследования было установлено, что организация имела разветвленные связи с центральной Россией. По данным следствия, чекисты обнаружили план нападения в ночь на 13 марта на губЧК, губисполком, губком, электрические станции, элеватор, губпродком и др. учреждения государственной важности¹².

7 марта произошла забастовка Кулебакского завода. Несмотря на то, что рабочим было выданы продукты, забастовка носила политический характер. После ареста 11 наиболее активных участников забастовки, рабочие приступили к работе.

Положение с продовольствием в регионе не изменилось и в апреле. Теперь уже в Самаре в начале апреля отмечаются случаи забастовок на нескольких предприятиях. В отчетах ЧК отмечалось, что железнодорожники хотят объявить забастовку и намереваются втянуть в нее рабочих трубчатого завода¹³. В апреле в Самарской губ. рабочие Бузулука присоединились к бастующим оренбургским рабочим¹⁴. Значительная часть забасто-

вок возникла среди деревообделочников и грузчиков, что было связано с мизерностью продовольственного пайка по сравнению с промышленными предприятиями. К тому же в этих отраслях народного хозяйства довольно трудно было прокормиться с помощью хищений и изготовления предметов для личных нужд.

Своего пика кризис в городах Поволжье достиг в мае. В Самаре на общем собрании в «Аржановском саду» рабочие проголосовали за резолюции: «Собрать на следующий день общегородское собрание рабочих, на которое пригласить представителей городских властей». Согласно резолюции на следующий день около пяти тысяч рабочих собрались в одном из садов. Власти города в условиях отсутствия продовольствия приняли решение разогнать бастующих с помощью милиции¹⁵. На следующий день в связи с опасностью новых волнений рабочим частично выдали продовольственные пайки. В результате выдачи продуктов часть трудящихся приступила к работе. В ходе расследования причин забастовок губернские власти ссылались на найденную Кронштадтскую листовку¹⁶.

Драматично сложилась ситуация в Пензенской губ. 24 мая 1921г. забастовали рабочие мастерских Сызранско-Вяземской ж/д из-за отсутствия продовольствия. 30 мая рабочие всех служб железной дороги бросили работу и на общем собрании решили направить парламентариев на другие предприятия города с целью собрать на следующий день общегородское собрание, на котором планировалось выбрать стачечный комитет. В назначенный срок состоялось общегородское собрание трудящихся предприятий г. Пензы. Выбранный комитет принял резолюцию требовать немедленной выдачи рабочим хлеба. В случае неудовлетворения объявить всеобщую забастовку. Рабочих – парламентариев, отправившихся в Губком на переговоры, арестовали. Среди парламентариев находились представители оппозиционных партий меньшевики и эсеры, а также бывшие коммунисты¹⁷. Через день бастующие рабочие собрались у здания губернского ЧК и предъявили требование освободить арестованных парламентариев. Опасаясь погромов и волнений, представители Советской власти у здания ЧК выставили пулеметы и две шеренги солдат, готовых стрелять. Столкновения удалось избежать только благодаря прибытию представителя из Москвы, приказавшего убрать вооруженных красноармейцев, после чего напряжение в толпе разрядилось. В этих условиях руководство губернии вынуждено было освободить арестованных, а также пообещать раздать рабочим на следующий день 200 пудов муки, приготовленных к отправке в Красную Армию. Рабочие с заявлением властей согласились и разошлись по домам¹⁸. Выдав на следующий день продукты, власти смогли разделить бастующих. Воспользовавшись этим, был произведен повторный арест, в результате которого задержали около 60 чел., принимавших активное участие в волнении у здания ЧК. Против ареста выступили только рабочие и служащие станции Пенза Рязано-Уральской ж/д. На общем собрании рабо-

чие объявили «итальянку», в результате чего на станции резко снизилась производительность труда. На других предприятиях предъявление каких-либо требований не наблюдалось. Выдача продовольствия позволила разрознить единый лагерь бастующих. Солидарность и единство рабочих железнодорожников, по нашему мнению, связаны с концентрацией на железнодорожных станциях наиболее квалифицированных рабочих, имеющих опыт борьбы в дореволюционный период¹⁹. К тому же в течение гражданской войны именно здесь отмечалась активная деятельность меньшевиков²⁰.

Аналогичные события развивались и в Симбирске, волнения в городе начались с 23 мая 1921г. Рабочие трубного з-да из-за отказа в выдаче пайка не вышли на работу. На общем собрании, где выступали меньшевики и эсеры, а также вышедшие из партии коммунисты, провели резолюцию об избрании комиссии по обследованию городских складов: «Если комиссия найдет продукты, рабочие бросят работу»²¹. В ответ на это местные власти произвели аресты активных участников. Рабочие объявили забастовку с требованием освобождения арестованных. После выдачи продовольствия бастовавшие приступили к работе²². В результате быстрых действий властей в Симбирской губ. конфликт был локализован.

В мае забастовали рабочие фабрики «Нобель» Астраханской губернии, из-за неправильного распределения продуктов²³.

Основными участниками конфликтов этого периода были кадровые рабочие, которые, по словам руководителей партии, составляли элиту советского общества. В условиях невыдачи продовольственных пайков лишённые поставок продуктов из деревень рабочие вынуждены были идти на открытый конфликт с Советской властью. Потомственные рабочие, прибывшие с эвакуированными предприятиями, прошедшие школу революции и гражданской войны, представляли в случае открытого выступления реальную угрозу существующему строю.

Во всех забастовках в исследуемый период рабочие требовали изменения принципа распределения материальных благ, тогда как политические требования отсутствовали или шли как второстепенные. Будучи не в силах пересмотреть принцип распределения материальных благ, местные власти вынуждены были подавлять выступления рабочих.

Знаменательно, что в 20-м году наблюдаются некоторые новинки в приемах окрепшей власти по умиротворению рабочих выступлений. Теперь они заканчивались не только закрытием предприятия и массовым увольнением рабочих. Нередко в архивных документах упоминалось, что при ликвидации забастовок инициаторов арестовывали и помещали в концлагерь²⁴.

В первой половине 1921 г. партийные руководители почти каждое выступление рабочих связывали с деятельностью меньшевиков и эсеров. Разумеется, активисты этих партий принимали активное участие в

подготовке забастовок, способствуя тем самым выдвижению антибольшевистских лозунгов. Это мнение способствовало тому, что партийцы не замечали собственных просчетов и ошибок, видя причины возмущения рабочих не в перекосах своей политики, а во враждебном влиянии на рабочих членов оппозиционных партий. Известно, что меньшевики пользовались достаточно устойчивой популярностью среди рабочих трубочных заводов Поволжья, а также среди пензенских железнодорожников²⁵. На Пензенской ф-ке Госзнак популярностью пользовалась организация еврейских рабочих «Палей-Цион»²⁶. На Сормовском заводе действовала крупная организация эсеров²⁷.

Большевики, боясь перехода от экономических забастовок к политическим, первым делом выявляли членов оппозиционных партий, тем самым обезглавливали рабочее движение. Так, в Пензе мероприятия по нейтрализации членов контрреволюционных партий происходили летом 1921г. Пытаясь приостановить разрастание забастовки железнодорожников в общегородскую, ночью были произведены аресты зачинщиков. В Симбирске кампания по аресту эсеров прошла осенью 1921г²⁸.

В тоже время, выдвижение эсеровских и меньшевистских требований на рабочих собраниях на практике совсем не означало, что рабочие находятся под влиянием оппозиционных партий, о чем постоянно писали большевистские газеты, а позже эта точка зрения прочно укоренилась и в советской историографии. Так случилось, что насущные потребности рабочих, лежавшие преимущественно в экономической области, совпали с платформами партий, критиковавших политику большевиков. Последующий ход событий подтвердил отсутствие прямой зависимости рабочих выступлений от их влияния. Рабочие добивались упрощения перехода с одного предприятия на другое, выступали против принудительного закрепления и перебросок на предприятия различных регионов, т.е. протестовали против военно-коммунистических принципов организации труда. Это требование было удовлетворено в рамках нового экономического курса.

Таким образом, политический кризис, перед которым стояли большевики после окончания гражданской войны, был чреват более серьезными последствиями для государства. Рабочие, объединившиеся на почве недовольства организацией труда и кризисом в снабжении продуктами. Волнения в начале 1921 года затронули весь рабочий класс, который включал в себя многочисленные слои пролетариев, обычно разделенные узкими интересами. Рабочий протест в Поволжье не принял организованного политического характера в значительной степени благодаря быстрой реакции ЧК и местных властей, немедленно арестовавшей наиболее активных участников волнений, что лишило рабочих централизованного руководства. Рабочие обладали гораздо большей сознательностью, чем это казалось коммунистической партии, и они проявляли ее в отчаянном противостоянии большевистскому режиму.

Но, следует отметить, что политические требования предъявлялись во всех конфликтах как второстепенные, в основе рабочего протеста на первом месте стояли требования выдать продовольствие.

¹ Баевский Д.А. Рабочий класс в первые годы Советской власти 1917-1921 гг. М.: «Наука», 1974; Басин С.Г. Профсоюзы Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1967; Вдовин А.И. Дробинев В.З. Рост рабочего класса в СССР 1917- 1940 гг. М.: «Мысль», 1957; Гимпельсон С.Г. Советский рабочий класс. Социально-политические изменения 1918-1920 гг. М.: «Наука», 1974; История советского рабочего класса. М., 1984. Т.1; Шарошкин Н.А. Изменения в численности и составе рабочих Поволжья в период перехода от капитализма к социализму. Саратов, 1984.

² СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 166. Л. 11.

³ Ленин В.И. IX Всемирному конгрессу Коминтерна, Петроградскому совету рабочих и красноармейских депутатов. – Полн. собр. соч. М., 1964. Т.45. С.282.

⁴ ЦДНИСО. Ф.27. Оп.2. Д.316. Л.52.

⁵ ГАВО. Ф. 37. Оп. 2. Д. 4. Л. 172.

⁶ ГАСО. Ф.Р. 521. Оп.2. Д.45. Л.1.

⁷ ЦДНИСО. Ф.27. Оп.2. Д.43. Л.76.

⁸ Рейли Д. Антибольшевистские волнения в Саратове и Саратовской губернии в конце гражданской войны // Вестник самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. 2001. №1 (19).

⁹ ЦДНИСО. Ф.27, Оп. 2, Д. 43. Л. 76.

¹⁰ ЦДНИСО. Ф.27, оп. 2, д. 43, л. 75, 76, 94, 124, 136; ГАСО. Ф. 520. оп. 1, д. 633, Л.4; Антонов-Саратовский В.П. Советы в эпоху военного коммунизма. Сб. документов. Ч. 2. М., 1929. С. 176-180.

¹¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.87. Д.164. Л.1В.

¹² РГАСПИ. Ф.17. Оп.87. Д.164. Л.1.

¹³ РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2620. Л.127.

¹⁴ Там же. Л.128.

¹⁵ СОГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2620. Л.50.

¹⁶ СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2620. Л.48.

¹⁷ РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2630. Л.149.

¹⁸ РГАСПИ. Ф.17. Оп.13. Д.712. Л.14; Ф.5. Оп.1. Д.2630. Л.149; Д.2620. Л.1011; Ф.17. Оп.87. Д.78. Л.36.

¹⁹ ГАПО. Ф.Р.2. Оп.4. Д.167. Л.26.

²⁰ ГАПО. Ф.Р.2. Оп.4. Д.167. Л.71.

²¹ РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2620. Л.127.

²² РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2620. Л.128.

²³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп.1. Д.2620. Л.23.

²⁴ СОГАСПИ. Ф.Р.1. Оп.1. Д.758. Л.263 Об.

²⁵ РГАСПИ. Ф.17. Оп.65. Д.453. Л.82 Об; Ф.5. Оп.1. Д.2619. Л.134; Д.2620. Л.28; Д.2629. Л.50.

²⁶ Кондрашин В.В. Информационные материалы Пензенской губЧК о своей деятельности и положении в Пензенской губернии в годы гражданской войны. // 80 лет от ВЧК до ФСБ. Пенза, 1998. С.122.

²⁷ ГОПАНО. Ф.1. Оп.1. Д.587. Л.15.

²⁸ РГАСПИ. Ф.17. Оп.84. Д.353. Л.28.

М.В. Ермушин

«Спецедеческие» настроения рабочих в годы НЭПа: к вопросу изучения (на материалах центрального промышленного района)

«Спецедечеству», как явлению социальной жизни советского общества, до недавнего времени исследователями уделялось недостаточно внимания. Исключение здесь составляет период 20-х годов XX в. Тогда на страницах газет и журналов, выступлениях партийных и хозяйственных работ-

ников активно обсуждалась проблема «спецеедства», которая связывалась с привлечением «буржуазных специалистов» на сторону новой власти¹. Дискутировалось о том, кого считать советскими специалистами, как и по какому принципу их разделять: политическим взглядам, социальному происхождению, по времени получения образования (до или после 1917 года). В. Толстомятов в своей работе, рассматривал условия, в которых находились специалисты в период НЭПа (ненормированный рабочий день, загруженность специалистов всякого рода совещаниями и др.)².

В 30-е и 40-е годы в соответствии с общей историографической ситуацией эта сторона жизни советского общества историками практически не освещалась. Основной массив литературы был посвящен новым советским инженерно-техническим кадрам: их количественным и качественным показателям³.

По мере проведения политики десталинизации в 60-е годы представилась возможность расширить границы исследований. Собственно, изучение роли «старых специалистов» на производстве и началось в это время. Критике подвергся господствовавший ранее подход контрреволюционного вредительства «буржуазных специалистов», дана негативная оценка «спецеедческим» настроениям рабочих. Сделан вывод о переносе акцента правительственной политики в отношении специалистов в конце 20-х годов с воспитательной работы на карательную практику⁴.

В то же время, в литературе 60 – середины 80-х годов тема дискриминации специалистов получила освещение как иллюстрация партийно-государственной политики в отношении «старой» интеллигенции, в рамках проблемы «власть и интеллигенция»⁵. С.А. Федюкин обратил внимание на то, что в рабочей среде были живы те обиды, которые инженеры нанесли им в дореволюционный период, а так же непонимание рабочими роли ИТР на производстве⁶.

В конце 80-х годов в связи с демократизацией общества идет пересмотр старых схем и оценок, активно разрабатываются ранее малоизученные темы⁷. При анализе причин «спецеедства» помимо культурной отсталости рабочих, исторически сложившейся неприязни к инженерам, обращается внимание на установленную IX съездом РКП(б) структуру управления промышленностью, построенную по принципу разделения власти на техническую и политическую, изначально несшую в себе технологический и социальный конфликт⁸.

С 1990-х годов тема «спецеедства» получает более широкое освещение и приобретает самостоятельное значение. Проблема дискриминации специалистов в послереволюционный период становится постоянно обсуждаемой в научной литературе и на конференциях⁹. На настоящий момент, более глубоко изучен этот вопрос на материалах Сибири¹⁰. По мнению Г.Г. Халиулин, в основе отношения советской власти к производственно-технической интеллигенции лежал идеологический принцип, оставлявший

ведущую роль за рабочим классом. Л.И. Пыстина провела анализ «спецеества» как одной из форм дискриминации инженерно-технических кадров. Рассмотрела этимологию данного термина, обозначила его исторические корни, выделила причины и формы.

В современных исследованиях «спецеество» рассматривается в двух аспектах:

1. Дискриминация специалистов непосредственно на производстве¹¹.

2. Общая антиинтеллектуальная атмосфера, сформировавшаяся в стране в результате политики советской власти¹².

На производственном уровне «спецеества» исходило, прежде всего, от рабочих. Источники их «спецеедческих» настроений следует искать в социальной неоднородности рабочей массы, условиях труда, системы оплаты, профессионального образования.

В 20-е годы исследователи в рабочей среде выделяют три группы: потомственные и кадровые рабочие, недавние выходцы из непролетарских слоев и рабочая аристократия. В начале НЭПа социальная неоднородность рабочих масс из-за притока непролетарских слоев только увеличивается¹³. Новые рабочие принесли из деревни «уравнительные настроения»¹⁴. Процентное соотношение по разным подсчетам такой части составляло от 45 до 50%.¹⁵ По данным исследователей сезонные рабочие оказывались самой взрывоопасной массой, где часто вызревало острое недовольство своим положением¹⁶. Таким образом, эта часть рабочих со второй половины 20-х годов начинает играть заметную роль и влиять на настроение всей трудовой массы.

Если говорить о профессиональной части рабочих, то их позиция в отношении ИТР не всегда строилась с позиции конфронтации. Так например в информационном отчете ячейки РКП(б) отчете сообщалось следующее: «Рабочие смотрят на них, как на каких-то высших ... иногда поклонятся, к которым нужно обратиться с несвойственной для рабочих вежливостью, – и далее. – Не все рабочие за время революции научились не делать ни малейшей моральной уступки спецам»¹⁷. Поэтому тезис об исторически сложившейся неприязни к инженерам требует корректировки.

Другим фактором провоцировавшим рабочих на «антиспецовские» настроения являлась политика государства в сфере труда. В годы военного коммунизма материальное положение рабочих и ИТР были примерно одинаковы. Вне зависимости от профессионализма они получали примерно одинаковые зарплаты. С наступлением Нэпа положение изменилось. Рабочие оплачивались в зависимости от норм выработки, качества производимой продукции, расценок на производимые товары. ИТР сидели на ставках. Но при этом именно они контролировали качество продукции и участвовали в формировании расценок (пусть часто формально). Однако при

изношенности основных фондов промышленности, частой нехватки сырья, рабочие не имели стабильно высокого заработка.

Постоянные снижения расценок, и повышения норм выработки не создавали в производственных отношениях положительного климата. Особенно это касалось сезонных рабочих, приехавших из деревни на заработки. Тульский губернский совет профессиональных союзов (ГСПС) приводил такой пример: «У нас дома сидят без хлеба, – заявлял такой рабочий, – ... мы приехали сюда заработать. Вам осталось взять плетъ и подгонять нас. Зарплату не поднимаете, а производительность труда заставляете поднимать, – и далее. – Работали раньше меньше, а получали больше. Нас запрягли так, что мы работаем без рубашки, а теперь хотят чтобы мы и не просыхали»¹⁸. Похожие настроения были и у профессиональных рабочих. На Костромском заводе «Рабочий металлист» на организованном партячейкой «Вечере вопросов и ответов» слесарь Долотов заявлял: «... сначала нужно накормить, а потом и промфинплан будем выполнять, – и далее, – ... нам зарплату выдают по коллективному договору, нам нет дела до ваших затруднений, где хочешь там и бери»¹⁹. Гнев рабочих был направлен на администрацию предприятия и на инженера как на ее представителя с которым непосредственно контактировали.

В 20-е годы на предприятиях Советской России сложилась непростая ситуация, вызванная забастовками, прогулами, «волынами», падением трудовой дисциплины. Основными причинами трудовых конфликтов являлись вопросы заработной платы, норм выработки, условия найма и увольнения²⁰. С тем, чтобы трудовой конфликт не перерос в некие политические акции в 20-е годы была создана система буферных органов для их погашения. Она предусматривала создание конфликтных комиссий, трудовых сессий народного суда, примирительных камер и третейских судов. Как показал А.А. Ильюхов, выстроенная система действовала достаточно эффективно.²¹ Она переводила конфликт в юридическую плоскость. Однако, в силу того, что не ликвидировались причины конфронтации, то недовольство все равно оставалось и проявлялось в «антиспецовских» акциях.

Таким образом, источником, который создавал благоприятные условия для формирования и развития «антиспецовских» настроений на производстве, являлась социальная политика государства в отношении рабочих. Социальная практика вступала в противоречие со всеми законами и нормативными актами, которые издавало советское правительство для создания комфортных условий деятельности специалистов.

¹ См.: Ларин Ю. Интеллигенция и советы. Хозяйство, буржуазия, госаппарат. М., 1924; Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. В 2-х. тт. 3-е издание. М. 1977. Т.2. С. 22; Документы Ф.Э. Дзержинского по хозяйственным вопросам (1922-1926 гг.) // Исторический архив. 1960. №2; Корицкий Э.Б., Лавриков

Ю.А., Омаров А.М. Советская управленческая мысль 20-х. гг. Краткий именной справочник. М., 1990 и др.

² См.: Толстомятов В. Специалисты в производстве. – М., 1926.

³ См.: Бейлин А.Е. Инженерно-технические кадры промышленности. М., 1930; Петровский Д.А. В борьбе за новые технические кадры. Л., 1930; Швейцер В. Борьба за кадры пролетарских специалистов. М., 1932; Самарцева Е.И. Интеллигенция в России в Отечественной историографии (1917-90-е годы XX века). Дисс. ... докт. ... ист. ... наук: 07.00.02. Тула, 1999. – с. 48-51.

⁴ Бродский Л.И. Идеино-политическое воспитание технических специалистов дореволюционной школы в годы первой пятилетки // Труды Ленинградского политехнического института им. Калинина. № 261. Л. 1966. С. 71-79; Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 380-394, 454-455.

⁵ См.: Федюкин С.А. Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству. М., 1960; Он же Советская власть и буржуазные специалисты. М., - 1965; Халиулин Г.Г. Производственно-техническая интеллигенция в Западной Сибири (1921-1937 гг.). Томск., 1983 и др.

⁶ См.: Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 300.

⁷ См.: Бакулин В.И., Лейбович О.Л. Рабочие, «спецы», партийцы: О социальных истоках «великого перелома» // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 6. С. 98-110; Красильников С.А. Политбюро, ГПУ и интеллигенция в 1922-1923 гг. // Интеллигенция, общество, власть (1917 – конец 30- х. гг.). Новосибирск, С. 34-58

⁸ См.: Крыштановская О.В. Инженеры, становление и развитие профессиональной группы. М., 1989. С. 86.

⁹ См.: Интеллигенция, Провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики: материалы межгос. научн. - теорет. конф. Иванов, 1996; Интеллигенция России в XX веке и проблема выбора: материалы всерос. конф. Екатеринбург, 1999; Красильников С.А. Политбюро, ГПУ и интеллигенция в 1922-1923 гг. // Интеллигенция, общество, власть (1917 – конец 30- х. гг.). Новосибирск, С. 34-58; Абрамов В.Н. Техническая интеллигенция России в условиях формирования большевистского политического режима (1921- конец 30 – х. гг.). СПб., 1997. - С. 3-25 и др.

¹⁰ См.: Пыстина Л.И. Спецеедство в Сибири в 1920 е гг. // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920-1930-е гг.). Новосибирск, 1994. С. 122-150; Она же «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е начале 1930 – х. гг. (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999; Она же Льготы и привилегии интеллигенции в советской России в 1920-е годы (проблемы изучения) // Гуманитарные науки в Сибири. 199. № 2. С. 31-34; Она же «Спецеедство» в Сибири // дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920-1930 – е гг.): сб. науч. тр. Новосибирск, 1994. С. 122-150; Она же К вопросу об изменении облика российский инженеров в послереволюционные годы (традиции и новации) // Городская культура Сибири: традиции и новации: сб. науч. тр. / Под ред. Н.Н. Покровского, С.А. Красильников. Новосибирск, 2002. С. 112-120; Халиулин Г.Г. Производственно-техническая интеллигенция и рабочие: проблема социально-классовых отношений // Интеллигенция в советском обществе. Кемерово, 1993. С. 130-137.

¹¹ См. например Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты» в Сибири ... С. 7

¹² См. например Абрамов В.Н. Техническая интеллигенция России ...; Волков В.С. Интеллектуальный слой в советском обществе // <http://SWOLKOV.narod.ru>.

¹³ См.: Ильяхов А.А. Политика Советской власти в сфере труда (1917-1929 гг.). Дисс. ... докт. ... ист. наук. Самара, 1999, С. 17.

¹⁴ См.: Сарябянов Вл. Производственная пропаганда // Вестник труда. 1920. № 20. С. 82.

¹⁵ См.: История советского рабочего класса. В 6 т. Т. 2. М., 1984. С.193.

¹⁶ См.: Орлов В.Н., Богданов С.В. Коллективные трудовые конфликты в СССР в 1930-1950 гг.: причины возникновения, формы протекания, способы разрешения // <http://www.yurclub.ru>

¹⁷ (Государственный архив новейшей истории Костромской области) ГАНИКО Ф. 48., Оп. 11., Д. 12., Л. 128.

¹⁸ ГАРФ Ф.Р.5548., Оп.8., Д. 61., Л.47.

¹⁹ ГАНИКО Ф. 48., Оп. 1., Д. 3., Л. 94.

²⁰ См.: Буянов В. Трудовые конфликты и политика профсоюзов // Вестник труда. М., 1926. № 2. С. 38-39.

²¹ См.: Ильяхов А.А. Указ. соч. С. 258.

Изучение проблем социальной структуры советских рабочих в 30-е годы: история и современность

В отечественной историографии достаточно хорошо изучена история советских рабочих, однако социальной структуре в ней уделено недостаточно внимания. Так, многотомник по истории советского рабочего класса имеет очерковый характер и в нем, по существу, отсутствуют сюжеты о социальной структуре рабочих, больше пишется о партийно-государственном влиянии на рабочий класс. К тому же социальная структура рабочих рассмотрена более подробно только по крупной промышленности¹.

Однако не потеряли своей научной ценности работы Б.М. Маркуса, О.И. Шкаратана, А.И. Вдовина, В.З. Дробижева и других историков². В них дана достаточно полная картина социальных изменений в рабочем классе, показана деятельность многих властных структур влияния на рабочий класс, прежде всего государства и коммунистической партии, определена динамика численных изменений и состава рабочих, сделана попытка показать не только рабочих крупной промышленности, но и других отраслей промышленности и народного хозяйства в целом. Разумеется, авторы не ставили себе задачу исследовать социальную структуру рабочих в полном объеме и по ряду отраслей народного хозяйства. Но общий взгляд на эту проблему все же имеется и вполне достаточен. В нашу задачу входит рассмотреть изучение социальной структуры рабочих как по стране в целом, так и по отдельным отраслям не только промышленности, но и всего народного хозяйства СССР. При этом можно заметить, что крупное промышленное производство изучалось также по союзным и автономным республикам и областям, краям и всем регионам в целом и только потому, что в партийно-государственном руководстве считали такое изучение как главную задачу для определения плана социалистического строительства в годы первых пятилеток. Проведение индустриальной модернизации требовало все новых и новых пополнений рабочего класса за счет крестьянства и рабочих мелкой государственной и кооперативной промышленности, других слоев и групп общества как города, так и деревни.

Крупная промышленность требовала особого внимания в решении многочисленных задач социалистического строительства. Особое внимание обращалось на оборонную промышленность и рабочий класс ее. Но если по стране в целом и республикам, регионам можно увидеть эти численность и состав рабочих, то в отраслевом разрезе по видам не только на-

¹ © Н.Р. Коровин, 2010

родного хозяйства, но даже и промышленности их не видно. Изучение не велось за все десятилетия советской власти.

Отметим, что в распоряжении исследователей имеются огромные массивы статистических и архивных документов. Надуманные суждения, что эта документация недостоверна или крайне ошибочна из-за корректировки данных со стороны советского руководства с целью приукрашивания действительности, лишь мешают проведению глубоких в научном плане работ. Укажем лишь на отдельные статистические сборники, которые дают полную картину социального состава рабочих, хотя бы их численности. Так, на 1 марта 1934 года, по итогам единовременного учета, в СССР было 6 млн. 116 тыс. 178 работников, из них рабочих 4 млн. 760 992 человека, учеников 231 тыс. 387 человек, инженерно-технических работников (ИТР) 396 907, младшего обслуживающего персонала 275 400 человек и 37 851 человек – это персонал, не учтенный по категориям³. В Воронежской области по другому учету (за март 1936 года) было 130 693 работников крупной промышленности, из них рабочих 98 940, учеников – 5175, ИТР было 10 154 человека, младшего обслуживающего персонала (МОП) 9263 и персонала, не учтенного по категориям 136 человек⁴. И в этом плане нужно заметить, что мы не только не изучали численность и состав рабочих по отдельным отраслям не только всего народного хозяйства, но даже и промышленности. Так, не найти данных ни в одном исследовании численность рабочих и служащих, всего персонала в горной и горнозаводской, текстильной и таких ее видах, как обработка хлопка, шерсти, бумаги, не найти данных в изучении кожевенной, обувной и т.д. и т.п. А если взять другие отрасли народного хозяйства, будь то транспорт или строительство (здесь еще имеются разрозненные и неполные данные), торговля или связь, общественное питание, коммунальные предприятия, сельское, лесное, рыбное хозяйства, наконец, учреждения просвещения, здравоохранения. И этот список можно продолжить. Возможно, какая-то часть информации имеется в национальной историографии, но выявить ее очень трудно. Можно подвести итог под это суждение. За десятилетия советской власти при огромном количестве высококвалифицированных специалистов – историков государство не обращало внимание на эти категории работников, считая, что рабочие крупной промышленности в целом – это тот костяк рабочего класса, на котором держится государство и общество в целом, все народное хозяйство. А где же политика формирования и становления рабочего класса, его воспитания? Как прикажете понимать? Одним словом, мы еще не подошли по-настоящему к изучению социального состава рабочего класса, всех его составляющих, слоев и групп, категорий. А статистическая литература и архивные материалы имеют такие данные, точные и абсолютные, может быть, с небольшим приближением.⁵

Особый интерес вызывает профсоюзная перепись 1932-1933 гг. В ней даны показатели по таким данным, как численность рабочих, их воз-

растной состав, производственный стаж, социальное происхождение, грамотность, связь с сельским хозяйством и другие варианты социального положения рабочих⁶. Конечно, при огромном массиве рабочей силы ее было трудно учесть, но все-таки такие учеты проводились, но имея в виду, что в состав рабочего класса включались не только дети рабочих и колхозников, служащих, но и других категорий населения, особенно у малых народов Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока, будь то охотники, рыболовы, оленеводы, последние через различные торговые фактории, товарищества по заготовке кормов, по сбыту добываемой продукции, – это тоже составляющие особую категорию рабочих. Но «до сих пор не выработано единой методики исторического исследования общего и особенного в процессе социалистических преобразований экономики и социальной структуры народов СССР, – писала В.М. Селунская. Это чрезвычайно затрудняет обобщение накопленного конкретно-исторического материала.⁷

В этих условиях государство и партия через профсоюзные и комсомольские организации проводили большую подготовку рабочих кадров, в первую очередь молодежи. По данным профсоюзов, только с 1928 по 1932 гг. было подготовлено 1,3 миллиона квалифицированных рабочих, а в 1933-1937 гг. дополнительно в этому числу еще 2,9 миллиона новых рабочих массовых профессий⁸ Количество рабочих с 1 января 1923 г. по 1 января 1936 г. возросло в машиностроении и металлообработке более чем в шесть раз⁹

За 12 лет, прошедших между двумя переписями населения (в 1926 и 1939 гг.) общая численность рабочего класса увеличилась в 3 раза, а число рабочих важнейших профессий возросло в значительно большей степени. Так, в народном хозяйстве в начале 1935 г. работало больше, чем в конце 1926 г.: токарей – в 6,8 раза, фрезеровщиков – в 13 раз, машинистов – в 4,4 раза, трактористов – в 215 раз.¹⁰

Не изучена мелкая государственная и мелкая кооперативная промышленность по социальному составу своих работников. А это сотни тысяч рабочих. Достаточно сказать, что в 1933 г. в Воронежской области было в государственной мелкой промышленности 27 016 рабочих, в 1935 г. их стало 48392 человека.¹¹ Всего же по стране за март 1934 г. было 334 019 рабочих мелкой государственной промышленности и 135750 рабочих-кустарей промкооперации производственного направления. И таких данных по областям и районам, страны в целом – бесчисленное множество. Известно, что в Центральной России, начиная с дореволюционных времен бурно развивалась мелкая промышленность и промысловая кооперация. На 1 января 1938 г. в Воронежской области на 13 334 мелких предприятиях социалистической промышленности работало 25426 рабочих, кроме них было еще дополнительно 1218 человек рабочих на дому. Производственный цикл обслуживали 2453 служащих и обслуживающего персонала, в 1937 году эти предприятия дали стране валовой продукции на 204 млн.647

тыс. рублей в ценах 1926/27 гг., стоимость основных фондов составляла на конец 1937 года 198 млн. 633 тыс. рублей¹². Ставится вопрос, а кто же и когда будет изучать эту социальную структуру рабочих? Они работали на государственных предприятиях. Наверное, закономерен вопрос о кадровом составе рабочих как крупной, так и мелкой промышленности. В литературе утверждалось очень долго, что через пять лет вчерашний крестьянин, пришедший на завод, другое предприятие в город или на стройку, становится кадровым рабочим. Это неверное суждение. Еще В.И. Ленин подчеркивал, что кадровым рабочим становится не менее как через 10 лет. Никакие воспитательные мероприятия и никакая профессиональная подготовка не могли ускорить этот процесс.

Можно было бы говорить о социальном развитии рабочих по республикам и областям СССР, но в рамках небольшой статьи сделать это невозможно. Только с 1932 по 1939 гг. численность рабочих крупной промышленности Москвы изменилась так: с 552,3 до 710,3 тыс. человек¹³.

Отдельным вопросом в изучении социального положения рабочих стоит их пополнение. Лучше всех, наверное, о новых пополнениях рабочего класса СССР написали А.И. Вдовин и В.З. Дробижев.¹ Они дали достаточно полную характеристику того, кто и как шел в состав рабочего класса, показав все это в цифровых величинах. Но вопрос заключается в другом. Почему у нас до сегодняшнего дня нет в исторической литературе монографии или книги на тему об организованном наборе рабочих. Очень долго по организованному набору рабочих работала воронежский историк В.Н. Елисеева, но ей не удалось издать монографию по нему. Хотя она специалист именно по вопросу формирования трудовых рабочих коллективов. Ее публикации в свое время заметил В.З. Дробижев, но разные проволочки бюрократического характера затормозили издание и в конце концов закрыли его, не выпустив в свет нужное исследование.²

Интересные данные по организованному набору рабочей силы дана в своей монографии московский историк Л.Е. Гришаева. Ею указано, что в целом по СССР было привлечено по организованному набору 832251 человек в строительство, 175288 – фабрично-заводскую промышленность, 42142 – в горнодобывающую промышленность и 113774 человека – на транспорт³. Периодическая печать красочно описывает первых строителей Уральской Магнитки. «Для комсомола в те годы Магнитка была испытанием, – писал корреспондент «Комсомольской правды» В. Песков, – все самое трудное, самое ответственное на стройке комсомол валил на свои плечи. Но и вся страна стояла у колыбели Магнитки. Подсчитано: сто шестьдесят заводов делали оборудование. Сто восемь учебных заведений готовили рабочих и инженеров. Сто тысяч крестьян из российских деревень с сундучками, с лопатами, топорами и пилами приехали на Урал».⁴

Труд, вопросы организованного набора рабочих остро стояли перед государственными и общественными организациями. Эти вопросы требу-

ют своего изучения. К сожалению, после распада СССР мы абсолютно забыли о деятельности партийных организаций, профсоюзных и комсомольских. Ведь это все было в истории. Только они и проводили набор рабочей силы, добиваясь выполнения плановых показателей. Например, в постановлении заседания секретариата обкома ВКП(б) ЦЧО от 4 марта 1932 г. «О потребности в рабсиле и ее покрытии для ударных строек ЦЧО на 1932 г.» подчеркивается, что для таких предприятий, как Липецкстрой, заводов № 18 и 16 (авиационные – Н.К.), ВОГРЭС, магистрали Москва-Донбасс потребуется строительных рабочих в 1932 г. до 190000 человек, или в два раза больше прошлого года. Обком постановляет: удовлетворить потребность рабсилы для вышеуказанных строек..., начать организованный набор рабочей силы в колхозах».⁵ Лишь отдельные публикации отражают этот процесс, в некоторой степени выборочно: по одному какому – то региону или стройке⁶.

Исторический опыт всегда современен. Его нужно изучать и применять в решении по социальному развитию трудовых коллективов, в данном случае коллективов рабочих и служащих. Хорошо известно, что в настоящее время страна испытывает большие трудности в получении квалифицированной рабочей силы, Ее очень мало на многих предприятиях страны. Как так получилось, что предприятия не имеют в достаточном количестве квалифицированных рабочих? Посмотрим социальное развитие рабочих после распада Советского Союза в 1991 году.

К концу 1996 года в результате падения производства почти вдвое снизился уровень жизни населения. 12 миллионов россиян, т.е. 15 % экономически активного населения, стали фактически безработными, доходы 30% граждан оказались ниже прожиточного минимума. Либеральные реформы особенно болезненно отразились на предприятиях военно-промышленного комплекса (ВПК) производство в оборонных отраслях Российской Федерации сократилось более чем в 5 раз. Около 1800 предприятий ВПК с числом работающих более 8 миллионов человек, оказались предоставленными самим себе. За 5 лет Россия откатилась с 6-7 места в мире по обеспечению продуктами питания на 40-е место.⁷

В настоящее время в условиях мирового экономического и финансового кризиса на заводах России работает 1,6 млн. специалистов, не хватает 25 тыс. рабочих «синих воротничков», а на обрабатывающих производствах требуется 145200 рабочих. И это при средней заработной плате рабочего в России 9000 рублей. Требуются новые люди, которые могли бы работать на новых автоматизированных производствах. Такое положение получилось только потому, что государство мало обращало внимания на развитие технических специальностей в средних и высших учебных заведениях, фактически произошел крах ПТУ, к тому же и слабая техническая оснащенность предприятий сказалась на всем социальном развитии трудовых коллективов.⁸

Таким образом, изучение социального развития рабочих СССР в 30-е годы имеет большие пробелы по множеству вопросов. Требуется изучение социальной структуры рабочего класса по многим компонентам. Без такого изучения трудно предвидеть развитие не только рабочих Российской Федерации в настоящее время, но и всего общества в целом. Прежде чем идти вперед в реформировании России, нужно использовать ее исторический опыт по многим направлениям. Без этого всякие разговоры о модернизации, развитии новых технологий могут остаться только разговорами, на бумаге так и не выполненными решениями. Требуется целенаправленная работа как центральных, так и местных органов власти и бизнеса.

¹ История советского рабочего класса в шести томах. Т.2. Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества 1921-1937 гг. М., 1984. Т.3. Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938-1945 гг. М., 1984.

² Маркус Б.М. Труд в социалистическом обществе. М., 1939; Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М., 1970; Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР 1917-1940 гг. М., 1976; Селунская В.М. Социальная структура советского общества: история и современность. М., 1987; Соколов А.К. Рабочий класс и социальная структура советского общества 1917-середина 30-х годов (Задачи, источники и методы исследования): Автореф... дис. докт. ист. наук. М., 1986; Он же. Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре советского общества. М., 1987; Он же. Лекции по советской истории 1917-1940. М., 1995; Шарошкин Н.А. Изменения в численности и составе рабочих Поволжья в переходный период от капитализма к социализму (1917-1937 гг.). Саратов, 1984; и др.

³ Численность рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР. Итоги единовременного учета за март 1934 г. М., 1935. С. 8-9.

⁴ Численность и заработная плата рабочих и служащих в СССР. М., 1936. С. 84-85.

⁵ Социалистическое строительство СССР. М., 1934; Краткий статистический справочник. М., 1936; СССР и капиталистические страны. Стат. сборник технико-экономических показателей народного хозяйства СССР и капиталистических стран за 1913-1937 гг. М., 1939; и др.

⁶ Профсоюзная перепись 1932-1933 гг. М., 1934.

⁷ Селунская В.М. Общее и особенное в процессе изменения социальной структуры народов СССР в 20-30-е годы // Изменения социальной структуры народов СССР. М., 1982. С. 5-20.

⁸ История профсоюзов России: Этапы, события, люди. М., 1999. С. 164.

⁹ Рашин А.Г. Динамика промышленных кадров СССР за 1917-1958 гг. // Изменения в численности и составе советского рабочего класса. М., 1961. С. 21.

¹⁰ Вопросы труда в СССР. М., 1958. С. 25.

¹¹ Экономико-статистический справочник Воронежской области. Воронеж, 1936. С. 22-23.

¹² Численность рабочих и служащих и фонды заработной платы в народном хозяйстве СССР.... М., 1935. С. 8; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 374. Оп. 15. Д. 1679. Л. 1.

¹³ Аношин Э.А. Изменения в численности и составе рабочих Москвы на завершающем этапе реконструкции народного хозяйства // Вестник МГУ (история). 1977. № 3. С. 3-15.

¹ Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР 1917-1940 гг. С. 105-114.

² Елисеева В.Н. К вопросу о периодизации истории рабочего класса СУССР и источниках его формирования в 1926-1941 гг. // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 45. Воронеж, 1964. С. 65-79; она же. Привлечение рабочей силы в промышленность и строительство в 1926-1929 гг. // Известия ВГПИ. Т. 63. Воронеж, 1967, С. 40-65; Она же: Роль партийных организаций ЦЧО в проведении организованного набора рабочей силы для народного хозяйства СССР в годы первой пятилетки // Социальное развитие рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917-1937). Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Коровин Н.Р. Иваново, 1986. С. 63-78.

³ Гришаева Л.Е. Рабочие союзных республик в условиях социалистической индустриализации. М., 1982. С. 43.

⁴ Песков В. Магнитка // Комсомольская правда. 1967. 22 февраля. С. 1, 4.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 17. Оп. . 21. Д. 733. Л. 59.

⁶ Елисеева В.Н. Историография вопроса о союзе рабочего класса и крестьянства в ходе строительства Магнитогорского металлургического комбината // Историография истории создания и развития союза рабочего класса и крестьянства на Урале / Уральск. гос. ун-т; отв. ред. О.А. Васьковский. Свердловск, 1982, с. 132-143; Коровин Н.Р. Советская историография об аграрном переселении и миграции рабочей силы на Урал в 1926-1937 гг. // Там же. С. 144-150; Он же. Социалистическая индустриализация и изменения в рабочем классе Центральной России (1926-1937 гг.). Иваново, 1985; Крутова М.В. Миграция рабочих Верхневолжья в годы первых пятилеток (1928-1940 гг.): Автореф... дис. канд. ист. наук. Иваново, 2009; и др.

⁷ История профсоюзов России... С. 437, 450, 451.

⁸ Труд. 2010. 19 января. С. 1.

В.С. Околотин

Роль рабочих в реализации налоговой политики на территории Ивановской промышленной и Московской областей (1929-1931 гг.).

Период реконструкции национальной экономики или построения социализма в СССР в советской историографии в подавляющем большинстве представлен лишь исследованиями, раскрывающими производственный героизм рабочих. Длительное время этот подход являлся аксиомой научных работ. Факты, отражавшие реальную роль рабочих в «подавлении сопротивления капиталистических элементов города и деревни», умалчивались или приобретали нужную для того времени трактовку. Исключением из этого правила не стало и участие рабочих в чистке государственных, кооперативных и общественных организаций от «бюрократов и волокитчиков» осенью 1929 г., а также в массовых кампаниях по взысканию налоговой недоимки. Своевременность и необходимость таких мероприятий обосновывалась через периодическую печать. К органам, насыщенным представителями других традиций и миропонимания, не совпадающих с партийными и советскими установками, среди прочих были отнесены НКФ СССР и РСФСР, а также их структурные подразделения на местах. Основанием для удаления их послужило постановление ЦИК и Совнаркома СССР от 1 июня 1929 г. «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций»¹.

Продиктованные сверху директивы были безукоснительно приняты к исполнению на местах. Летом 1929 г. на страницах периодической печати ИПО и МО развернулась активная подготовка общественного мнения к предстоящей чистке. Значительная роль в работе по «вытаскиванию на свет бюрократов, волокитчиков, и саботажников» отводилась рабочим бригадам. Для замены вычищенных предполагалось создать на предприятиях резерв выдвиженцев из числа передовых рабочих и ускорить его подготовку»². О том, как проходила чистка финансовых органов, свидетельствуют публикации на страницах «Рабочего края», «Смычки» и «Рабо-

¹ © В.С. Околотин, 2010

чей Москвы». Так, во Владимирском окрфинотделе, по утверждению корреспондента, чистка была сорвана. «Сотрудники молчали, начальство уверяло всех в благополучии, а на самом деле налоговая политика проводилась безобразно»³. Первоначальное предположение о том, что среди служащих возникнет инициативное саморазоблачение, не оправдалось»⁴. Столкнувшись с круговой порукой, «молчаливостью», члены комиссий в большинстве округов были вынуждены использовать информацию органов ОГПУ. В Шуйском, Кинешемском и ряде других к чистке аппарата даже не приступали. На заседании оргколлегии обкома ВКП (б) ИПО 17 сентября 1929 г. предварительные результаты чистки были признаны неудовлетворительными. Такой результат не соответствовал директивным установкам центра, в связи с чем в октябре 1929 г. началась повторная чистка финотделов в Иванове, Ярославле, Владимире и Костроме, а также других городах области. В итоге в Рыбинске было арестовано 7 финработников, в том числе обвиненных в подделке документов. Аналогичные примеры имели место и в Московской области. Так 12 сентября 1929 года на страницах «Рабочей Москвы» утверждалось, что «весь аппарат Рязанского финотдела засорен чуждым элементом, а партиячки и руководители партийцы плетутся в хвосте у спецов, продавшихся кулакам и огородникам». Более же всего автора публикации возмущало то, что никто из партийцев ячейки финотдела не сообщал в партийные инстанции о наблюдавшемся искривлении налоговой политики»⁵.

В Туле даже состоялся процесс над бывшими работниками Тульского окрфинотдела. На скамье подсудимых оказался 81 человек. Им вменялось в вину недообложение частного, достигшее колоссальных размеров. «Частники развращали податливых финотдельцев взятками, подношениями и т.д. Аппарат был доведен до последней степени разложения. Пьянки и оргии на квартирах ответственных работников стали обычным явлением», говорилось на страницах «Рабочей Москвы». Как и повсеместно аппарат окротдела был обновлен за счет нескольких десятков рабочих выдвиженцев. Однако нажим на частного, утверждалось в публикации, все еще недостаточен о чем свидетельствует «недавний налет рабочих бригад на квартиры злостных недоимщиков»⁶.

В Тверском округе рабочими вагонного и механического заводов было выделено 165 человек для чистки финансового и земельного отделов. В Подольском районе в чистке приняли участие 100 рабочих механического и паровозоремонтного заводов. Для чистки Хамовнического райфо было выделено 80 рабочих, а в Пролетарском районе бригада рабочих завода АМО взыскала со злостных недоимщиков 400 тыс. руб.⁷. В не меньшей степени, был «загрязнен» и аппарат Мосфинотдела, который списал 36 млн. руб. недоимки с частных предпринимателей. Такие факты «классового перерождения аппарата и прямой измены» объяснялись работниками Мосфинотдела наличием объективных условий, «по которым, мол, частник

не в состоянии платить налоги»⁸. К февралю 1930 года из Мосфинотдела было вычищено 49 человек. Более того, упрощение структуры аппарата позволило сократить штат отдела на 324 человека или на 50% от общего числа ранее работавших в нем. Взамен вычищенных было выдвинуто 28 рабочих с производства. Одновременно перед вышестоящими органами был поставлен вопрос «о пересмотре финансово-налогового и бюджетного законодательства», поскольку действующие нормы изложены путано и для их разъяснения необходимо издание большого количества циркуляров⁹. По итогам кампании из общего количества финансовых работников с мотивировками за «искривление классовой линии», за «взятничество и злоупотребления», за «связь с классово – чуждыми элементами» и за «безосновательное списание недоимки с различных категорий налогоплательщиков» только по ИПО было вычищено около 10% работников, из них по первой и второй категориям - 70%¹⁰.

Широко практиковавшийся курс на выдвиженчество из числа рабочих себя не оправдал. Лишь единицы, смогли закрепиться в финансовых органах и с течением времени стать профессиональными специалистами своего дела. В октябре 1929 г. Рыбинского окружком ВКП(б) констатировал следующее: «В результате приема в аппарат 23 новых работников, а также неукомплектования его по отдельным должностям, имеется снижение квалификации и технических навыков в целом». Среди сотрудников отмечены «моменты некоторой пассивности, нервного состояния, проявления неправильных взглядов по отношению к делу выдвижения в фиаппарат рабочих с производства»¹¹.

Очищенный «от разложившихся и потерявших классовое чутье» специалистов аппарат НКФ был нацелен на активное взимание налоговых платежей и налоговой недоимки. В начале декабря 1929 г. облфинотделу ИПО совершенно секретным циркуляром НКФ РСФСР было поручено, опираясь на помощь органов прокуратуры и ПП ОГПУ, провести на территории области мероприятия по решительной ликвидации недоимочности в частном секторе»¹². Они были приурочены к юбилею И.В. Сталина и, по сути, носили чрезвычайный характер для того времени. Операция готовилась в режиме строжайшей секретности, без оповещения даты ее проведения, одновременно на территории 7 округов ИПО. Состав участников операции формировался из финансовых работников-членов ВКП(б), сотрудников милиции, ОГПУ и рабочих. Бригады создавались с таким расчетом, чтобы их число позволило обеспечить одновременное проведение обысков у всех недоимщиков. Расписывался также порядок сбора лиц, намеченных для участия в «ударнике», их инструктаж, а также механизм изъятия денег, драгоценностей и ценного имущества.

В «Инструкции о порядке производства обысков у недоимщиков налогов и сборов» утверждалось, что «обыска должны проводиться не только в жилых, но и хозяйственных помещениях, а также в помещениях, исполь-

зуемых другими лицами, если стало известно, что там хранится имущество, принадлежащее недоимщику». Членам бригад, осуществлявшим проведение обысков, «разрешалось взламывать запертые помещения, сундуки, шкафы, шкатулки и пр. В случае отказа владельцев их открывать добровольно, ... проводить личный обыск должников, а стоимость подвергнутого изъятию имущества оценивать приблизительно через понятых».

Установки области дополнялись инициативами на местах. Так, в Ярославском округе «тройкой» было решено: «Поручить фининспектуре, уголовному розыску и ЭКО ОГПУ проверить агентурные материалы на недоимщиков прошлых лет, таковые представить к 15 декабря с.г. оперативной тройке. Одновременно с этим вменить в обязанности фининспектуре в городе и на местах усилить сеть осведомителей, а там, где таковая не имеется, немедленно организовать».

19 декабря 1929 года в исполкоме ИПО состоялось совещание, на котором были подведены итоги подготовительной работы, сформирована на время проведения операции руководящая тройка (Полномочный представитель ОГПУ по ИПО Г.А. Молчанов, заведующий областным финансовым отделом Э.Г. Райхман., прокурор области Л.А. Соснин.). На места в целях «обеспечения единства установок и методов» были откомандированы уполномоченные в количестве 110 человек, подобранные из числа рабочих, преимущественно членов партии.

В соответствии с указаниями, поступившими из области, 20 декабря повсеместно, с соблюдением мер конспирации, были собраны участники операции. Старшие бригад обеспечивались ордерами и необходимой документацией и тут же направлялись по указанным адресам для проведения обысков, описи и изъятия имущества, принадлежавшего недоимщикам. В операции на территории ИПО в общей сложности было задействовано 6962 чел., из которых рабочие составляли 4071 человек или 58,5%, остальные - 41,5% - приходились на работников финансовых отделов, курсантов финансовых и юридических курсов, сотрудников милиции, а в сельской местности – на батраков и крестьян – бедняков. С их участием в городах и районах области было произведено 4376 обысков, из них в г. Иваново-Вознесенске - 450, в округах: Владимирском - 716, Ярославском - 970, Костромском - 340, Кинешемском – 961, Шуйском – 350, Рыбинском – 402, Александровском – 190.

По свидетельству членов областной тройки операция показала, что основная масса недоимщиков являлась в большей своей части платежеспособной. Частный капитал в своем сопротивлении быстро приспособился к существующему законодательству, методам работы финансовых органов и научился уклоняться от выполнения налоговых обязательств. Налоговый аппарат не владел достоверной информацией о торговых оборотах и доходах частных, что приводило к их недообложению, накоплению неучтенных материальных ценностей. Привлечение рабочих и крестьян к данной

операции тройкой расценивалось «как крупное политическое достижение, которое должно быть всемерно закреплено», а практика использования рабочих бригад должна применяться финаппаратом в дальнейшей работе по энергичному наступлению на частнокапиталистические элементы. Согласно архивным документам, «рабочая общественность чутко отнеслась к проведению операции». Ее участники «проявляли в работе максимум энергии и политической сознательности». Имелись случаи, когда рабочие и работницы, возвратившись утром с обысков, проработав беспрерывно всю ночь, просили дать им новые ордера. Более того, около 100 рабочих областного центра, присутствовавших на торжественном заседании, посвященном юбилею секретаря ВКП(б) И.В. Сталина, добровольно согласились принять участие в «ударнике» с целью восполнения недостающего количества людей. В свою очередь «некоторые финансовые работники называли эту операцию грабежом и мародерством, открыто заявляли свое несогласие с такой политикой и очень сожалели, что участвовали в подготовке кампании»¹³.

В начале февраля 1930 г. горфинотделом была осуществлена аналогичная операция в отношении владельцев пригородных огородных хозяйств Иваново-Вознесенска. Как и предыдущая, она была подчинена задаче полного взыскания с частника платежей по промысловому и подоходному налогам. Было проведено 26 обысков, в процессе которых описывались дома и домашний скот, подвергалось изъятию имущество, продукты, сберегательные книжки, деньги и ценные бумаги, золотые и серебряные изделия, а также другие драгоценности. В ней участвовало 35 сотрудников милиции, 13 сотрудников городского финансового отдела и 44 курсанта финансовых курсов»¹⁴.

Необходимо сказать, что такие масштабные операции не были исключительной особенностью лишь ИПО. В начале января 1930 г. в «Известиях» была опубликована информация об аресте Московской областной прокуратурой 95 спекулянтов. Эта акция была проведена при помощи 150 рабочих, выделенных крупнейшими московскими фабриками и заводами. С их помощью прокуратура произвела обследование 85 частных торговых предприятий, в отношении которых имелись сведения об осуществлении ими спекулятивной деятельности. В результате у торговцев было изъято значительное количество меди, латуни, ленточной стали, баббита, импортных красок, мануфактуры и кожи синдицированной промышленности. Всего по предварительным подсчетам на сумму свыше двух миллионов рублей. Эти товары были закуплены торговцами в государственных организациях и перепродавались другим государственным предприятиям «с мародерскими накидками 100-200%». В целях пресечения указанной деятельности прокуратура опечатала 81 частное торговое предприятие, арестовала 95 крупных торговцев и наложила арест на несколько десятков жилых помещений. К уголовной ответственности предполагалось при-

влекать и работников государственных и кооперативных организаций за незаконный отпуск частникам дефицитных товаров»¹⁵. Во второй половине января следствие по большинству дел прокуратурой было закончено. Значительная часть дел была передана в особую камеру народного суда, а наиболее крупные из них предполагалось рассматривать в показательном порядке. Для подготовки общественного мнения на многих фабриках и заводах Москвы работники прокуратуры выступили с докладами о предварительных итогах следствия по делам спекулянтов. Как информировали «Известия», всюду рабочими были приняты резолюции, требующие суровых мер в борьбе со спекуляцией и одобряющие действия прокуратуры по борьбе со спекуляцией»¹⁶.

Весна 1930 г. проходила под лозунгом исправления самых различных перегибов и ошибок, допущенных в различных сферах деятельности советского государства, в том числе и налоговом обложении населения. В апреле 1930 г. НКФ РСФСР разослал на места циркуляр, осуждавший перегибы в финансовой работе. Тем не менее, борьба с недоимками в городах и сельской местности по-прежнему признавалась одним из слабых участков финансовой работы. Для его преодоления финорганам было предложено изучить причины накопления недоимок, отменить дообложение, пересмотреть совместно с рабочими бригадами и списать явно безнадежные недоимки, ставшие результатом произвольного установления оборотов и доходов кустарей. Несмотря на декларируемое осуждение перегибов в налоговой работе, за первое полугодие 1930 г. на территории области за уклонение от уплаты госпошлин и налогов было осуждено 1389 человек. Большинство из них были приговорены к различным срокам принудительных работ и 34 человека к высылке»¹⁷.

В течение февраля – марта 1931 года по области вновь прокатилась волна широкомасштабных операций по взысканию просроченных населением налоговых платежей. В соответствии с директивой облфинотдела такая операция была проведена 19 февраля 1931 г. в Иваново-Вознесенске, Кохме и прилегающей к ним сельской местности. Она была приурочена к открытию второго съезда Советов ИПО. Как и ранее, взыскание недоимки осуществлялось с участием прокуратуры, народного суда, ПП ОГПУ и милиции и рабочих»¹⁸. В ходе проведения операции предполагалось провести обыски у 94-х должников с целью взыскания с них недоимки на сумму 433 тыс. рублей. Для участия в ней было привлечено 93 человека, из них 44 рабочих, 34 милиционера и 15 сотрудников горфинотдела. Итог операции был незначителен. Ее участникам удалось взыскать лишь 15 тыс. рублей. Тем не менее, это не помешало заведующему горфинотделом В. Михонину рассказать об операции как передовой форме работы с недоимщиками на одном из совещаний финансовых работников, организованном НКФ СССР.

25 февраля 1931 года в десяти районах области, в том числе Костроме, Ярославле, Рыбинске и др., был проведен так называемый «однодневник» - очередная операция по ликвидации недоимки с частного сектора. Она дала существенные результаты. Только по данным 6-ти райфинотделов из предъявленной к взысканию недоимки в размере 3117,9 тыс. руб. обеспечено к взысканию 1662 тыс. руб. или 52,4% от ее общей суммы. Из них наличными деньгами получено 61 284 руб., облигациями 8181 руб., имуществом 483 776 руб., в том числе скотом 105 387 руб. и строениями 1 109 165 руб. Анализ отчетов об итогах операции позволяет утверждать о различных подходах к его проведению на местах. В частности, Костромским горфинтделом выявлено лишь 54 недоимщика с задолженностью на сумму 259 тыс. руб. В операции по ее взысканию участвовали 320 человек. В результате удалось обеспечить к взысканию только 24 тыс. руб. или 9,1% от начисленной суммы. Напротив, в Родниковском районе, намного уступавшем Костроме по налогооблагаемой базе, эта операция прошла более результативно. Было проведено 654 обыска с участием 1493 человек. Изъято денежных средств и составлено описей имущества на сумму 176 тыс. руб. или 55% от суммы запланированной к взысканию. Можно лишь предполагать о причинах столь разного подхода к выполнению установок области. Не исключено, что значительную роль при этом сыграло отношение местных руководителей к самой форме мероприятий по взысканию просроченных населением налоговых платежей. Об этом свидетельствуют и секретные директивы того времени. Так, в совместном циркуляре облпрокуратуры и облфинотдела от 11 марта 1931 г. говорилось о том, что «финорганами не только не взяты необходимые темпы в этой важнейшей работе», а наоборот они «встали на путь наименьшего сопротивления и вместо организации энергичной работы по взысканию проводят ликвидацию недоимок преимущественно за счет сложения их со счетов». Такой способ ликвидации недоимки, утверждалось в циркуляре, должен быть решительно отвергнут и устранен из практики работы финорганов. Более того, для выполнения поставленных «партией и правительством задач по мобилизации средств для выполнения финплана 3-го решающего года пятилетки финорганы должны немедленно добиться решительного перелома и перестроить всю свою работу по ликвидации недоимочности за частнокапиталистическими элементами». С этой целью заведующим райфо и райпрокурорам 11 районов (Ростовского, Середского, Гаврилов-Посадского, Нерехтского, Кольчугинского, Суздальского, Буйского, Вичугского, Юрьев-Польского и Киржачского) предлагалось «в самом срочном и ударном порядке, пользуясь громадным опытом кампании 20 декабря 1929 г. покончить с недоимочностью путем применения системы тщательных обысков, изъятий и наложения арестов на обнаруженное у недоимщиков имущество». Проведение операции было назначено на 25 марта 1931 г. Отступления от указанного срока не допускалось. Как и прежде, в

ее проведении планировалось задействовать рабочие бригады. В этой связи меры взыскания не рекомендовалось распространять на членов профсоюза, рабочих, служащих, кустарей одиночек, членов кустарно-промысловых артелей и т.д. Разработанная облфинотделом инструкция проведения операции состояла из 8 разделов и охватывала весь процесс от организации рабочих бригад и их инструктажа до сдачи ими ценностей и наличных денег в Госбанк, а также дальнейшей ликвидации описанного имущества и рассмотрения жалоб. Организация последовательности проведения обысков была возложена на райфинотделы с таким расчетом, чтобы в первую очередь были охвачены крупные недоимщики и кулацкие хозяйства. Во избежание сбоев в работе по взысканию недоимки весь материал, имевшийся в распоряжении райфо, надлежало предварительно проработать с ОГПУ и милицией на предмет имущественного положения недоимщика и места нахождения его имущества. Розыск имущества должен быть проведен во всех помещениях недоимщика (в доме, во дворе, сараях, амбарах, подполье, на чердаках и т.д.). Особое внимание рекомендовалось обратить на тщательный осмотр сундуков, шкапулов, шкафов и находящихся в них предметов. Всякого рода ценности, как-то: «изделия из благородных металлов, драгоценные камни, облигации» подлежали изъятию с внесением в акт описи без обозначения их стоимости, но с указанием подробных примет. Личные обыски рекомендовалось производить в первую очередь с целью изъятия имеющихся у недоимщиков и членов его семьи всяких ценностей и документов. Сберегательные книжки предписывалось оставлять у владельцев. При этом рекомендовалось секретно выписывать данные о номере кассы и книжки, а также сумме вклада с тем, чтобы «райфо немедленно поставил вопрос перед прокурором о наложении ареста на вклад». К предметам религиозного культа (крестам, иконам) надлежало относиться осторожно. Ризы из благородных металлов подлежали снятию с икон только самими недоимщиками, осуществлять такие действия членам бригады даже в случае отказа недоимщика выполнить данное требование запрещалось.

Продуктивный и рабочий скот во всех без исключения случаях подлежал изъятию, и вместе с фуражом его надлежало передавать временно в колхозы, совхозы и молочные фермы кооперации для дальнейшей реализации. Хлебные запасы, мануфактура и другие товары также подлежали изъятию и передаче в кооперативные организации. Всякие попытки со стороны недоимщика помешать производству обыска рекомендовалось пресекать путем вызова сотрудников милиции и его ареста¹⁹.

Можно и дальше обсуждать положительные и отрицательные стороны таких кампаний, их масштабность и организацию, значимость для государственного и местного бюджетов. Важно лишь одно: по формам и методам проведения они носили чрезвычайный характер и были продиктованы скорее не экономической, а политической целесообразностью. Осуще-

ствляемые в форме грубейшего произвола они представлялись как вынужденные меры со стороны государства. Одновременно с сотрудниками органов ОГПУ и милиции в массовых кампаниях по чистке государственного аппарата и борьбе с недоимкой рабочим отводилась ключевая, но далеко не свойственная им роль. Тем не менее, именно так понималось предназначение рабочих в мероприятиях, проводимых под лозунгом «подавления сопротивления капиталистических элементов города и деревни» в те годы.

¹ Рабочий край. 1929. 4 июня.

² Рабочий край. 1929. 17 августа

³ Рабочий край. 1929. 13 августа

⁴ Рабочий край. 1929. 20 сентября

⁵ Рабочая Москва. 1929. 12 декабря

⁶ Рабочая Москва. 1930. 5 января

⁷ Рабочая Москва. 1930. 14 января

⁸ Рабочая Москва. 1929. 26 сентября

⁹ Рабочая Москва. 1930. 28 февраля

¹⁰ Рабочий край. 1929. 22 октября

¹¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф.Р.- 1698. Оп.1. Д.2.Л.30

¹² ГАИО. Ф.Р.- 1698. Оп.1. Д.1.Л.1

¹³ ГАИО. Ф.Р.- 1698. Оп.1. Д.1.Л.3-43

¹⁴ ГАИО. Ф.Р.- 1698. Оп.1. Д.1.Л.66

¹⁵ Известия. 1930. 3 января

¹⁶ Известия. 1930. 21 января

¹⁷ ГАИО. Ф.Р.- 1698. Оп.47. Д.5. Л.36,37

¹⁸ ГАИО. Ф.Р.- 1698. Оп.1. Д.5. Л.24-25

¹⁹ ГАИО. Ф.Р.- 1698. Оп.1. Д.8.Л.9-35

Н.Н. Нестеренко

Жилищные условия рабочих г. Костромы (по материалам обследования быта рабочих Этнологической Станции Костромского Научного Общества)

Жильё – это важнейшая составляющая жизни любого человека. Качество жилья, его размеры, санитарное состояние и обустройство всегда непосредственным образом отражались на работоспособности человека, его здоровье и жизни в целом. Именно поэтому интерес к изучению жилищ и, в частности, быта людей, как неотъемлемой части нашей жизни, существовал всегда.

Вопросом изучения быта рабочих в конце 20-х годов XX века занялась Этнологическая Станция Костромского Научного Общества. Она провела значительную работу по изучению быта костромского текстильщика. Основной целью этой работы был сбор и изучение конкретного бытового материала, а так же выявление изменений в жизни рабочих, произошедших после революции 1917 года ¹.

¹ © Н.Н. Нестеренко, 2010

Эта большая по объёму и актуальная задача могла быть выполнена лишь при условии вовлечения в краеведческую работу широких масс населения, в т.ч. через сеть культурно-просветительских учреждений, профсоюзных организаций, а также фабрично-заводских предприятий. Однако главным лозунгом было: Изучение быта рабочих силами самих рабочих². Следует отметить, что, не имея какого бы то ни было предшествующего опыта и образцов в этом направлении, Станция, прежде всего, должна была разработать основные методы и формы работы. В результате Станция развернула свою работу по трём основным направлениям. Были организованы кружки по изучению быта (например, при клубах), проводилось анкетное обследование со стороны, в частности в форме культпоходов, а также распространение среди рабочих специально составленных анкет, в этом могли участвовать отдельные лица из среды рабочих или близко стоящие к рабочей среде³. Таким образом, все эти меры в итоге помогли собрать ценнейший фактический материал.

В 1929 году в Костроме вышла в свет специальная Программа по изучению быта рабочих, изданная Этнологической Станцией Костромского Научного Общества. В ней указывалось, что «в интересах улучшения жизни рабочих необходимо внимательное и серьёзное изучение рабочего быта и учёт тех условий, благодаря которым сложился и под влиянием которых изменяется рабочий быт»⁴.

Указанная программа предлагала изучать быт костромских рабочих в 3 разрезах: 1) Быт производственный; 2) Быт домашний (частный); 3) Быт общественный⁵. Каждую из этих составляющих быта необходимо было осветить не только по состоянию на момент обследования, но и, по возможности, дать оценку прошлому, дореволюционному положению, отметить последовательно изменение быта под влиянием политических, экономических и технологических моментов.

В данной работе мы уделим внимание такому разделу исследования, как «Домашний быт рабочих» и в частности – вопросу жилищных условий. В фондах Костромского музея-заповедника нам удалось познакомиться со специальными анкетами по изучению быта рабочих, а также с «сочинениями» рабочих – записями, сделанными отдельными исследователями, со слов самих рабочих. Наиболее массовым источником являются анкеты. Анкеты строились следующим образом. Каждая анкета включала 20 вопросов, сюда входили вопросы о составе семьи, месте работы, общей сумме доходов в месяц, о месте проживания (общежитие, ЖАКТ, частная квартира, дом) и его описании, есть ли там какие-либо коммунальные услуги и хозяйственные постройки, вопросы о внутреннем убранстве помещения и отношениях с соседями, а также вопросы, касающиеся одежды и питания рабочих. Был в анкете и ещё один важный вопрос, в котором предлагалось сравнить условия жизни до революции и теперь, на момент обследования.

Анкетным и индивидуальным («сочинения») обследованием было охвачено большое количество рабочих семей, проживавших на тот момент в посёлках «Безбожник» и «Начало», в Доме Труда, Доме Текстильщика, в коммунальных домах, на частных квартирах, в собственных домах, а также в деревнях. Условия жизни этих людей были разными, но, как правило, их трудно было назвать комфортными. По большей части здания и помещения, в которых проживали рабочие с семьями, были ветхими, каменными или деревянными, сырыми, тёмными. Так обстояло дело с домами в посёлке «Безбожник», принадлежавшими ЖАКТу. Известно, что этот рабочий посёлок был устроен в 1919 году после закрытия Богоявленско-Анастасьинского кафедрального собора г. Костромы. Рабочие отмечали, что здание, в котором они проживали, было кирпичным ветхим, с деревянными полами, потолок и стены белёные, некоторые семьи жили в подвале⁶. Условия проживания в самом помещении также были неодинаковыми. Некоторые указывают, что помещение было холодным, сырым, тёмным⁷, нередко отмечалось, что помещение грязное. Другие же, напротив, заявляли, что помещение сухое, чистое, здоровое, тёплое и крепкое⁸. Величина комнат была разная, высота потолков – 3-4 метра. Как правило, в доме была русская печь, освещение электрическое или же керосиновое, как и многие в тот период, жители этого посёлка брали воду с водокачки, а затем хранили её в комнате или на кухне в ведрах⁹. Кухня была отдельная, на одну хозяйку, реже на двух. Однако часто указывалось, что кухня была не отгорожена перегородкой от комнаты, поэтому пищу фактически готовили в комнате¹⁰. С хозяйственными службами при квартирах также было неодинаково. Кто-то имел чулан, кто-то погреб один на три семьи, кто-то отдельную сарайку, но даже при наличии таковых часто всё продовольствие, домашнюю утварь и одежду предпочитали хранить в комнате¹¹. Отвечая на вопрос о сравнении условий жизни до революции и на момент обследования, мнения рабочих разделились. Многие говорили, что до революции жили лучше, но всё, в т.ч. жильё, было дорогим¹². Немало и тех, кто говорил, что до революции во всех отношениях жили хуже. Один из рабочих пишет: «По воспоминаниям моей матери в жилищных условиях, она говорила, что раньше было хуже – было в квартире много постояльцев, т.к. отдельных квартир было мало»¹³. Так обстояло дело с жилищными условиями костромских рабочих в посёлке «Безбожник».

Прогрессивным по сравнению с «Безбожником» был рабочий посёлок «Начало». Все дома этого посёлка были одноэтажными деревянными, прочными, располагались достаточно высоко над землей. В каждом доме имелось 2-4 печи (русские и голландские). В самих помещениях было тепло, сухо, чисто и светло¹⁴. Потолок окрашен, пол – нет, стены отштукатурены (но не везде). В домах было электрическое освещение, вода бралась либо из водокачки, либо из колодца и хранилась затем в ведрах¹⁵. Следует отметить, при всех домах имелись хозяйственные помещения – сарай, по-

греба, чуланы и чердаки. Все припасы хранились в чуланах и сараях ¹⁶. В некоторых домах имелось радио ¹⁷. По отзывам рабочих, живших в этом посёлке, условия жизни стали намного лучше, чем в дореволюционное время, раньше жили в тесных сырых квартирах ¹⁸.

Немало рабочих жило и в Доме Труда. Дом, по их воспоминаниям, был пятиэтажный кирпичный, прочный. Отмечалось, что само помещение было хорошее, тёплое, светлое, чистое, кухня - одна на весь этаж. Стены и потолок отделаны простой белой краской либо отштукатурены. Все семьи располагались в комнатах с одинаковой площадью – 18 метров, иногда на этой площади проживало две семьи ¹⁹. В комнате имелось одно окно. В доме также было паровое отопление, водопровод и электричество. Погреб предполагался один на несколько комнат, все продукты хранились в коридоре в шкафу ²⁰. Сравнивая жилищные условия, большинство рабочих отмечают, что они либо не замечают никакой разницы по сравнению с дореволюционным периодом, либо пишут, что жить в этом доме лучше, т.к. «на старой квартире было холодно и сыро, а здесь все удобства» ²¹. Вместе с тем мы встречаем и такое мнение: «Живу здесь 13 лет, жить на частной квартире удобней, здесь много беспокойства. Шум, гам скандалы и т.п.» ²².

Дом Текстильщика также считался благоустроенным. Здание было трёхэтажным кирпичным, с большими окнами. Практически все рабочие отмечают, что помещение сухое, чистое тёплое, в некоторых комнатах зимой холодно и сыро ²³. Пол был деревянным, крашеным, стены и потолок - отштукатурены. Пища готовилась на плите в общей кухне, которая, как правило, была рассчитана на 3 хозяйки. В доме имелось паровое отопление, электричество и водопровод. При доме были отдельные чуланы, сараи общие на две семьи, но, по отзывам самих рабочих, они были очень «плохие и никуда не годились» ²⁴. Погребов не было. Небольшой запас продовольствия хранили на кухне. Воспоминания о жизни до революции разные. Многие пишут, что их нынешняя жизнь практически ничем не отличается от дореволюционного периода, но, тем не менее, стало немного лучше и проще ²⁵.

Большое количество рабочих и их семей по-прежнему жило в коммунальных домах, т.е. домах принадлежащих Горкомхозу. Жилой фонд Горкомхоза, как правило, был очень разнообразным, но по большей части это были старые, ветхие, сырые, холодные деревянные или смешанные (кирпичные и деревянные) дома с маленькой кухней на несколько хозяек и маленькими комнатами. В таких домах обычно была русская печь, имелось электричество, вода бралась из водокачки и хранилась в вёдрах. Были при домах и хозяйственные службы – сараи, погреба, чуланы ²⁶.

Не редки были и случаи, когда рабочие жили на частных квартирах. Арендруемые помещения опять-таки разнились. Кто-то жил в более или менее прочных, тёплых и сухих домах, а кто-то ютился в сырых и холодных комнатах. Отопление в таких домах было, как правило, печное, еду гото-

вили также в печи. Освещение было либо керосиновое, либо электрическое, а вода бралась из водокачки²⁷. При таких домах почти всегда были сараи, погреба и чуланы. Один из рабочих указывал: «В сарае хранятся дрова, в погребе – пустые кадки и ненужное тряпье, в чулане – мука, крупа и т.д.»²⁸.

Немало рабочих по-прежнему жило в своих собственных домах, как в деревнях, так и в самом городе. Чаще всего это были одно- или двух-этажные деревянные дома. Состояние помещений было различным. Кто-то отмечал, что в доме сухо, тепло, чисто²⁹, а кто-то, напротив, сообщал, что помещение сырое холодное ветхое и требует ремонта³⁰. В таких домах имелось 1-2 печи, воду брали либо из реки, либо с водокачки, либо из общего колодца, освещение керосиновое или электрическое. При домах имелись хозяйственные постройки – чуланы, сараи, кладовки.

Характеризуя жилищные условия костромских рабочих, также хотелось бы остановиться на внутреннем убранстве помещений. Как правило, во всех квартирах и комнатах были кровати, стулья, столы, этажерки, посудники и комоды³¹, часто в комнатах были самовары (1-2 самовара на одну семью), швейные машины, радио и музыкальные инструменты³². Среди последних упоминаются гармонь, балалайка и гитара. Практически у всех рабочих в комнатах были различные цветы (столетник, фикус, герань, Ванька мокрый, розан), на окнах – занавески, на полу – половики, на стенах обычно висели портреты вождей революции: Ленина, Сталина, Рыкова, Калинина, Дзержинского³³, картины («Шефы в деревне» и другие)³⁴, фотографии родных и членов семьи³⁵. Нередко с портретами вождей соседствовали и иконы³⁶. Некоторые рабочие сообщали, что они имеют свою библиотеку, а также пользуются общей библиотекой.

Таким образом, мы видим, что условия жизни людей были далеко неодинаковыми. Изучением был охвачен быт рабочих семей, живущих в разных жилищных условиях, разного достоинства, культурного уровня и происхождения. Вывести общую формулу того, в каком из указанных видов жилищ жить было лучше – трудно, да и нет такой необходимости. Мы наглядно увидели, что даже в рамках одной условной группы жилищ были большие разбросы в плане качества жилья, наличия хозяйственных построек и т.д.

¹ Программа по изучению быта рабочих. Издание Этнологической Станции Костромского Научного Общества. Составители: Л. Кितिцына и В. Смирнов. Кострома, 1929. С.1.

² Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (далее КМЗ). КОК 40649. Черновик отчёта Е.Полянской «О методах и формах по изучению быта рабочих». Кострома, 1930. Л.1.

³ Там же. ЛЛ.1, 1 об.

⁴ Программа по изучению быта рабочих... С.1.

⁵ Там же. С. 2.

⁶ КМЗ КОК 38740/33. Л.1.

⁷ КМЗ КОК 38740/16. Л.1 об., 38740/23. Л.1 об.

⁸ КМЗ КОК 38740/18. Л.1 об., 38740/17. Л.1 об.

-
- ⁹ КМЗ КОК 38740/35. Л.1 об., 38740/15. Л.1 об.
¹⁰ КМЗ КОК 38740/16. Л.1 об., 38740/24. Л.1 об.
¹¹ КМЗ КОК 38740/18. Л.1 об., 38740/25. Л.1 об., 38740/32. Л.1 об.
¹² КМЗ КОК 38740/18. Л.2 об., 38740/21. Л.2 об., 38740/36. Л.2 об.
¹³ КМЗ КОК 38740/16. Л.2 об.
¹⁴ КМЗ КОК 38740/13. ЛЛ.1, 1 об., 38740/14. ЛЛ.1, 1 об.
¹⁵ КМЗ КОК 38740/1. ЛЛ.1, 1 об.
¹⁶ КМЗ КОК 38740/13. Л.1 об.
¹⁷ КМЗ КОК 38740/5. Л.1 об.
¹⁸ КМЗ КОК 38740/1. Л.2 об.
¹⁹ КМЗ КОК 38740/45. Л.1.
²⁰ КМЗ КОК 38740/44. Л.1 об.
²¹ КМЗ КОК 38740/48. Л.2 об.
²² КМЗ КОК 38740/49. Л.2 об.
²³ КМЗ КОК 38740/70. ЛЛ.1, 1 об.
²⁴ КМЗ КОК 38740/66. Л.1 об.
²⁵ КМЗ КОК 38740/62. Л.2 об., 38740/64. Л.2 об., 38740/69. Л.2 об., 38740/72. Л.2 об.
²⁶ КМЗ КОК 40616/2. ЛЛ.1, 1 об.
²⁷ КМЗ КОК 38740/ 10. ЛЛ.1, 1 об.
²⁸ КМЗ КОК 40616/1. Л.1 об.
²⁹ КМЗ КОК 40616/37. ЛЛ.1, 1 об.
³⁰ КМЗ КОК 40616/35. ЛЛ.1, 1 об.
³¹ КМЗ КОК 38740/64. Л.1 об., 38740/59. Л.1 об., 40616/2. Л.1 об.
³² КМЗ КОК 38740/16. Л.1 об., 40616/4. Л.1 об.
³³ КМЗ КОК 38740/1. Л.1 об.
³⁴ КМЗ КОК 38740/63. Л.1 об.
³⁵ КМЗ КОК 38740/64. Л.1 об., КМЗ КОК 38740/16. Л.1 об.
³⁶ КМЗ КОК 38740/62. Л.1 об., 38740/35. Л.1 об., 38740/3. Л.1 об.

В.С. Околотин

«Берлинер Тагеблатт» о реализации «идеала нового пролетарского бытия» в «текстильном районе Иваново-Вознесенска» (июль 1929 года).

Государственные архивы по-прежнему содержат значительный пласт исторической информации ранее не востребованной в силу различных причин. В ряде случаев это уникальные документы, изучение которых позволяет наполнить региональную историю новым содержанием, отличным от устоявшейся точки зрения. К таким находкам следует отнести перевод статьи немецкого корреспондента П. Шеффера под названием «Работа в текстильном районе Иваново-Вознесенска», опубликованная в двух номерах «Берлинер Тагеблатт» в июле 1929 года. Как следует из делопроизводственных материалов НКФ СССР, внимание на эту статью обратила генеральная агентура за границей (структурное подразделение НКФ СССР в Берлине), которая вместе с вырезками из других немецких периодических изданий направила ее в СССР замнаркому финансов М.И. Фрумкину и начальникам валютного и планово-экономического управления НКФ СССР.

На сопроводительном документе имеется резолюция М.И. Фрумкина «Дать перевести 2 статьи Шеффера из Иваново-Вознесенска»¹. Перевод был выполнен довольно быстро, его подлинник с правками переводчика т. Флуга хранится в Российском Государственном архиве экономики в фонде НКФ СССР №7733. Статья П. Шеффера вполне логично структурирована и разделена на ряд смысловых частей, посредством которых автор пытается раскрыть процесс реализации «идеала пролетарского бытия в «текстильном районе Иваново-Вознесенска». С целью сохранения неповторимого колорита суждений автора статьи, ее перевод приводится без сокращений в соответствии с первоисточником:

«Подъем – Регулирование труда – «Молот или наковальня?» - Коммунистическое руководство – Малоценна ли подобная система организации труда?

«Иваново-Вознесенский район» в нескольких ста верстах северо-восточнее Москвы, является центром текстильного производства Союза, так как Лодзь теперь отошла к Польше. Уже в течение столетий в прежних Ярославской и Владимирской губерниях пряли, ткали и печатали ситцы. Большие излишки здешнего преимущественно живущего лесом крестьянского населения настоятельно требовали промышленного применения. Перед предпринимателями также в большинстве случаев крестьянами они были довольно беззащитны. До революции этот текстильный «сеттлемент» – Иваново с его 85203 жителями не имел собственного управления. Господами были фабриканты, полиция и губернатор находились во Владимире. Здесь уже давно были построены большие фабрики, так же как и в соседних лесных губерниях. Технический уровень был высок. Здесь также развивалась культура и цивилизация, но иначе чем в нынешнем рабочем государстве. Здесь существовали уже и тогда больницы, квартиры, библиотеки, но в порядке частной благотворительности, зачастую пользование ими было бесплатным. Многие носило патриархальный характер, но все было авторитарно. Это наследие и приняла коммунистическая революция. Она смело за него взялась.

Но, прежде всего она была связана тем, что фактически имелось. Нужно было работу возобновить и расширить, как можно скорее. Крестьянское и городское население требовало товаров. Оно продолжает требовать их и ныне. Новые капитальные устройства были сначала тесно связаны с уже существующими местами производства. Но нужно было расширяться. Так возникли большие фабричные здания в разных частях города. В настоящее время в нескольких километрах от города строится колоссальная новая фабрика «Меланж», в которой по последнему слову техники в одном здании будет производиться весь процесс производства ситца. На ней будут заняты 11 тыс. рабочих. Она будет готова к 1931 году. Любовь коммунизма к централизации во всем отразилась и здесь. И уже отстроен огромный склад, с которого будут рассылаться все текстильные товары

Иваново-Вознесенска. Обращают на себя внимание огромные размеры продукции, предназначенные для экспорта. Разумеется, энергия будет передаваться из одного только источника – центральной электростанции на торфу построенной Крупном и ныне пущенной вход. В 30 верстах на болоте строится еще более мощная электростанция для всего образованного из 3-х прежних губерний Иваново-Вознесенского района. Производит впечатление, что концентрация предприятий дошла до возможно высшего предела.

Самый большой текстильный трест 1-й Государственный текстильный трест имеет в настоящее время 39932 веретена против 31204 имевшихся веретен в Иваново-Вознесенском районе до войны, производит 646 млн. кв. метров хлопчатобумажной ткани против 472 млн. кв. метров до войны, при труде 91254 рабочих против 57000 до войны. Этот трест оказался самым мощным. Несмотря на то, что советское хозяйство уже с самого начала планируется, факт успешной работы треста не является самоочевидным. На втором месте стоит «Ивтрест». И он располагает тысячами веретен и большими новыми зданиями. Эти цифры лучше всего выражают, с каким напряжением идет работа. Я посетил все вновь открытые за последние три года фабрики, а также многие старые. Интенсивность труда, насколько можно судить большая. Чистота и порядок несомненны. Пролетарские лица с оттенком усталости от бесконечного однообразия работы, как и повсюду! Какова роль человека в этом социалистическом строительстве – это как раз интересно, а не статистические данные.

Управление (это принцип для всего нового фабрично-заводского строительства) помещается в самой фабрике. Там же находятся фабричные профсоюзные организации, больничная касса, места по выдаче зарплаты. Главное здесь наивозможно большее сближение между ответственными работниками и рабочими. Руководит фабрикой, во всяком случае, коммунист – «красный директор». Он в первую голову отвечает за работу фабрики перед вышестоящими органами. Но в то же время фабрика есть фабрика пролетариев для пролетариев и «красный директор», так сказать первый рабочий среди них. Так, по крайней мере, должно быть. Его задача, таким образом, двойная и кажется двойственной. Он должен с одной стороны поднимать производительность фабрики до уровня (которые не знают) капиталистических стран. Одновременно он должен доказывать рабочим путем поднятия их жизненного уровня и условий труда, которых мир до сей поры также не знал, что они настоящие хозяева фабрики, что фабрика служит им. Он их исполнитель. За этим следует фабком, как за техническим руководством наблюдает В.С. народного хозяйства через свои органы. Но и рабочие имеют право на инициативу и контроль в соответствии с общими принципами советского государства. Отсюда видно, с какими трудностями связана успешная работа красного директора. Назначение на эту должность является одним из самых трудных вопросов, самой по себе

трудной проблемы людского состава. Эти крупные государственные служащие одеваются и живут, разумеется, почти совершенно так же, как и простые рабочие. Их зарплата вдвое превышает максимальную зарплату рабочего и поэтому соблазн обуржуазиться невелик. Почти все красные директора из рабочих. Требования о снижении себестоимости, о рационализации – эти постоянные требования со стороны государства, как предпринимателя, не только являются камнями преткновения для недостаточно знающих, но они также и переkreщаются с притязаниями победителя революционного рабочего на значительно более лучшую жизнь, на значительное облегчение давления со стороны самого трудового процесса. Только сама жизнь, при очень разумной и энергичной политике, руководимой определенными принципами, может создать здесь равновесие. Рабочие выявляют себя не только через свои фабкомы. Очень сильны профсоюзы. Профсоюзная линия доходит до самых вершин власти, проходя по всей партии, по всему соваппарату и подчеркивая при этом интересы рабочих в ущерб интересам самого труда. Превышение доходов над расходами первого треста в прошлом году составили 34 млн. руб. Профсоюз не считаясь с финансовым напряжением, настоял на том, чтобы доля отчислений на нужды рабочих была повышена до 15% вместо проектированных 10%.

Я видел заводское помещение на фабрике Зиновьева целиком набитое новыми машинами – настолько тесно, что это представляет опасность для жизни. Как раз постановления об охране труда наиболее строгие в Советском Союзе. Как мне говорили в данный момент на первом плане «интересы фабрично-заводской продукции». Это конечно преувеличение, но оно иллюстрирует некоторое внутреннее противоречие. В конечном результате, по-моему, все же перевешивают интересы охраны труда, хотя с большими пробелами и компромиссами с которыми и не помыслил бы администратор производитель на заводе. Вот что самое неожиданное!

При этом решающий момент заключается в том, что все располагается вокруг коммунистической партии, как основного стержня. Она вообще ось всего государства. Уже в цехах имеется коммунистическая ячейка. В фабкоме руководят коммунисты, которых ежемесячно контролируют свыше и наставляют в каждом вопросе в определенном духе, в определенных установках. Они следуют за каждой указкой сверху.

Желания рабочих подхватываются фабзавкомами, «ячейка» их передает дальше. Повсюду решает широкая воля партии, которой одной принадлежит наблюдение за всем государственным целым. Партия непременно требует того, чтобы рабочие коллективно участвовали в управлении административными органами, профсоюзами, а не только бы стояли у ткацких станков. «Массовый контроль» – вожди чутко прислушиваются к массам. Но рабочие все же не управляют. Какое то промежуточное состояние, которое нельзя точно определить, можно только наблюдать и соответствующим образом не выкристаллизовалось еще регулирование труда,

деятельность всего целого. Во что бы то ни стало руководство не должно отойти от коллектива, стать в глазах рабочих чем-то посторонним, идущим от «верхов» противопоставляемых массе, далеких как предприниматель. Сколько искусства в области знания человеческой психологии требуется при этом. Как гибко надо балансировать между грубой силой и мягкой настойчивостью. В цехах имеется 5-8% коммунистов. В преломлении сознания рабочих все шероховатости будней – хлебная карточка, повышение производительности труда, вынужденные обстоятельствами все растущие дисциплинарные взыскания – должны получить какой-то положительный смысл, если будут касаться и коммунистов. Коммунисты добывают себе капитал все в большей степени – капитал в виде доверия, путем соответствующего поведения под флагом блага рабочих. При этом тончайшим способом используется психология. Главным образом у рабочего должно создаться впечатление, что он сам требует все то, что от него требуют. Таковы правила против потребления спиртных напитков, всякого рода взносы и отчисления общественно-полезного характера, вплоть до госзаймов, пайков и, наконец – это самое трудное до отказа от повышения зарплаты при снижающемся реальном заработке. При этом самосознанию пролетариата преподносятся сильнодействующие напитки подобно проводимой теперь новой чистке, удалению классово-чуждых элементов из производственного аппарата – и даже из школ. Всегда при помощи рабочих. На высших ступенях госаппарата всячески выдвинуты рабочие или учащиеся сыновья их. Буржуазные специалисты всегда живут как бы на стекле микроскопа. Непрерывно инкриминируется враждебность зарубежной буржуазии.

Однако не очень легко сводить концы с концами, уберечь рабочего от возможности появления мыслей о выражении – «между молотом и наковальней» в применении к новому строю. В конкретной действительности по видимому сложился мир какого то нового равновесия – равновесие между тем, кто дает приказ работе машины и наблюдает за работой, и тем, которые фактически существуют по сравнению с тем, которое должно быть. Несомненно, что в Советском Союзе имеется достаточно пролетариев, чувствующих себя только пролетариями и не больше. Этот слой не является скрепляющим слоем, определяющим моментом представляется убеждающая или внушающая сила доктрины «пролетарской диктатуры». Производительность труда запада не достигнута, даже и довоенная русская. Но и производительность такова, какой она должна быть после всего двух лет, когда принялись работать всерьез. Это уже исторический факт. Правда, что уже в течение продолжительного времени налицо некоторые критические явления. Ощущается падение трудовой дисциплины, его можно считать характерным результатом системы. С ним борются пока с явным успехом путем «соцсоревнования» между отдельными предприятиями. Затем – безумие с водкой, которое в прошлом обошлось Ивановской губернии в 30 млн руб. Газеты переполнены жалобами на неради-

вость, шатанье без дела, посиделки в специальных курительных комнатах на предприятиях с огнеопасным производством. Что касается себестоимости, то даже во многих отношениях примерном Иванове ее не удалось снизить, а некоторые говорят об ее увеличении ее на 2%.

Позволяет ли все возможное сделать вывод о том, что такое столь своеобразно сложившееся состояние равновесия малоценно, что здесь может помочь только сильная авторитарная воля? На активе стоят: уже достигнутая производительность труда и неоспоримые дальнейшие достижения в этой области в новых фабричных устройствах; живучесть системы, проявленная ей при многих минувших кризисах. Не достаточен ли опыт Иванова? На это можно ответить различно в зависимости от взглядов. Но считаясь с целым рядом неизбежных оговорок – оговорки о гигантском базисе эксперименте на сгорбленных спинах 125 млн крестьянского населения, оговорки о «необыкновенной принудительной силе государства», оговорки о монополии партийных суждений, оговорки о направлении средств в промышленность, до полного исчерпания их, оговорки о культурном уровне населения, об его характере, о способности его обходиться без удовлетворения многих потребностей, оговорки, наконец, о глубоком отрыве внутреннего рынка от заграницы – при всех этих оговорках эта структура организации труда, по-видимому жизнеспособна. Но что касается возможности переноса ее во все другие страны, то с этим делом обстоит примерно так, как с искусственным каучуком – он вырабатывается, но по всему вероятно не для того, чтобы реализовываться на всех рынках. Попутно возникает вопрос, как живут рабочие в переживающем подъем Иванове – вернее, как пытаются устроить для них жизнь.

Социалистические социально-культурные мероприятия. Жилища, питание, торговля. Предел достижений. Усиленная деятельность в социально-культурной области. Достижения и неудачи.

Красный строй хочет дать, что-то необыкновенное рабочим, представляющим собой наиболее влиятельные слой населения. Хозяйственное строительство, могущее осуществить все здесь намеченное, неразрывно связано с деятельностью направленной на то, чтобы рабочий мог фактически использовать свое, так часто подтвержденное ему революционное право на полноту жизни. Однако неумолимые законы денег, принудительные силы объективных условий являются подлинным интернационалом, как бы много привилегий не было предоставлено рабочим в Советском Союзе. Так же как и в других местах в Иваново-Вознесенске определенно чувствуется неустойчивость, колебания и в области преодоления жилищной нужды в быстро растущем промышленном городе – преодоление при помощи наиболее доступных и в то же время наиболее приемлемых с социалистической точки зрения способов. За последнее время строят большие наемные дома для рабочих на главных улицах, улицах прежних владельцев, дома которых теперь заняты под местные учреждения. Это конечно

политика, как и все, в конце концов, в Советском Союзе. Но с возведением больших наемных домов связана организация коллективного жилища – социалистическое изготовление пищи, которое там возможно на общей плите и коллективные прачечные. За проработку типа социалистического жилища взялись по всему Советскому Союзу архитекторы, но пока не найдено идеального решения того, что пожалуй и не является никаким идеалом. В новых коллективных домах стремятся отделить квартиры. Но на практике принцип, «одна крыша вместо многих» воспроизводит прошлое. В Иванове и в других местах я видел многоэтажные длинные дома для рабочих, выстроенные предпринимателями впрочем по коридорной системе. Эти дома были также в известном смысле домами для коллективных жилищ.

После революции в Иванове хотели каждой семье предоставить по две комнаты. Менее счастливые обитатели традиционных с садиком и хлебом крестьянских домов настояли на том, чтобы двери, соединяющие их помещения с комнатами вселенных к ним, были замурованы. Социалистическая нивелировка при нехватке в средствах не всегда ведет к более высокому уровню жизни. Как и в других областях, так и в жилищном строительстве делается многое. Но при каких условиях можно надлежащим образом использовать то, что здесь происходит. Прежде всего, чем перейти к строительству наемных домов для большого количества жильцов устраивали крупные поселки. В одном Иванове было построено три таких поселка. Дома для шести семей, напоминающие красивые виллы. Но это, разумеется, обходилось слишком дорого. Надо считаться с чрезвычайной дороговизной жилищного строительства, с недостатком стройматериалов стране.

Обитатели таких домов должны были уплачивать 30 руб. в качестве наемной платы – одну треть, если не больше всего доходного бюджета семьи. Поэтому в каждой квартире – жилец субарендатор платящий 15 руб. Субаренда строго воспрещена, но, тем не менее, под давлением обстоятельств она существует. В Шуче платят за подобные квартиры только 11-12 руб. Субарендатор отпадает, но все же эта цена кажется живущим в квартире высокой. Теперь повсюду выплачивается квартирная плата, тогда как раньше патриархальный предприниматель зачастую предоставлял помещение в своих домах бесплатно. В Баку это делает и социалистическое государство. Система равенства в итоге приведена к неравенству.

Можно считать, что в среднем удельный вес квартирной платы в рабочем бюджете составлял от 8 до 10%, превышая в общем довоенный уровень. Низшая заработная плата в этом районе, в котором она почти единообразна, регулируется – 2 руб. 30 коп, высшая 2 руб. 87 коп. При такой ничтожной сумме доля падающая на квартирную плату представляется во всяком случае значительной и в абсолютном выражении вообще наводящее на размышления парадоксальное положение заключающееся в том, что издержки рабочего государства на рабочих могут приводить к

чрезмерной и даже совершенно непосильным тяготам для отдельных рабочих...

Догматы влекут не только к массовому жилищу, но также и к системе массовых покупок и питания. В этом отношении и здесь уже много достигнуто. Крупные государственные кооперативы вытесняют своими импозантными, строго стиля строениями уютные мелочные лавки или по крайней мере выталкивают из них частных торговцев, которых теперь ускоренным темпом забивают налогами. Но также и здесь форма растет гораздо быстрее, чем содержание. Много нельзя иметь. Вся частная мелкая промышленность сошла на нет вместе с розничной. Так же нельзя абсолютно сказать, что в новых торговых домах можно купить то, что лежит в витринах с проставленными низкими ценами.

Ежедневно рабочая кухня питает десятки тысяч в общих столовых на фабриках, в школах и клубах. Это единое снабжение желудка является социалистическим идеалом. В Иванове это достигнуто в такой степени, что «частные рестораны» и столовые почти исчезли. «Лучший» наряду с фабричной кухней ресторан – во всяком случае, в единственном числе в городе. Германское кухонное оборудование в Иванове образцово. Тщательное изготовление блюд. Но теперь мне становится понятным, почему так же в Германии на крупных предприятиях коллективное питание развивается только в определенных границах. В Иванове обслуживание посетителей происходит весьма медленно. Режим экономии сказывается и тут. Подобная мелочь выявляет зависимость осуществления коллективной программы от наличия денежных капиталов. Всегда человек хочет проявлять свою собственную индивидуальность в отношении жилища и пищи. Это я уловил из некоторых брошенных посетителями общественных столовых замечаний.

В качестве первостепенного промышленного центра Иваново принадлежит к числу тех восьми районов Советского Союза, снабжение которых продуктами питания является предметом особых забот правительства при наблюдающемся теперь недостатке этих продуктов. Нельзя отрицать того, что равнинная страна так мало производит или имеет, что при всех усилиях правительства это все же ощущается даже столь и привилегированным городским районом. Хлеб, масло (вывозится только очень просоленное свежее), крупы, чай и некоторые другие продукты отпускаются лишь в определенном размере. Рабочий, работающий с полной нагрузкой, получает 600 грамм хлеба на день. Эта порция уменьшается для различных слоев населения до 200 грамм, доходя даже до нуля для лиц которые утратили свои политические права и должны покупать его по высоким ценам у частных. Как видим, дело идет об обеспеченной выдаче известного минимума определенным группам населения. Но все же нет уверенности, что всегда получишь свой рацион – чай, например и неожиданно возникли затруднения с мясом.

Кооперативы, рассматриваемые в этой стране в качестве первых плодов чистого коммунизма, пытаются овладеть положением. В маленькой Шуе в их руках одна треть всего товарооборота. Теперь это всюду обычная картина. Все имеющее соответствующие права население зарегистрировано и приписано к кооперативам. 7778 книжек на 11 тыс. населения! Но поразительно то, что в кооперативах как раз не имеется важных продуктов питания, которые приходится покупать у крестьян на рынке. Кооперативы естественно держат цены на возможно низком уровне. Но все эти расчеты по кооперации не достаточно обоснованы, и здесь как бы опережали реальную действительность.

Обобществленный сектор народного хозяйства еще недостаточно силен. Частную торговлю вытеснили в принудительном порядке, но достаточного количества товаров не имеется, чтобы вполне заменить частника. В этом заключается драматизм положения этого акта политики обобществления. Зарплата базируется, главным образом, на низких кооперативных ценах. Ясно, что значит то, что рабочий должен многое приобретать у частника, уплачивая по его высоким ценам. Будущность всего строительства зависит от преодоления этого напряжения. Кооперативы делают все возможное, чтобы охватить продукцию деревни, так, например, путем организации «молочных центров». Бывает, что новому лицу, приехавшему в город и проходящему мимо стоящих лавок, кричит кто-нибудь из ожидающих там женщин «слишком мало». Население очень скоро на жалобы. Я не нахожу, что в общем на населении, в частности на детях, лежит отпечаток каких-то лишений. Я решаюсь даже утверждать, что здесь в широко раскинувшемся, окруженном лесом Ивановом населении производит впечатление более здоровых людей, чем в некоторых западных индустриальных центрах.

Необходимо все же обратиться также к объективным показателям. Уменьшается ли туберкулез – эта социальная болезнь текстильных районов? Этому мне не удалось вполне выяснить. Венерические болезни, в частности, сифилис, во всяком случае, стали редким явлением в такой степени, что нам даже трудно себе представить. Бросается в глаза большое количество случаев прерванной беременности. По полученным мной данным в одном глухом районе на 500 рождений приходится 200 аборт. Далее средняя зарплата колеблется от 70 до 80 руб. в месяц (здесь имеет место противоречивость суждений корреспондента, комментариев О.В.). Довоенный уровень превзойден более чем вдвое. Но зачастую сами рабочие указывают на падающую – особенно сильно за последнее время – покупательную силу рубля. Выравнивает ли происходящее незначительное повышение зарплаты это обесценивание рубля. Исходя из приведенной выше средней зарплаты, полагаю, что семья, состоящая из более чем пяти душ, близка к нужде. И теперь также имеются отцы семейств, весь завтрак которых состоит из сухого хлеба и стакана горячей воды.

Правительство ведет героическую и это более выразительное слово – систематическую борьбу за улучшение уровня жизни и, по крайней мере, за надлежащий минимум питания населения. Повсюду лесные площадки с выдачей молока слабым детям. Вполне образцовая охрана материнства. Превосходные ясли и детские сады с зачастую очень хорошим обслуживающим персоналом. Стремятся – это дается не без труда, приучить население к животным жирам в целях вытеснения нерационального во многих отношениях питания, кладущего в основу хлеб. Нельзя также не учитывать того, что потребности рабочих во многом выросли, т.е. они стали более остро реагировать на нехватку в чем-либо. Большое значение приобрела в их бюджете одежда. Покупается чудовищно много сладостей. Явление замены других недостающих продуктов. Но покупаются только лучшие сорта, а другие не находят сбыта.

Многое сделано для больных, здесь можно скоро будет проводить сравнение с Западом. В Иванове образцовая амбулатория для туберкулезных. Врачам запрещено принимать в течение их пятичасового рабочего дня более пяти пациентов в час. Доставшиеся от старого строя больницы обильно снабжаются медикаментами и предметами ухода за больными. По-видимому нехватка лишь инструментария. Количество вновь создаваемых больниц – они оборудованы образцово, «с любовью» – все увеличивается. Только один раз я заметил шаг назад в этой области – заводская больница была отдана под клуб. Я должен подчеркнуть порядок и опрятность, царящие не только в больницах, но также и в домах рабочих. Я всегда встречал полную готовность показать мне то, что я хотел увидеть, и мне показывали все не только с «парадного крыльца». Кооперативные лавки, были также безукоризненно опрятны, как и столовые или детские сады или железные дороги, которые в этом отношении пользуются особой славой. Подобные моменты выявляют наглядно напряженные и, следует сказать, ставшее уже массовыми стремления к подъему цивилизации.

Великому порыву противодействует косность жизни, а также мешает собственная в высшей степени односторонняя политика. Одно очевидно, во многих решающих даже моментах жизни – рабочий уплачивает как бы авансом за функционирование системы, которая им завоевана и для него организована, но вместе с тем эта система в своем осуществлении господствует над ним. Несомненно, система в своем лихорадочном развертывании оказывается должником данного положения за счет грядущего. Это дает о себе знать и в растущем темпе в области питания, жилища, социально-культурных мероприятий общего характера. Во всяком случае, эти неприятности в такой форме вызваны процессом обобществления часто тяжелого бремени возложенного на крестьянина во имя великой цели и которое он несет против своей воли, безучастно, ничего не предпринимая, перелagается автоматически и на город и затрагивает там и рабочего на многих путях его.

Но в то же время и несмотря ни на что вырабатывается идеал нового пролетарского бытия, идеал вполне сознательного культурного самообслуживания и хотя в данный момент результаты этого особенной социально культурной работы не могут еще определяющим образом влиять на общий уровень жизни, все же рабочий видит вокруг себя достаточно примеров применения подобного метода и черпает в них мужество для дальнейшего. И молодой порыв всего коллектива насильственно увлекает теперь за собой и отдельного рабочего как бы положительные достижения ни стояли под угрозой перехода, когда-либо в будущем в неудачи»².

В завершении публикации следует сказать, что в отечественной историографии замнаркомфина М.И. Фрумкин признан первооткрывателем «правого уклона». Именно его два письма, адресованные в Политбюро ЦК ВКП(б) в июне и ноябре 1928 года положили начало указанному направлению. Основные положения его писем были посвящены положению в сельском хозяйстве, недопустимости расширения колхозов и совхозов «в ударном и сверхударном порядке», наличия в нем «отставания, равносильного деградации»³. Тем не менее, имеет место созвучие ряда положений из обращений М.И. Фрумкина в Политбюро ЦК и «оговорок», сделанных П. Шеффером по результатам обработки полученной информации о деятельности «текстильного района Иваново-Вознесенска» и в частности относительно бремени возложенного на крестьянство для достижения социалистического идеала. Учитывая, что рабочие Иваново-Вознесенска традиционно были тесно связаны с деревней, нельзя не исключать, что процессы, происходившие в ней, в значительной степени отражались и на мировоззрении рабочих, их отношении к труду, состоянию дисциплины, производительности и качеству выпускаемой продукции. Таким образом, статья П. Шеффера в «Берлинер Тагеблатт» содержит вполне аргументированные суждения о реализации идеала пролетарского бытия в текстильном районе Иваново-Вознесенска» и наполняет региональную историю новым содержанием.

¹ Российский Государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.р.-7733, оп.7, д. 47, л. 178-178 об.

² РГАЭ. Ф.р.-7733, оп.7, д. 47, л. 181-184 об.

³ Васильев Ю.А. Модернизация под красным флагом / Ю.А. Васильев. М.: Современные тетради. 2006. С. 245-248

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Веселов Виктор Романович, д.и.н., профессор кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова

Ермушин Максим Валерьевич к.и.н., доцент, доцент кафедры истории и культурологии Костромской государственной сельскохозяйственной академии

Иванцов Денис Сергеевич – кандидат культурологи, начальник отдела анализа и инновационного развития туристской деятельности департамента внешнеэкономических и межрегиональных связей Костромской области.

Иерусалимская Светлана Юрьевна, к.и.н., директор по маркетингу и рекламе ООО «Нордстрой», г. Ярославль

Иерусалимский Юрий Юрьевич, д.и.н., профессор, зав. кафедрой отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

Камардин Игорь Николаевич, к.и.н., доцент, зав. кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин Кузнецкого института информационных и управленческих технологий (филиал Пензенского государственного университета)

Кидяров Алексей Евгеньевич, аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова г. Кострома

Коровин Николай Романович, д.и.н., профессор Ивановского государственного университета

Кохнович Виктор Адамович, аспирант, преподаватель кафедры истории России Белорусского государственного университета (БГУ) г. Минск

Кузин Сергей Николаевич, к.и.н., доцент. Московская Академия предпринимательства при Правительстве Москвы

Леднева Н.К., соискатель Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

Мальцев Роман Юрьевич, заведующий историческим отделом Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Нестеренко Надежда Николаевна аспирант Ивановского государственного университета

Околотин Владимир Сергеевич, к.и.н., докторант кафедры новейшей отечественной истории Ивановского государственного университета

Панкратова Ольга Борисовна, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова

Скубневский Валерий Анатольевич, д.и.н., профессор, зав. кафедрой отечественной истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Ульянова Светлана Борисовна д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории Санкт-Петербургского государственного политехнического университета

Чугунов Евгений Анатольевич, к.и.н., профессор КГУ им. Н.А. Некрасова, первый заместитель директора департамента культуры Костромской области

Юрчук Клара Ивановна д.и.н., профессор Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

Научное издание

**Рабочие – предприниматели – власть
в конце XIX – начале XX в.:
социальные аспекты проблемы**

**Материалы V Международной научной конференции
Кострома, 23–24 сентября 2010 года**

ЧАСТЬ II

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка А.В. Новиков

Подписано в печать 23.08.2010.

Формат 60х90/16.

Уч.-изд. л. 7,9.

Тираж 100 экз.

Изд. № 142.

Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
156961, Кострома, ул. 1 Мая, д. 14